

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2018. Т. 26(1–4). № 4

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Зарегистрирован Министерством печати
и информации Российской Федерации 14.12.1992.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 28.12.2018. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Ушатилов Александр Иванович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL TEAM

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugaeva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ushatikov Aleksandr Ivanovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 386** *Артемьев Н. С., Красковский Я. Э.* Многофакторный анализ как научная основа предупреждения рецидивной преступности
- 390** *Гирько С. И., Скударева Н. И.* Стратегия восстановления уголовно-процессуальных полномочий пенитенциарным учреждениям как современный вектор развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации
- 396** *Горяинов К. К.* Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы
- 401** *Карамашев С. Б.* Сущность и характерные черты цели уголовного наказания
- 407** *Смирнов А. М.* Общественная опасность как признак обстоятельств, исключаящих преступность деяния
- 413** *Кохтачев В. С.* Профессиональное выгорание сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний – нестраховой случай. А почему?

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 420** *Реент Ю. А.* К проблеме исследования мест лишения свободы Южно-Уральского региона в годы Великой Отечественной войны и восстановительный период
- 425** *Прысь Е. В.* Об истории возникновения и развития институтов преступления и наказания

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 430** *Скиба А. П., Сиряков А. Н.* Некоторые аспекты исполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях во Франции и в Испании
- 437** *Муркштис М. И.* Анализ зарубежного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия (на примере стран Содружества Независимых Государств)

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 441** *Воробьев С. М., Илюхин А. В.* Опыт взаимодействия территориальных органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний с религиозными организациями: на примере Удмуртской Республики

- 446** *Поникаров В. А., Поникаров С. В., Смолев С. М., Строилов С. В.* Содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний
- 455** *Конарев М. Ю.* Особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия с точки зрения международного права

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 460** *Румянцев Н. В., Колотушкин С. М.* Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы
- 465** *Гришин Д. А.* Информационные основы доказывания по уголовному делу
- 470** *Гришко Л. Е., Прысь И. Е.* Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления
- 476** *Щербаков А. В.* Инженерно-технические средства обеспечения режимных требований безопасности уголовно-исполнительной системы
- 482** *Богданов А. В.* Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 487** *Чернышов И. Н.* Затраты и результаты труда осужденных: проблемы статистического анализа

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 495** *Шатохина Л. В., Калашникова М. М., Сочивко Д. В.* Проблема прогностического развития педагогической культуры преподавателей в системе образовательных организаций

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 500** *Artemyev N. S., Kraskovsky Y. E.* Multifactorial analysis as a scientific basis for the prevention of recidivism
- 501** *Gir'ko S. I., Skudareva N. I.* Strategy of criminal procedural powers' restoration to penitentiary institutions as a modern vector of the Penitentiary system's development of the Russian Federation
- 502** *Goryainov K. K.* Operational-search control over convicts to punishment without imprisonment
- 503** *Karamyshev S. B.* The nature and characteristic features of the objectives of criminal punishment
- 504** *Smirnov A. M.* Public danger as a sign of circumstances excluding criminality
- 506** *Kohtachev V. S.* Professional burnout of the employee of the Federal service of execution of punishment – non-insurance case. Why?

TIME LENS

- 507** *Reent Yu. A.* On the problem of the study of places of deprivation of liberty in the South Ural region during the great Patriotic war and the recovery period
- 508** *Prys' E. V.* On the history and development of the institutions of crime and punishment

ABROAD

- 509** *Skiba A. P., Siryakov A. N.* Some aspects of the execution of criminal Penalties in extreme conditions in France and Spain
- 510** *Murkshtis M. I.* Analysis of foreign legislation on liability for illegal arms traffic (on the example of the Commonwealth of Independent States)

MANAGEMENT VECTOR

- 511** *Vorob'ev S. M., Ilyuhin A. V.* The experience of interaction of territorial bodies and institutions of the Federal service for execution of punishments with religious organizations: on the example of the Udmurt Republic

- 512** *Ponikarov V. A., Ponikarov S. V., Smolev S. M., Stroilov S. V.* The content of evidence in cases of administrative offenses in law enforcement of officers of special purpose divisions of the Federal Penal service
- 513** *Konarev M. Yu.* Features of civil liability of prison officers for the unlawful use of physical force, special means and weapons from the point of view of international law

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 514** *Rumyancev N. V., Kolotushkin S. M.* Features of detection, fixing and withdrawal of traces on the unmanned aircraft brought down over territories of organizations of Penal system
- 514** *Grishin D. A.* Information bases of evidence in a criminal case
- 515** *Grishko L. E., Prys' I. E.* The personality of a convicted person for economic crimes: on the example of the personality of those convicted of tax crimes
- 516** *Shcherbakov A. V.* Engineering and technical means of ensuring security regime requirements of the penitentiary system
- 518** *Bogdanov A. V.* Features of the subject of crimes containing administrative prejudice in the current criminal law of Russia

COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 519** Chernyshov I. N. The costs and benefits of the labour of convicts: problems of statistical analysis

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 520** *Shatohina L. V., Kalashnikova M. M., Sochivko D. V.* The problem of prognostic development of pedagogical culture of teachers in the system of educational organizations

УДК 343.911

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aru.kiopp@yandex.ru;
ЯН ЭДУАРДОВИЧ КРАСКОВСКИЙ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация,
e-mail: up406@mail.ru

МНОГОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Для цитирования

Артемьев, Н. С. Многофакторный анализ как научная основа предупреждения рецидивной преступности / Н. С. Артемьев, Я. Э. Красковский // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 386–389.

Аннотация. Социально-экономические и политические изменения, происходящие в нашей стране, обуславливают все более высокие требования к деятельности правоохранительных органов, которые решают важные задачи по обеспечению правопорядка, предупреждению преступности, предотвращению рецидива преступлений. Общественная опасность рецидивной преступности общеизвестна. Она состоит не только в том, что рецидивисты совершают новые тяжкие и особо тяжкие преступления, но и в том, что они разлагающе действуют на других лиц, толкая их на путь совершения преступлений. В силу этого предупреждение рецидива – это утверждение авторитета уголовного закона, правосудия и предупреждение со стороны лиц, ранее не совершавших преступлений. Успешному решению проблемы предупреждения рецидивной преступности будет способствовать дальнейшая научная разработка вопросов планирования, охватывающих меры как общего, так и специального предупреждения на основе многофакторного анализа причин, порождающих рецидив, и условий, способствующих рецидивной преступности. Эффективность планируемых мероприятий по предупреждению рецидивной преступности во многом будет зависеть от того, насколько методически правильно, квалифицированно и глубоко, со знанием дела будет проводиться ее анализ, который является начальной стадией организаторской работы, принятия всех управленческих решений, в том числе планирования предупредительных мероприятий. При анализе рецидивной преступности выясняются особенности повторного неоднократного совершения отдельных видов преступлений, изучаются личность рецидивистов, практика применения к ним судом мер наказания, отбывания наказания, исследуются условия, в которых находятся

лица после отбывания ими наказания, и т. д. Особое внимание при этом обращается на причины, в силу которых лицо по отбытии наказания возвращается к совершению нового преступления. Анализ устанавливает особенности рецидивной преступности на обслуживаемой территории, ее динамику и структуру. Определяются степень и эффективность использования сил и средств в ее предупреждении, вскрываются неиспользованные резервы, выявляются и оцениваются передовой опыт, новые формы и методы предупреждения рецидива, а также эффективность наказания, причины и условия, способствующие рецидивной преступности.

Ключевые слова: рецидивная преступность, анализ рецидивной преступности, программа анализа рецидивной преступности.

Важным вопросом при подготовке к анализу рецидивной преступности является выбор правильной методики его проведения. Учитывая, что с помощью только статистических данных всесторонне изучить причины и условия, способствующие рецидивной преступности, не представляется возможным из-за недостатка информации, заложенной в них, необходимо подготовить и криминологический анализ по специально разработанной программе, включающей в себя изучение факторов, относящихся к личности рецидивистов; судебной практики, деятельности исправительных учреждений по исправлению осужденных и предупреждению новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, деятельности органов внутренних дел (полиции) по предупреждению преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы; некоторых других факторов, влияющих на состояние рецидивной преступности.

1. Факторы, относящиеся к личности рецидивистов. При анализе рецидивной преступности обязательно учитывается возраст рецидивистов, совершивших рецидивные преступления. При этом рассматривается и предупреждение преступлений несовершеннолетних как один из главных резервов снижения уровня рецидивной преступности.

Программой предусматривается изучение пристрастия рецидивистов к употреблению спиртных напитков и наркотических веществ, а также проведения ими свободного времени.

Анализируется совершение преступлений рецидивистами в группе или в одиночку, так как от этого зависит методика предупредительной работы в будущем, а также обязательно исследуется их общеобразовательный и культурный уровень, их интересы, читают ли они литературу, газеты и журналы, что непосредственно связано с правовым просвещением.

Изучается и такой важный вопрос в жизни рецидивиста, как занятие общественно полезным трудом после освобождения из учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также анализируется место, район, где совершают преступления рецидивисты, то есть «география» их преступности. Важным при анализе является время суток, когда совершают преступления разные категории рецидивистов.

Успешная работа по предупреждению преступлений, совершаемых рецидивистами, зависит в значительной степени от рациональной расстановки личного состава горрайорганов внутренних дел (полиции) и их профессионального мастерства с учетом времени совершения этих преступлений ранее судимыми и качественного осуществления требований Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», что обязательно учитывается при анализе состояния рецидивной преступности.

2. Недоработки судебной практики. Изучаются виды наказаний, назначаемых судами рецидивистам за совершение ими преступления, причем в первую очередь анали-

зируются наказания за совершение наиболее распространенных преступлений, таких как кражи, в том числе карманные кражи, раскрываемость которых крайне низкая, а латентная преступность среди них весьма высокая.

3. Недостатки в деятельности исправительных учреждений по исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В исправительных учреждениях изучается незанятость значительной части осужденных общественно полезным трудом, неполный охват осужденных производственным и общим обучением, недостатки в области осуществления режима отбывания наказания, развития индивидуальных форм воспитательной работы с осужденными, несовершенство применяемых методов исправительно-трудового воздействия.

Анализируется время совершения преступлений освобожденными из исправительных учреждений рецидивистами в течение первых 3 месяцев, 6 месяцев, одного года и 3 лет, что свидетельствует о наличии серьезных недостатков в деятельности сотрудников исправительных учреждений.

Обязательно изучается и роль установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима) – одного из важных средств исправления осужденных, а также других средств исправления осужденных (воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие).

Анализируются такие грубейшие нарушения, как употребление осужденными спиртных напитков, наркотических средств, мелкое хулиганство, карточные игры, пронос и хранение запрещенных предметов. Учитывается и образовательный уровень осужденных, а также их учеба в школе.

При исследовании состояния рецидивной преступности определяется их устройство на работу после освобождения из исправительных учреждений, учитываются контроль и воспитательное воздействие коллектива этих предприятий на освобожденных из исправительных учреждений бывших осужденных. Обязательно учитывается и то, устраивается ли эта категория лиц на работу по специальности, полученной в местах лишения свободы, или не по специальности на те предприятия, где они работали до осуждения, или на другие предприятия, где возможностей для их исправления по прежней работе имеется больше, чем в тех, где их не знают.

При исследовании изучается практика трудового и бытового устройства осужденных после отбытия ими наказания и инстанции, куда они обращались за помощью в трудоустройстве, а также анализируются причины отказа предприятий и учреждений принимать их в свои коллективы, в том числе по принципу «боясь разлагающего воздействия на своих рабочих и служащих», действуя по принципу «как бы чего не вышло».

4. Недостатки в деятельности органов внутренних дел (полиции) с лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В процессе анализа изучается взаимодействие между органами внутренних дел (полицией) и учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы по вопросам предупреждения рецидивной преступности, в том числе по системе передачи бывших осужденных, освобожденных из исправительных учреждений, сотрудникам полиции, в первую очередь участковым уполномоченным полиции, на территорию обслуживания которых прибывает освобожденный из ИУ. Определяются сроки прописки данной категории лиц, а также категория сотрудников полиции, кто проводит первую профилактическую беседу с освобожденными из ИУ (паспортный работник, участковый уполномоченный полиции, оперативный сотрудник уголовного розыска, заместитель начальника РОВД или начальника данного учреждения). Постоянное внимание руководителей и оперативно-начальствующего состава к вопросам организации индиви-

дуально-профилактической работы с неоднократно судимыми сразу после их прибытия на обслуживаемую территорию будет способствовать предупреждению рецидива. Затем анализируется постановка освобожденных из ИУ на оперативно-профилактический учет и профилактическая работа сотрудников с этой категорией лиц, в том числе с ранее судимыми лицами, взятыми под административный надзор в соответствии с требованиями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Изучаются возможности использования государственных органов и общественных организаций в исправлении освобожденных из ИУ и оказании им необходимой помощи в трудовом и бытовом устройстве.

5. Другие факторы, влияющие на состояние рецидивной преступности. Изучается негативное влияние на уровень преступности, в особенности рецидивной, лиц, освобождающихся из мест лишения свободы и оставшихся на постоянное место жительства в этих регионах, где сосредоточено большое количество исправительных учреждений. Следует учитывать и то, что в настоящее время в связи с гуманизацией уголовного законодательства к большому количеству осужденных применяются наказания, не связанные с лишением свободы, в том числе условное осуждение. Кроме того, при исследовании рецидивной преступности нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в ряде регионов размещено большое число исправительных учреждений, в которых содержатся осужденные из разных областей, республик, которые после освобождения в ряде случаев совершают преступления, проезжая по территории страны к месту своего жительства.

При проведении многофакторного анализа следует предпринять попытку получить данные о будущем поведении освобождаемых осужденных. С этой целью поведение каждого освобождаемого осужденного необходимо обсудить с администрацией ИУ и учесть ее мнение о возможных вариантах поведения этой категории лиц после отбытия срока наказания:

- будут продолжать на свободе преступную деятельность;
- не будут совершать преступления (в чем представители администрации уверены);
- не уверены в том, что не будут совершать преступления после освобождения из ИУ.

Сотрудники полиции, в первую очередь участковые уполномоченные, на участки обслуживания которых придут освобожденные из ИУ, зная их поведение, должны планировать те или иные средства и методы профилактического воздействия в отношении конкретных лиц, которые могут совершить преступление.

Как справедливо подчеркивает Т. В. Варчук, наиболее эффективным при прогнозировании индивидуального преступного поведения является метод экспертных оценок [1, с. 208–209].

Результатом многофакторного анализа рецидивной преступности являются рекомендации предупредительно-профилактического характера, которые должны реализовываться в разработке предупредительно-профилактических мероприятий, охватывающих работы как государственных органов, прежде всего органов внутренних дел (полиции), так и исправительных учреждений, так как процесс исправления осужденных, начатый (но, к сожалению, не всегда завершенный) в условиях исправительного учреждения, должен продолжиться после их освобождения.

Библиографический список

1. Варчук Т. В. Прогнозирование индивидуального преступного поведения // Криминология : учеб.-метод. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. М., 2007. 519 с.

УДК 343.13

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0344-0573,
e-mail: syvorina959134@mail.ru;
НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА СКУДАРЕВА,
кандидат юридических наук, ученый секретарь,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nataliskudareva@gmail.com

СТРАТЕГИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Гирько, С. И. Стратегия восстановления уголовно-процессуальных полномочий пени-тенциарным учреждениям как современный вектор развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / С. И. Гирько, Н. И. Скударева // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 390–395.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы уголовно-процессуальной компетенции Федеральной службы исполнения наказаний, уголовно-исполнительной системы, отдельных органов и должностных лиц через призму разрабатываемой Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Анализируется поэтапное закрепление уголовно-процессуальных полномочий за указанными в концепции субъектами и их последующей регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, других нормативных правовых актах. Представлен уровень проработки проблем уголовно-процессуальной компетенции этих субъектов научными и образовательными организациями Федеральной службы исполнения наказаний. Сформулированы адекватные стоящим перед уголовно-исполнительной системой задачам уголовно-процессуальные полномочия названных субъектов, распределены уголовно-процессуальные компетенции между ними.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные компетенции, подследственность, уголовно-исполнительная система, специализированные подразделения дознания, кадры для работы по производству дознания.

Немногим более года прошло со времени проведения III Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление», в рамках которого велись дискуссии, посвященные уголовно-процессуальным проблемам уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации [1, с. 29–36].

Во время обсуждения проблем аудитория разделилась на сторонников и противников наделения УИС указанными уголовно-процессуальными полномочиями, причем тех, кто полагает возможным и целесообразным наделение УИС процессуальными полномочиями, оказалось значительно больше.

Важно внести принципиальное уточнение. В данном случае речь должна идти не о наделении, то есть предоставлении впервые, процессуальными полномочиями органов и учреждений УИС, а, по сути, об их восстановлении, как минимум, в объеме тех, которыми система обладала до ввода в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В связи с этим необходимо отметить, что пенитенциарная система в дореформенном УПК РСФСР, действовавшем до 1 июля 2002 г., располагала, по нашему мнению, вполне достаточной для выполнения своих задач уголовно-процессуальной компетенцией. Так, согласно п. 4 ст. 117 этого кодекса полномочиями органов дознания были наделены начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых и воспитательно-трудовых профилакториев. Закон того времени представлял указанным субъектам уголовно-процессуальные полномочия органов дознания в полном объеме. Сегодня достаточно остро стоит задача по возвращению УИС утраченной ею компетенции, как минимум, в тех же рамках.

Ведущие подразделения и службы, включая образовательные и научные организации Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), приступили к разработке Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – Концепция) на очередной период – до 2030 г. Напомним, что в настоящее время продолжается и будет продолжаться до 2020 г. действие распоряжения Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. от 23 сентября 2015 г.), «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года». В ходе проводимой работы по подготовке новой Концепции анализируется реализованное, определяются пробельные места и вырабатываются стратегические направления развития УИС на предстоящий через 2 года новый десятилетний период развития службы.

Научная организация ФКУ НИИ ФСИН России, определяя реперные точки нового программного документа, признала целесообразным постановку проблемы возвращения самой УИС и ее конкретным субъектам, включая должностных лиц, уголовно-процессуальной компетенции и наделения указанных субъектов полномочиями на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, как минимум, в объеме, утраченном УИС с вводом в действие нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Необходимо отметить, что для научных специалистов данная проблема ненова и указанная проблематика в специальной литературе достаточно исследована [2; 3, с. 26–28; 4, с. 136–140; 5, с. 110–116; 6, с. 57–60].

Предложения ученых все это время требовали внимательной проработки, своего обобщения, анализа и индивидуализации по субъектам.

Не вдаваясь в подробности и причины изменений, происшедших с уголовно-процессуальной компетенцией УИС в начале 2000-х гг., считаем, что научному сообществу следует крайне осмотрительно подойти к проработке и включению в разрабатываемую Концепцию предложений по формированию адекватной задачам ФСИН России право-

вой основы предлагаемых уголовно-процессуальных полномочий как самой УИС, так и отдельных субъектов системы.

Концепция является программным и доктринальным документом, определяющим основные тренды предстоящего развития. Она должна, с одной стороны, быть свободна от излишней детализации, а с другой – четко определять векторные направления предстоящих перспективных изменений по развитию УИС.

По сути, сложившееся правовое положение как самой уголовно-исполнительной системы, так и ее отдельных должностных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в настоящее время является размытым. Никаким единым законодательным актом, в том числе ведомственным, этот статус не регламентирован.

Важно четко определить перечень самостоятельных субъектов уголовно-процессуальных отношений в УИС, а также пределы их компетенции. В связи с этим не вызывает сомнений в том, что полномочиями органов дознания в полном объеме должны обладать начальники учреждений и органов УИС, а правами производства дознания – дознаватели. Не следует смешивать компетенции, содержащиеся в п. 7 ст. 5 УПК РФ. По смыслу закона дознавателем является должностное лицо органа дознания, как правомочное (штатный дознаватель), так и уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (сотрудник, назначенный временно дознавателем, на период выполнения определенного объема процессуальных или следственных действий).

В специальной литературе нередко можно встретить безапелляционные предложения о создании в системе ФСИН России специализированных подразделений дознания. Большинство авторов в этом видят некую панацею решения большинства существующих проблем [7, с. 204–209; 8, с. 41–45; 9, с. 167–174; 10, с. 106–110].

Относительно создания специализированных подразделений дознания в системе ФСИН России необходимо отметить, что принятие подобного решения, кажущегося идеальным выходом из многих вышеописанных проблем, представляется в настоящее время нецелесообразным и малоперспективным в плане поддержки в силу ряда объективных причин. Так, уровень пенитенциарной преступности – более 1 тыс. преступлений в год и значительные бюджетные финансовые ассигнования без сомнения будут препятствовать в позитивном решении данной проблемы.

По нашему глубокому убеждению, создание специализированных подразделений дознания в системе ФСИН России если и может рассматриваться по существу, то только в некоей отдаленной перспективе, а в настоящее время работу по дознанию в системе учреждений и органов УИС способны выполнять назначаемые, согласно сложившейся практике, должностные лица из числа имеющихся в органах и учреждениях УИС наиболее подготовленных сотрудников.

Иная проблема заключается в том, что централизованная подготовка специалистов по дознанию, в силу недостаточной востребованности практикой, в образовательных организациях ФСИН России ни в какой форме не проводится.

Отсутствие в службе подготовленных сотрудников для деятельности по осуществлению дознания в органах и учреждениях УИС порождает и другую проблемную ситуацию: лица, которым поручается проведение процессуальных мероприятий, как показывает изучение практики, от такой работы уклоняются либо переключают ее на сотрудников территориальных органов внутренних дел, следственного комитета или прокуратуры, довольствуясь вспомогательной ролью. В силу этого Концепция должна содержать предложение о том, чтобы в системе образовательных организаций ФСИН

России была организована централизованная подготовка специалистов по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

На наш взгляд, профиль деятельности по дознанию уместно ввести самостоятельными курсами в образовательных организациях ФСИН России как в качестве первоначальной подготовки специалистов, так и в системах переподготовки и повышения квалификации сотрудников. При этом лиц, прошедших обучение по указанным программам, необходимо рекомендовать для привлечения к работе, связанной с приобретенными знаниями и навыками, то есть к деятельности по производству дознания.

Еще один аспект, который обоснованно претендует на отражение в Концепции, это проблема статистического учета информации о результатах процессуальной деятельности в УИС. Показательно в связи с этим то, что ФСИН России как субъект, отнесенный к органам дознания, не учитывается ни в одной общефедеральной и даже ведомственной статистической форме отчетности. Это обстоятельство красноречивее иных очевидных фактов характеризует дистрофичную сущность УИС как органа дознания, а также все попытки некоторых специалистов изобразить картину в искаженном свете.

Последовательность всей сложной и кропотливой работы по достижению стоящим перед УИС задачам, регламентации ее уголовно-процессуальных полномочий, формирование концептуальных «трендов» – это только первый этап тернистого во всех отношениях пути. Это первый, может быть, не самый сложный, но очень важный шаг.

Вслед за утверждением Концепции в программе по ее реализации в обязательном порядке должны найти отражение меры, направленные на корректировку УПК РФ, УИК РФ, формирование ведомственной нормативно-правовой базы реализации процессуальных функций конкретными субъектами.

Постановка вопроса о специализации по дознанию должна предваряться проработкой и внесением законодательных инициатив в части формирования соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации относительно статуса ФСИН России и УИС как органа дознания.

В современных условиях с учетом положений ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, определяющей исчерпывающий перечень учреждений и органов, исполняющих наказание, к числу самостоятельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности могут быть отнесены: начальники колоний-поселений, воспитательных колоний, лечебных исправительных учреждений, исправительных колоний различного режима, тюрем и следственных изоляторов.

Уголовно-процессуальная деятельность субъектов разного уровня представляется в двух связанных между собой формах: непосредственном исполнении процессуальных функций по расследованию, производству отдельных следственных действий и доследственных проверок, сопровождению осужденных или арестованных лиц для участия в следственных и процессуальных действиях и осуществлении не менее важных функций процессуального контроля за организацией такой работы в нижестоящих звеньях. Необходимо четко разделить такие процессуальные полномочия между субъектами разного уровня управления.

Данная работа видится поэтапной. В первую очередь необходимо определить уголовно-процессуальную компетенцию должностных лиц ФСИН России, уголовно-исполнительной системы как органов дознания, а также и самих ФСИН России и УИС.

Далее следует конкретизировать индивидуальные компетенции субъектов, осуществляющих дознание. Известно, что в соответствии со ст. 5 УПК РФ органами дознания являются государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществ-

влять дознание и другие процессуальные действия (п. 24), начальником органа дознания – должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель (п. 17), а дознавателем – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7). В связи с этим необходима проработка и последующее внесение изменений в конкретные нормы УПК РФ по вопросам закрепления и реализации правового статуса должностных лиц УИС в досудебном производстве, где центральное место в качестве начальника органа дознания, безусловно, должно принадлежать начальнику учреждения и органа УИС.

С учетом изменений процессуального статуса органов дознания в системе ФСИН России в обязательном порядке возникнет потребность в усилении ведомственного регулирования уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов УИС, разработке и вводе в действие нормативных правовых актов Минюста России и ФСИН России.

Важно определить подследственность УИС как органа дознания, а также процессуальные полномочия начальников учреждений и органов системы по рассмотрению дел уточненной подследственности. Наличие подследственности является отличительным признаком уголовно-процессуальной компетенции любого органа дознания, наделение индивидуальной подследственностью позволяет ограничивать пределы компетенции субъекта и решать многие стоящие перед ним задачи, применительно к УИС – обеспечивать охрану прав, свобод и законных интересов осужденных и иных лиц, находящихся в расположении ИУ.

Кроме уголовных дел о преступлениях, так называемых базовых, указанных в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, к подследственности УИС целесообразно отнести такие преступления, как действия, дезорганизующие работу ИУ, побег, преступления небольшой и средней тяжести среди осужденных, побои, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и другие преступления, наиболее часто совершаемые в учреждениях УИС, по которым должно производиться дознание в полном объеме или сокращенной форме, а также в объеме неотложных следственных действий с последующей передачей возбужденных уголовных дел профильному органу для проведения предварительного следствия.

Соответственно и регламентация нормы о подследственности должна позволять должностным лицам, уполномоченным на производство дознания в учреждениях и органах УИС, оперативно реализовывать свои уголовно-процессуальные функции во всех перечисленных и иных случаях совершения в расположении учреждений и органов УИС преступлений небольшой и средней тяжести различных категорий независимо от их подследственности. Регламентация предметной и видовой подследственности УИС должна быть закреплена в ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Конечная цель предполагаемой организационно-правовой работы – наделение УИС и ее отдельных субъектов соразмерными стоящим перед службой и ее органами задачам уголовно-процессуальной компетенцией и полномочиями, создание возможности использования уголовно-процессуальных средств в решении таких задач.

Мы полагаем, что перечисленные поэтапные меры правового характера, дополненные названными выше и иными усилиями организационной направленности, в случае их реализации способны привести статусное положение ФСИН России, ее органов и должностных лиц, реализующих уголовно-процессуальные функции на этапе досудебного производства, в состояние адекватное тем общественным отношениям и практи-

ке, которые находятся в сфере деятельности УИС, предопределив тем самым вектор перспективного развития самой уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Гирько С. И., Ширванов А. А. Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 29–36
2. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография. М., 2017. 464 с.
3. Кубасов А. В. Надзор за дознанием и иной процессуальной деятельностью в уголовно-исполнительной системе // Законность. 2015. № 7. С. 26–28.
4. Никифоров Л. В. Понятие и значение контроля за соблюдением законности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности учреждениями и органами ФСИН России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2. Ч. 1. С. 136–140.
5. Беляков А. В., Брыляков С. П. Дознание в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2(27). С. 110–116.
6. Митин Н. В. Рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях в учреждениях и органах ФСИН // Законность. 2013. № 6. С. 57–60.
7. Фомин Ю. С. Проблемы расследования преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, в современных условиях // Вестник Пермского университета. 2012. № 4(18). С. 204–209.
8. Ложкин Ю. А. ФСИН России как орган дознания в реализации положений уголовно-процессуального законодательства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 6. С. 41–45.
9. Куницын С. Н. Должностные лица органов дознания ФСИН России // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 167–174.
10. Брыляков С. П. Уголовно-процессуальный статус сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в досудебном производстве // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1(26). С. 106–110.

УДК 343.13:343.847

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ГОРЯИНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ КОНТРОЛЬ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Горяинов, К. К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы / К. К. Горяинов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 396–400.

Аннотация. Тенденция к гуманизации уголовной политики обусловила более широкое использование санкций с мерами наказания без лишения свободы. Это значительно увеличило нагрузку на учреждения, исполняющие наказания, и потребовало развития форм социально-правового надзора и контроля за осужденными. Современная статистика свидетельствует о том, что существующая практика такого контроля недостаточно результативна. Данное положение сложилось в результате совокупности факторов: разрушенной системы профилактики, сложившейся в советское время, слабой ресурсной базы подразделений, исполняющих наказания без изоляции от общества, разрозненности действий субъектов правоохранительной системы, наличия пробелов в правовом регулировании и пр. Между тем качество надзора влияет на состояние режима исполнения и отбывания наказания, является основным элементом его обеспечения и условием применения средств исправления к осужденным. Несмотря на наличие нормативных установлений о необходимости контроля за указанными категориями осужденных со стороны органов полиции или совместных действий с уголовно-исполнительными инспекциями, данная форма исполнения уголовного наказания используется недостаточно. Меры названного контроля не способны своевременно выявлять и предупреждать противоправные намерения лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Очевидно, что такой контроль должен быть наполнен и другими мерами, способными более результативно решать вопросы соблюдения режима отбывания наказания лицами, осужденными к мерам без изоляции от общества, и предупреждения рецидива с их стороны. В частности, предлагается ввести в надзор за ними оперативно-розыскную компоненту как комплекс мер гласного и негласного характера, разрешенных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, целесообразно нормативно предоставить

уголовно-исполнительным инспекциям право осуществления оперативно-розыскной деятельности в целом или наделяния ограниченными оперативно-розыскными функциями отдельных категорий их сотрудников.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-исполнительная система, оперативно-розыскная деятельность, контроль за осужденными, наказания без изоляции от общества.

При выработке уголовной политики приходится учитывать исторический опыт развития государства, состояние духовного потенциала общества, материальные ресурсы и другие факторы. Она должна принимать во внимание не только существующие реалии, но и прогностические оценки возможного результата принимаемых по ее реализации решений. В любом случае необходимо, чтобы она, с одной стороны, соответствовала криминологической реальности (анализ выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых видов, контингента преступников и т. п.), с другой – учитывала имеющиеся тенденции результативности правоприменительной практики: насколько она обеспечивает реализацию уголовной ответственности для лиц, совершивших преступления, насколько реально достигается общее и специальное предупреждение, особенно рецидива. В этих условиях и встает вопрос о направлении уголовной политики: усиление либеральных или карательных (репрессивных) начал?

Усиление карательных (репрессивных) начал в борьбе с преступностью позволяет улучшить криминологическую ситуацию, но лишь на время, так как те, кто отбывал лишение свободы, через определенное время освобождаются и при отсутствии должной социальной поддержки и надзора вновь становятся на преступный путь, нередко рекрутируя в свои ряды новых лиц. В силу этого такая политика целесообразна лишь как временная, например в 1990-е гг. XX в., когда преступность расцвела, особенно ее тяжкие и особо тяжкие проявления. Однако в начале XXI в. стало понятно, что необходимы иные подходы. Если судить по тенденциям развития законодательства, в этот период был избран либеральный путь и гуманизация исполнения наказаний. Такой подход в полной мере не соответствовал состоянию криминальной ситуации, но позволял рассчитывать, что сокращение применения лишения свободы может привести к позитивным тенденциям в уровне и структуре преступности.

Учитывалось, что эффективная уголовная политика, объективно оценивая состояние преступности, в векторах своего развития должна быть направлена на будущие позитивные изменения, и не только кратковременного характера. Была осуществлена значительная декриминализация преступных деяний (в 2003 и 2008 гг.), произошли изменения в практике применения наказаний. Все это позволило существенно сократить численность «тюремного» населения.

В то же время более широкое использование санкций с мерами наказания без лишения свободы увеличило нагрузку на учреждения исполнения наказаний и потребовало развития мер по исполнению наказаний, форм социально-правового надзора и контроля за осужденными. Можно констатировать, что существующая практика такого контроля недостаточно результативна, о чем свидетельствует статистика.

Так, условно осужденные составляют 64 % из числа состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, из них 38 % ранее привлекались к уголовной ответственности, из которых 26 % – за тяжкие и особо тяжкие преступления, 44 – за преступления корыстной мотивации (кражи, грабежи, разбой), 20 % – за преступления,

связанные с наркотиками. Последние две категории относятся к группе потенциально рецидивно опасных. Не случаен тот факт, что каждый четвертый из них в 2014 г. вновь совершил преступление и привлечен к уголовной ответственности.

В определенном смысле данное положение сложилось в результате совокупности таких факторов, как разрушенная система профилактики, сложившаяся в советское время, слабая ресурсная база подразделений, исполняющих наказания без изоляции от общества, разрозненность действий субъектов правоохранительной системы, наличие пробелов в правовом регулировании и др.

Следует принимать во внимание, что согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. к 2020 г. предлагается увеличение общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, на 200 тыс. чел. за счет применения условного осуждения, ограничения свободы и других видов наказаний, условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Структура данных категорий осужденных вряд ли будет существенно улучшаться. Среди них по-прежнему будет значительная часть осужденных, характеризующихся достаточно высокой степенью вероятности рецидива. Существенными компонентами позитивных изменений, как представляется, могут быть следующие меры:

развитие институтов исполнения наказаний без лишения свободы, укрепление учреждений, исполняющих такие наказания, повышение их правового статуса, уровня профессионализма сотрудников;

обогащение форм и видов надзора, контроля за осужденными без лишения свободы в сочетании с мерами социальной поддержки.

Это в полной мере соответствует рекомендациям международно-правовых актов. Так, в Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными лицами (Страсбург, 30 ноября 1964 г.) в числе основных принципов указан надзор, цель которого способствовать хорошему поведению и адаптации к социальной жизни этих правонарушителей, а также вести наблюдение за их поведением.

В соответствии с рекомендациями Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы (Токийские правила, 1990 г.), после вынесения приговора на стадии исполнения таких мер должен осуществляться надзор за осужденным и режим обращения. «Цель надзора состоит в том, чтобы сократить рецидивы правонарушений и содействовать включению такого правонарушителя в жизнь общества, которое свело бы к минимуму вероятность повторного совершения преступлений». Надзор должен сочетаться с другими мерами воспитательного воздействия и социальной поддержки.

Качество надзора влияет на состояние режима исполнения и отбывания наказания, является основным элементом его обеспечения и условием применения средств исправления к осужденным. Однако, хотя надзор как форма контроля за осужденными неоднократно упоминается в УИК РФ, его законодательное определение как в данном нормативном акте, так и в других источниках российского уголовно-исполнительного права отсутствует (например, в Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества от 25 июня 2009 г.).

Несмотря на наличие нормативных установлений о необходимости контроля за указанными категориями осужденных со стороны органов полиции или совместных действиях (приказ Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений

и других правонарушений») с уголовно-исполнительными инспекциями, данная форма исполнения уголовного наказания используется недостаточно или по своей сути меры такого контроля не способны своевременно выявлять и предупреждать противоправные намерения лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Очевидно, что такой контроль должен быть наполнен и другими мерами, способными более результативно решать вопросы соблюдения режима отбывания наказания лицами, осужденными к мерам без лишения свободы, и предупреждения рецидива с их стороны. В частности, предлагается ввести в надзор за ними оперативно-розыскную компоненту как комплекс мер гласного и негласного характера, разрешенных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Следует отметить, что указанный Закон не содержит понятия «оперативно-розыскной контроль» (им можно было бы дополнить Закон), но его допустимость вытекает из цели, задач, сущности оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность выступает как единый процесс, в котором составными частями являются действия, мероприятия, различающиеся по целям, субъектам, объектам и правовому регулированию их проведения. Это обуславливает их специфику, организацию, методiku и тактику, формы осуществления. В оперативно-розыскной науке принято выделять четыре формы проведения действий и мероприятий, предусмотренных законом: оперативный поиск, оперативно-розыскное предупреждение преступлений, оперативная проверка (разработка) и оперативно-розыскное предупреждение предварительного расследования.

По нашему мнению, к самостоятельной форме оперативно-розыскной деятельности следует отнести и оперативно-розыскное обеспечение исполнения и отбытия наказания по следующим соображениям.

Во-первых, оперативно-розыскная информация обеспечивает соблюдение установленного порядка отбывания наказания (режим). В УИК РФ представлено понятие режима применительно к местам лишения свободы (ст. 82), но режим существует в исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы. Он устанавливается в приговоре суда (определенные обременения) и регламентирован в исполнении ведомственными нормативными актами, в частности указанной Инструкцией по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Во-вторых, для достижения целей режима, указанных в ст. 82 УИК РФ, оперативные подразделения решают следующие задачи:

- обеспечение постоянного надзора за осужденными, исполнение возложенных на них обязанностей;
- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие готовящихся и совершаемых преступлений и нарушений режима;
- розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег, а также уклоняющихся от отбывания наказания (ст. 18.1 УИК РФ);
- содействие в выявлении и раскрытии преступлений прошлых лет, совершенных осужденными.

В-третьих, основным объектом оперативно-розыскного наблюдения являются осужденные, в отношении которых приговор вступил в законную силу и которые соответственно ограничены в своих конституционных правах.

В-четвертых, оперативно-розыскная деятельность в системе исполнения и отбытия наказания осуществляется специальным субъектом – оперативными подразделениями ФСИН России (ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»),

перечень которых устанавливается ведомственным нормативным актом. Уголовно-исполнительные инспекции таким правом не наделены.

В соответствии с указанной ранее Концепцией должны быть сформированы качественно новые учреждения, способные результативно исполнять наказания, не связанные с лишением свободы, которые были бы способны системно осуществлять мероприятия воспитательного характера, социальной помощи и полноценного контроля за поведением и образом жизни осужденных, предупреждая возможности совершения ими новых преступлений. Функционирование таких структур потребует создания системы оперативно-розыскного сопровождения исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Оно должно быть составной частью социально-правового контроля. Целесообразно нормативно предоставить уголовно-исполнительным инспекциям право осуществления оперативно-розыскной деятельности в целом или подразделения ограниченными оперативно-розыскными функциями отдельных категорий их сотрудников. Конечно, в оперативно-розыскном контроле нуждаются не все категории осужденных, поставленных на учет в уголовно-исполнительных инспекциях. Приоритетно оперативно-розыскным контролем должны охватываться осужденные рецидивоопасных групп, а также другие осужденные, если есть основания полагать о возможности совершения ими новых преступлений.

Очевидно, что при положительном решении данной проблемы потребуется четкое нормативно-правовое и методическое обеспечение взаимодействия с территориальными органами внутренних дел и с другими субъектами, наделенными правом осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При дальнейшем развитии уголовно-исполнительного законодательства, в частности при разработке нового УИК РФ, потребность в котором назрела, вопросы организации и осуществления оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями органов и учреждений уголовно-исполнительной системы следовало бы вынести в самостоятельный раздел (или главу).

Возможности оперативно-розыскной деятельности в процессе исполнения наказаний достаточно разносторонни. При ее грамотной организации практические результаты способствуют реальному исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений, раскрытию ранее не выявленных преступлений, своевременному обнаружению криминальных намерений, их предупреждению и пресечению. Предлагаемое решение придаст законченность содержанию рассматриваемой формы оперативно-розыскной деятельности – оперативно-розыскного обеспечения исполнения и отбывания уголовного наказания.

УДК 343.241

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ КАРАМАШЕВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,

Кузбасский институт ФСИН России,

г. Новокузнецк, Российская Федерация,

e-mail: ugolpr@kifsin.ru

СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Карамашев, С. Б. Сущность и характерные черты цели уголовного наказания / С. Б. Карамашев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 401–406.

Аннотация. Обосновывается актуальность определения понятия «цели уголовного наказания» с точки зрения уголовно-правовой политики, юриспруденции. Отмечается наличие разных подходов к классификации целей наказания. Рассматриваются понятия «цели уголовного наказания», приводимые разными авторами, их несовпадения по некоторым признакам. Часто указывается только на такое свойство целей, как предвидение результата деятельности. Данное свойство не является единственным и специфическим для определения целей уголовного наказания, так как относится к цели любой деятельности. В работе предпринята попытка выявления особенных качеств цели уголовного наказания, отличающих ее от целей других не просто общеправовых, а уголовно-правовых явлений. Посредством использования общих теоретических методов анализа и синтеза, сравнения, знаний из философии, политики, социальной организации проводятся лексический и философский анализы категорий «цель» и «наказание», выявляются характерные черты и специфические особенности, которые необходимо учитывать при анализе и построении системы целей уголовного наказания. Формулируется авторская трактовка сущности цели уголовного наказания. Рассматриваются свойства цели наказания. Выделяются такие характерные признаки цели наказания, как абстрактность, нравственно-правовая состоятельность, способность мотивировать, достижимость и измеряемость. Ввиду недостижимости в ряде случаев, цели восстановления социальной справедливости некоторые авторы предлагают заменить ее целью обеспечения социальной защиты. В противовес этому мнению также приводятся данные собственных социологических исследований, которые показывают, что в большинстве случаев, по мнению осужденных и, что очень важно, потерпевших, цель восстановления социальной справедливости достигается, поэтому ее формулирование соответствует требованию достижимости.

Ключевые слова: сущность цели уголовного наказания, свойства цели уголовного наказания, понятие «цели уголовного наказания», система целей уголовного наказания, виды целей уголовного наказания.

Определение целей уголовного наказания является одним из наиболее принципиальных вопросов уголовного права, от решения которого зависит не только построение многих институтов этой отрасли права, но и целеустремленное применение самого уголовного законодательства [9, с. 52]. С учетом их определяются принципы, методы и средства как уголовно-правового, так и уголовно-исполнительного воздействия и регламентируется порядок их применения.

В рамках широкой дискуссии о целях уголовного наказания при аргументации новых предложений и обосновании существующих позиций в настоящее время не всегда учитывается некоторыми авторами имманентное значение, во-первых, понятия «цель» и, во-вторых, термина «цель уголовного наказания». Установление и следование исходному значению последнего позволяет повысить уровень взаимопонимания представителей разных научных школ и направлений и находить общие позиции.

На разных этапах развития общества формулировались и преобладали разные идеи в качестве цели уголовного наказания: возмездие, устрашение, возмещение вреда, восстановление права, предупреждение, перевоспитание, исправление, восстановление социальной справедливости, защита общества от преступных посягательств, социальная адаптация и др. Определения целей наказания в уголовном законе изменялись не только по мере развития уголовно-правовых воззрений, но и в связи с изменением социальной структуры общества и государственных институтов [12, с. 51].

Вопрос о целях уголовного наказания является не только юридическим, но и философским, политическим, социальным. В связи с этим при определении и систематизации целей наказания необходимо рассматривать разные аспекты деятельности по уголовно-правовому принуждению. Прежде всего, необходимо учитывать то, что содержание целей наказания находится за рамками содержания наказания.

Определение целей наказания является также важным вопросом уголовной политики. В свое время И. С. Ной писал: «Именно в том, во имя чего применяется уголовная репрессия, проявляется государственная политика по отношению к методам борьбы с преступностью и по отношению к преступнику» [9, с. 52]. В настоящее время А. С. Радионова отмечает: «В современных условиях назрела настоятельная необходимость в формировании концепции наказательной государственно-правовой политики, под которой можно понимать систему теоретических положений, содержащих цели, задачи, средства, принципы, приоритеты, формы реализации системы правовых наказаний в современной России, пути повышения ее эффективности в целом» [11, с. 93]. Цели наказания являются составной частью государственной идеологии и поэтому служат обоснованию значения наказания как перед обществом внутри государства, так и перед мировым сообществом.

С правовой точки зрения значимым является определение целей наказания для оптимизации юридической технологии их достижения. Такой подход требует нормативной фиксации порядка и условий, легального прозрачного обоснования предусматриваемых мер воздействия. Формулирование целей дает возможность создания системы оценивания эффективности наказания со стороны общества, специалистов, потерпевших, преступников, и с этим уже связана возможность определения проблем, путей совершенствования и коррекции системы наказательного воздействия.

Немалозначимым является вопрос о достижимости целей наказания, от чего зависит эффективность уголовного закона в целом. В связи с этим ряд исследователей рассматривают закрепленные в уголовном законе цели наказания. Ю. С. Жариков сделал вывод о принципиальной невозможности достижения цели восстановления социальной

справедливости и в связи с этим поставил вопрос о ее замене более реальной – обеспечением социальной защиты [2, с. 214].

Однако следует помнить и о том, что одной из основных функций цели наказания является обеспечение направленности деятельности субъектов наказывания. И тот факт, что в ряде случаев цели наказания не достигаются в силу множества объективных и субъективных причин, не отменяет необходимости упорядочивания разных мер воздействия в одну систему. В практической деятельности есть примеры и успешного достижения предусмотренных ст. 43 УК РФ целей наказания. Так, проведенный нами в 2001–2002 гг. опрос лиц, осужденных за преступления корыстно-насильственной направленности (п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 162 УК РФ) (211 человек) и потерпевших, проходивших по одним и тем же уголовным делам с отбывающими наказание осужденными (102 человека), показал, что 61,6 % осужденных и 67,6 % потерпевших признали факт восстановления социальной справедливости в результате применения к виновным уголовного наказания. Опрос состоялся в отношении лиц, которые явились участниками событий, после которых прошло от одного до пяти лет. За это время у многих эмоционально выраженные оценки утихли, и они рассматривали событие преступления, расследование, судебное разбирательство и отбывание наказания более осознанно и зрело. В связи с этим чисто умозрительные утверждения о недостижимости восстановления социальной справедливости, по нашему мнению, являются недостаточно полными.

С организационной точки зрения системное воздействие предполагает целенаправленность, которая включает в себя «постановку генеральной цели, все более конкретных подцелей различного уровня, доводимых в конце концов до идущих в определенной последовательности действий, необходимых для достижения каждой промежуточной, а тем самым и генеральной цели, с указанием исполнителей всех этих действий, сроков исполнения, а также координирующей инстанции» [7, с. 53].

В теории уголовного права общепризнанным является положение о том, что цели наказания – это те конечные результаты, которых стремится достичь государство, устанавливая уголовную ответственность, осуждая виновного в совершении преступлений к той или другой мере уголовного наказания и применяя эту меру [13, 15]. Более развернутое определение предлагает С. В. Анощенкова: «Цели наказания – это соответствующие задачам и принципам уголовного права социальные и уголовно-политические результаты, определенные в уголовном законе, которых стремятся достичь законодатель и правоприменитель, устанавливая в уголовном законе наказуемость преступлений, назначая эту уголовно-правовую меру лицам, совершившим преступления» [1, с. 17].

Данные определения, безусловно, отражают сущность цели уголовного наказания, которую кратко можно сформулировать как предвосхищаемый результат применения уголовного наказания. Они могут использоваться в процессе исследования института наказания. Однако в них не раскрываются некоторые характерные черты данного явления, которые можно выделить посредством научного анализа и которые желательно учитывать при рассмотрении системы целей наказания.

В Словаре русского языка цель описывается как «то, к чему стремятся, что надо осуществить» [10, с. 758]. В философии цель рассматривается как «идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс» [8, с. 355]. Одним из ключевых ее значений является «конец», «завершение». Это свойство конечности, как имеющее особое значение для цели наказания, отмечает В. В. Крюков: «Благодаря ему сразу становится заметна разница между задачами какой-либо деятельности и ее целью, так как первые, будучи реализованы, не подразумевают отпадения надобности в дальнейшем

проведении деятельности в конкретном направлении; в свою очередь, достижение цели делает бессмысленной любую трату сил на данную деятельность» [6, с. 202]. Автор также обоснованно обращает внимание на то, что в философии выделяют такое свойство цели, как неподвижность. По нашему мнению, это вполне объяснимо с функциональной точки зрения, так как цель связана с ценностями, имеющими относительную временную определенность. В контексте настоящего рассмотрения более значимым является определение свойства устойчивости, стабилизирующей систему в целом.

Не менее значимым является выделение В. В. Крюковым позиции Б. Рассела относительно характеристики цели как таковой – это «главные вещи, которые кажутся ему важными сами по себе, а не просто как средство для других вещей...» [6, с. 202]. Таким образом, мы рассматриваем уже аксиологическую характеристику содержания цели.

В результате своего исследования В. В. Крюков выделил следующие свойства цели: 1) при-суща любой деятельности человека или объединения людей; 2) формируется в сознании человека как предвосхищаемый результат в виде идеального образа; 3) ей свойственна конечность; 4) формируется волей человека; 5) зависит от объективных законов действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств. На основании этого автор определяет цель уголовного наказания как «предвосхищаемый конечный результат, формирующийся в сознании лиц, ответственных за уголовную политику, под влиянием их убеждений и имеющихся возможностей, к которому стремится государство при применении негативных последствий в отношении лиц, совершивших преступление» [6, с. 204].

Безусловно, что цель всегда связана со способностью человека предвидеть будущее и результаты своих действий. С одной стороны, это – модель будущего, то, чего нужно достичь, будущий результат деятельности, с другой – это уже существующий образ желаемого результата [16, с. 54–55].

Особенностью цели как элемента правовой действительности является то, что она служит основой внутреннего процесса образования воли, который не подчинен закону механистической причинности [4, с. 6]. При этом цель выполняет двойственную роль: она, с одной стороны, является способом интеграции деятельности, а с другой – выступает в качестве непосредственного мотива деятельности. И на правотворческом, и на правоприменительном уровне благодаря пониманию цели происходит осознание смысла своей деятельности, чему должна способствовать рефлексия субъектов и что непосредственно влияет на их мотивацию, от которой, в свою очередь, в значительной степени зависит эффективность функционирования наказания.

Ф. Р. Сундуrow выделяет такие свойства целей наказания, как объективность, истинность, реальность [14, с. 15–17].

Все вышеуказанные свойства цели общие для всех правовых явлений. Однако для нашего рассмотрения более значимо установление специфики именно цели уголовного наказания, отличающей ее от целей других мер правового принуждения.

Р. Иеринг писал: «Цель уголовного закона та же, что и всякого другого закона, а именно – обеспечение жизненных условий общества, и лишь способ, которым преследует эту цель, своеобразен, он пользуется при этом наказанием» [4, с. 353]. Таким образом, соответствующие особенности цели наказания можно определить исходя из свойств уголовного наказания.

Сущность наказания представляет собой возмездие за совершенное преступление [3, с. 113]. Его объективным результатом является страдание и переживание воздействия, через которое развивается духовная чувствительность и понимание значимости нравственных ценностей. В связи с этим И. А. Ильин писал: «Уголовное наказание имеет

и только может иметь одно единое назначение: принудительное воспитание правосознания» [5, с. 79], поэтому можно сказать, что в процессе правильно организованного наказания опора делается на самосознание и его воспитание.

Один из вопросов, позволяющих раскрыть специфику цели наказания, связан с определением того, на что объективно способно наказание. Для полноты рассмотрения можно выделить два уровня: личностный и социальный. На личностном уровне правовое наказание приводит к воспитанию, исправлению и, как следствие, к частному предупреждению совершения преступлений, на социальном уровне – к восстановлению социального положения сторон уголовно-правового конфликта, утверждению силы уголовного закона, его действенности, укреплению его авторитета и, как следствие, общему предупреждению преступлений.

Ответ на еще один вопрос, влияющий на определение специфики наказания, позволяет показать, что чуждо сути наказания. Это то, без чего наказание остается таковым, сохраняя свою сущность. К этому следует отнести меры по лечению больных, их социальной защите, повышению образовательного уровня осужденных, согласительные процедуры по примирению потерпевшего и преступника (что характерно для концепции восстановительного правосудия, медиации) и др. Соответственно целевые установки, сопровождающие данные процессы, уже не относятся к специфическим особенностям целей уголовного наказания. Заметим, здесь мы не говорим о том, что эти меры не нужны. Они тоже способствуют достижению целей наказания, но у них есть и свои специфические цели, и это нужно учитывать при построении института наказания.

При определении характерных черт цели наказания к вышеизложенным можно добавить такие, которые согласуются с ответом на вопрос: «Какие допустимо ставить цели перед наказанием?» С нашей точки зрения, к ним следует дополнительно отнести: абстрактность, обусловленность преступлением, нравственно-правовую состоятельность, способность мотивировать, достижимость и измеримость.

Абстрактность является общим свойством нравственных ценностей, выступающих основой идеальных образов, оправдывающих правовое принуждение. Это также всеобщее свойство любых правовых целей.

Обусловленность преступлением как характерная черта относится к исходным, не всегда явным началам, определяющим значение и смысл наказания, поэтому цель наказания начальной точкой своего вектора, объясняющей причину своего появления, имеет связь с преступлением.

Нравственно-правовая состоятельность целей позволяет сохранять государственное принуждение в границах правового поля, мотивировать субъектов наказательной деятельности, обосновывать необходимость лишений и ограничений перед обществом, оправдывать социальную и иную помощь, оказываемую осужденным, перед потерпевшими.

Способность идей мотивировать – обязательное условие эффективности любой деятельности, и при исполнении наказаний эта характеристика является особенно значимой.

Достижимость цели как характерная черта цели наказания диктуется требованием объективной целесообразности и разумности. Установление заведомо недостижимых целей наказания их обесценивает, искажает правовую природу наказания, демотивирует субъектов деятельности и делает невозможной оценку эффективности наказания.

С технологической точки зрения для цели наказания необходимо выделить такой признак, как измеримость. Для уголовного наказания это в большей мере желаемый, а не объективный признак, имеющий технологические истоки, выступающий ответом

на запросы современного постиндустриального общества и необходимый для оптимизации правовых процессов.

Итак, большинство вышеперечисленных черт относятся к целям многих мер правового принуждения, но в отношении некоторых из них можно выделить специфическое содержание, когда речь идет об уголовном наказании: обусловленность преступлением; связанность с правосознанием виновного, обуславливающим изменение мотивации; связанность с нравственно-правовыми ценностями, оправдывающими карательное принуждение; способствование влиянию на изменение мотивации виновного от нигилизма к признанию правовых ценностей.

Таким образом, цели уголовного наказания имеют свои специфические признаки, которые отличают их от целей иных мер правового принуждения и которые следует учитывать при анализе системы целей наказания, выдвижении новых целей и определении правового содержания существующих.

Библиографический список

1. Анощенкова С. В. Цели наказания как символы уголовной политики // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 16–24.
2. Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М., 2009. 216 с.
3. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. 676 с.
4. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. 412 с.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. 235 с.
6. Крюков В. В. Категория «цель» в пенологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 201–205.
7. Лазарев Б. М. Перестройка государственного управления: организационно-правовые вопросы. М., 1987. 320 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 4. 736 с.
9. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве : монография. Саратов, 1973. 193 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. 816 с.
11. Радионова А. С. Формирование концепции наказательной правовой политики в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 92–95.
12. Санташов А. Л. О необходимости унификации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4. С. 51–56.
13. Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. Г. А. Кригера. М., 1981. 464 с.
14. Сундуров Ф. Р. Определение понятия цели уголовного наказания // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Сер. Юриспруденция. 2003. Вып. 30. С. 15–17.
15. Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. 592 с.
16. Ширяев В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. 223 с.

УДК 343.233

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СМИРНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-4779-4971,
e-mail: vipnauka@list.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Для цитирования

Смирнов, А. М. Общественная опасность как признак обстоятельств, исключающих преступность деяния / А. М. Смирнов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 407–412.

Аннотация. В статье доказывается наличие общественной опасности в деяниях, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данная опасность исключается только в малозначительных деяниях. В деяниях, совершаемых в условиях указанных обстоятельств, присутствуют все элементы состава преступления. Социальная природа общественной опасности заключается в причинении существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны, которыми также являются причинитель вреда или источник грозящей опасности. Российский уголовный закон не конкретизирует характер вреда, причиняемого в условиях этих обстоятельств, при этом допуская реципрокное реагирование на причинителя вреда или источник грозящей опасности. Наличие в рассматриваемых обстоятельствах общественной опасности признается высшими судебными инстанциями, а также некоторыми отечественными и зарубежными учеными. Социальная полезность (допустимость) и вынужденность деяний, совершенных в условиях рассматриваемых обстоятельств, а также отсутствие у них противоправности со всей необходимостью не исключает их общественной опасности. Непризнание общественной опасности в деяниях, совершаемых при таких обстоятельствах, как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, оправдывает применение смертной казни и требует ее исполнения. Делается вывод о том, что деяния, совершаемые в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержат в себе общественную опасность. При этом законодатель исключает преступность этих деяний директивно.

Ключевые слова: общественная опасность, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения, освобождение от уголовной ответственности.

Дискуссия по поводу материальной природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, является одной из главных в уголовно-правовой науке, поскольку она имеет концептуальное значение для всей конструкции уголовного закона.

В рамках данной дискуссии в зависимости от методологического подхода к пониманию сущности этих обстоятельств существуют две противоположные точки зрения: приверженцы первой утверждают, что у деяний, совершаемых в условиях данных обстоятельств, отсутствует общественная опасность [1, с. 112; 2, с. 81; 3, с. 10; 4, с. 212; 5, с. 5; 6, с. 49; 7, с. 75; 8, с. 665; 9, с. 512; 10, с. 35], последователи другой, наоборот, считают, что она им онтологически свойственна [11, с. 17; 12, с. 151; 13, с. 138; 14, с. 10; 15, с. 8; 16, с. 56; 17, с. 13; 18, с. 43].

Следует отметить, что эта дискуссия не является специфической особенностью российской уголовно-правовой науки. Она велась и ведется на страницах зарубежных научных изданий, где ученые также неедины во мнении по поводу наличия или отсутствия в деяниях, исключающих преступность (или уголовную ответственность), общественной опасности [19, с. 364; 20, с. 110; 21, с. 142; 22, с. 267; 23, с. 630; 24, с. 78; 25, с. 31].

Сторонники первой точки зрения отсутствие общественной опасности у деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, аргументируют их социальной полезностью (допустимостью) и понятием преступления, изложенного в ч. 1 ст. 14 УК РФ, согласно которому преступление – это общественно опасное деяние, а уголовный закон предваряет юридическую формулу каждого из обстоятельств, входящих в гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», указанием на то, что они «не являются преступлением».

Однако социальная полезность (допустимость) и вынужденность деяний, совершенных в условиях рассматриваемых обстоятельств, а также отсутствие у них противоправности со всей необходимостью не исключают их общественной опасности. В силу этого мы считаем, что в действиях и бездействии, совершенных в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, наличествует общественная опасность.

В качестве доказательства данной позиции мы можем привести следующие аргументы:

– с точки зрения уголовного закона общественную опасность деяния исключает только его малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ), которая отсутствует во вреде, причиняемом деяниями, реализуемыми в порядке этих обстоятельств. Из этого следует, что если бы в деяниях, входящих в гл. 8 УК РФ, отсутствовала общественная опасность, то с семантической точки зрения правильнее было бы называть эту главу «Малозначительные обстоятельства, исключающие преступность деяния»;

– наличие состава преступления в деяниях, совершаемых в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, доказательством чего выступают следующие доводы:

1) если бы эти деяния, по сути, не являлись преступлениями, то не было бы необходимости исключать их преступность. Кроме того, не было бы необходимости устанавливать условия (пределы) их правомерности, поскольку, с точки зрения здравого смысла, совершенно напрасно нормативно ограничивать то, что общественно неопасно;

2) если бы в этих деяниях отсутствовал состав преступления (или даже его отдельные элементы), то в перечень данных обстоятельств законодатель просто обязан был бы включить и причинение вреда лицами, непривлекаемыми к уголовной ответственности в силу возраста, и невменяемыми, однако он этого так и не сделал за все время действия УК РФ;

– наличие признаков общественной опасности в деяниях, совершаемых в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, исходя из социально-правовой природы данной опасности.

Напомним, что общепризнанным в науке уголовного права показателем общественной опасности является причинение существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны. Поскольку под уголовно-правовой охраной находится любой человек, а согласно Конституции Российской Федерации любая личность имеет высшую ценность для государства, причинение существенного вреда правонарушителю, а также лицу, являющемуся источником грозящей опасности, также обладает общественной опасностью. В связи с этим справедлива точка зрения А. П. Дмитренко о том, что сущность обстоятельств, исключающих преступность деяния, проявляется в правомерном причинении вреда (любого) общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона [3, с. 43];

– наличие в рассматриваемых обстоятельствах общественной опасности, поскольку:

1) в деяниях, совершаемых в порядке рассматриваемых обстоятельств, или при отдельных условиях их реализации [например, при беспредельной необходимой обороне и совершении защитных действий вследствие неожиданности посягательства (ч. 1 и ч. 2.1 ст. 37 УК РФ)] уголовный закон не конкретизирует характер причиняемого вреда объектам уголовно-правовой охраны. Отсюда следует, что он может быть и общественно опасным;

2) в таких обстоятельствах необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, УК РФ прямо регламентирует реципрокное (равнозначное) реагирование на правонарушителя или источник грозящей опасности (например, при необходимой обороне, указывая на то, что она допустима только от общественно опасного посягательства, при котором защитные действия могут быть равнозначны ему; при задержании лица, совершившего преступление, допуская применение к данному лицу таких действий, которые соответствовали бы характеру и степени общественной опасности совершенного им преступления; при крайней необходимости, указывая на то, что действия, совершаемые при ней, должны соответствовать грозящей опасности);

– наличие в рассматриваемых обстоятельствах общественной опасности признается высшими судебными инстанциями. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» не содержит прямого указания на отсутствие в действиях, совершаемых в условиях этих обстоятельств, данной опасности;

– наличие общественной опасности в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, признано отечественной и зарубежной уголовно-правовой наукой, что подтверждается следующими доводами:

1) сложившееся в уголовно-правовой науке мнение о том, что данные деяния внешне [26, с. 256] или формально [27, с. 641] содержат все признаки преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, то есть все-таки они являются преступлениями, поскольку в гуманитарных науках, к которым относится уголовно-правовая, какое-либо явление объективной реальности характеризуется в неразрывном диалектическом единстве формы и содержания. Иначе это создает не вполне понятную и даже абсурдную конструкцию – «непреступное преступление»;

2) если бы в деяниях, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, со всей очевидностью отсутствовала общественная опасность, то

все ученые и иные исследователи в области уголовного права единодушно были бы согласны с этим. Вместе с тем, как отмечает И. М. Тяжкова [28, с. 455], одни авторы включают только уголовную ответственность и наказуемость этих деяний [18, с. 11–12], а другие – только противоправность [29, с. 410–416];

– наличие общественной опасности в деяниях, совершенных в рамках рассматриваемых обстоятельств, но не влекущих за собой привлечение лица, их совершившего, к уголовной ответственности, отстаивали и некоторые зарубежные ученые в области антикриминальных наук [30, с. 119; 31, с. 185; 32, с. 200]. Некоторые авторитетные ученые указывали, что в деяниях, совершенных при рассматриваемых обстоятельствах, присутствует общественная опасность, которая, однако, исключается ввиду отсутствия у лица, их совершившего, каких-либо антисоциальных свойств [33, с. 12];

– признание уголовно-правовой наукой в деяниях, наиболее дискуссионных с точки зрения наличия или отсутствия в них рассматриваемой опасности (необходимая оборона и крайняя необходимость), наличия составов, сконструированных по образу и подобию состава преступления, то есть выделение объекта посягательства, субъекта, объективной и субъективной стороны [14, с. 35; 34, с. 11].

Следует отметить, что непризнание общественной опасности в деяниях, совершаемых при таких обстоятельствах, как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, оправдывает применение смертной казни. Если не общественно опасно и социально допустимо лишение жизни лица, находящегося на стадии покушения на убийство или реализовавшего свой преступный умысел при его задержании, в порядке ст. 37–39 УК РФ, то также социально необходимо лишение жизни этого лица в случае его попадания «в руки» правосудия.

Иначе складывается весьма парадоксальная ситуация, при которой лишение жизни лица, совершающего, например, убийство одного человека на стадии покушения, является социально допустимым и санкционируется государством в порядке необходимой обороны, тогда как лишение жизни (смертная казнь) лица, признанного виновным в совершении убийства двух и более лиц, то есть ставшего участником публичных уголовно-правовых отношений, – с государственной и общественной точки зрения недопустимо, поскольку является антигуманным. Иными словами, запрещая применение смертной казни, законодатель указывает на наличие общественной опасности в действиях, совершаемых в порядке необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление. В отношении изложенного справедливо мнение Д. Корецкого и С. Милюкова о том, что работники правоохранительных органов (а также согласно уголовному закону и граждане), применяя репрессивные меры на законных основаниях, наказывают в том числе и смертной казнью преступников в рамках необходимой обороны [35, с. 113].

Кроме того, непризнание общественной опасности в указанных деяниях оправдывает признание и необходимость развития карательной составляющей уголовных наказаний, предусмотренных в ст. 44 УК РФ, а также ставит вопрос о необходимости дальнейшей работы с лицами, признанными судом преступниками, то есть в определенной степени (если не полностью) лишает смысла существование уголовно-исполнительной системы, целью функционирования которой является исправление этих лиц на основе гуманного к ним отношения и возвращение в общество полноправных законопослушных граждан.

В силу изложенного следует согласиться с точкой зрения тех авторов, которые отмечают, что уголовный закон у общественно опасных деяний, входящих в гл. 8 УК РФ, аннулирует только признак противоправности [17, с. 14; 36, с. 8]. Действительно, с се-

мантической точки зрения исключение означает отклонение от нормы, отступление от общих правил, то есть, по сути, действия, осуществляемые в порядке рассматриваемых обстоятельств, содержат в себе общественную опасность.

Законодатель, понимая объективную необходимость предоставить любому лицу в отдельных особых случаях защищать свои права и свободы, права и свободы иных лиц, интересы общества и государства с помощью общественно опасных деяний, исключает их преступность директивно, указанием на то, что они «не являются преступлением».

Следовательно, деяния, совершаемые в условиях обстоятельств, перечисленных в гл. 8 УК РФ, содержат в себе общественную опасность. В целом их можно охарактеризовать как «непреступное причинение общественно опасного вреда».

Признание отсутствия общественной опасности в деяниях, совершенных в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, регламентированных в ст. 37–39 УК РФ, требует представить первое предложение ст. 2 Конституции Российской Федерации в следующей редакции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, кроме лиц, допустивших нарушения прав и свобод человека и гражданина в случаях, специально указанных соответствующим федеральным законом», а в ч. 1 ст. 2 УК РФ внести следующее дополнение: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, кроме прав и свобод лиц, специально указанных в соответствующих статьях настоящего Кодекса...». Со всей очевидностью с этими нововведениями нельзя согласиться, поскольку они противоречат идеологии правового и цивилизованного государства.

Библиографический список

1. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. 360 с.
2. Благоев Е. В. Квалификация деяний, исключающих уголовную ответственность // Государство и право. 1992. № 9. С. 78–83.
3. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 41 с.
4. Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М., 2013. 624 с.
5. Келина С. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 4–5.
6. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., 1998. 51 с.
7. Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. 2016. № 4. С. 66–76.
8. Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. 670 с.
9. Уголовное право России. Общая часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2004. 578 с.
10. Блинников В. А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 39 с.
11. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985. 256 с.
12. Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. 163 с.
13. Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. 154 с.
14. Винокуров В. Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. 207 с.

15. Коробицин И. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
16. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений : учеб. пособие. М., 1984. 181 с.
17. Попов К. И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда // Российский следователь. 2010. № 5. С. 12–14.
18. Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. 118 с.
19. Boutellier, H 2001, 'The convergence of the social policy and criminal justice', *European journal on the criminal policy and research*, vol. 9, iss. 4, pp. 361–380.
20. Crime prevention and criminal justice, G. A. res. 47/91, 47 U.N. GAOR Supp. (№ 49) at. 171, U.N. Doc. A/47149 (1992), pp. 108–119.
21. Delisi, M, Hochstetler, A, Higgins, GE, Beaver, KM & Graeve, CM 2008, 'Toward a general theory of criminal justice. Low self-control and offender noncompliance', *Criminal justice review*, vol. 33, iss. 2, pp. 141–158.
22. Musheno, M, Palumbo, D & Levine, J 1976, 'Evaluating alternatives in criminal justice. A policy-impact model', *Crime & Delinquency*, vol. 22, iss. 3, pp. 265–283.
23. Oleson, KC & Darley, JM 1999, 'Community perceptions of allowable counterforce in self-defense and defense of property', *Law and human behavior*, vol. 23, iss. 6, pp. 629–651.
24. Reiner, R 2000, 'Crime and control in Britain', *Sociology*, vol. 34, iss. 1, pp. 71–94.
25. Federal Bureau of Investigation, US Department of Justice 1984, *Uniform Crime Reporting Handbook*, Washington, DC, pp. 30–31.
26. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2002. 972 с.
27. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. 1272 с.
28. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1. : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. 512 с.
29. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 666 с.
30. Johnson, B & Huff, C 1987, *Ronald public opinion and criminal justice policy*, vol. 2, iss. 2, pp. 118–132.
31. Noti, A 2003, 'The uplifted knife: morality, justification, and the choice-of-evils doctrine', *New York university law review*, vol. 78, iss. 5, pp. 185–186.
32. Robinson, PH 1982, 'Criminal law defenses: a systematic analysis', *Columbia Law Review*, vol. 82, pp. 199–211.
33. Чубарев В. Л. Общественная опасность преступления и наказания. М., 1982. 96 с.
34. Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 22 с.
35. Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–114.
36. Пономарь В. Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.
37. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. 1216 с.

УДК 343.83:159.9

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ КОХТАЧЕВ,
старший научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
заместитель председателя Общественного совета при ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kohtachev2009@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ – НЕСТРАХОВОЙ СЛУЧАЙ. А ПОЧЕМУ?

Для цитирования

Кохтачев, В. С. Профессиональное выгорание сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний – нестраховой случай. А почему? / В. С. Кохтачев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 413–419.

Аннотация. В статье анализируется феномен профессионального выгорания сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний. Согласно классическому определению, профессиональное выгорание – это синдром, который развивается на фоне хронического стресса и ведет к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего человека. Служба многих сотрудников учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, проходит на глазах у спецконтингента, их родственников, правозащитных организаций. В их деятельности большое значение имеет публичность исполнения профессиональных действий. Любой проступок сотрудника, его слова, тон, манеры, внешний вид – все обращает на себя внимание окружающих и нередко потом обсуждается. Сотрудник всегда работает под острым, пристальным взглядом людей, потому что он представитель власти. Его действия подвергаются строгой оценке со стороны окружающих и нередко могут быть зафиксированы на технические средства фото- и видеофиксации. Все это в совокупности становится существенным психотравмирующим фактором, подчас приводит к возникновению синдрома профессионального выгорания. В связи с этим представляется правомерной постановка вопроса о возможности и необходимости отнесения профессионального выгорания сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний к страховым событиям ввиду осуществления обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, сотрудник Федеральной службы исполнения наказаний, служебная деятельность, государственное страхование.

Как известно, от профессионального выгорания не застрахован никто. Это утверждение интересует нас не только и не столько как некий образ: мол, случиться может с

каждым, а в его прямом, буквальном смысле. Синдром профессионального выгорания ни у нас в стране, ни в других странах (за единственным исключением, но о нем позже) не является страховым случаем. Не защищены от этого синдрома ни государственным, ни добровольным страхованием и сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). Хотя именно они, как никто другой, подвержены профессиональному выгоранию.

Профессиональное выгорание – это сложная социально-медицинская проблема с многочисленными симптомами, которые у всех людей проявляются по-разному. Мужчины «выгорают» не так, как женщины, врачи – не так, как медиаконсультанты, а русские – не так, как китайцы.

Профессиональное выгорание встречается часто. Согласно опросу страховой компании «АльфаСтрахование», с профессиональным выгоранием сталкивается каждый второй сотрудник: 57 % работников российских компаний знакомы с этой проблемой [1], причем с каждым годом «выгоревших» людей становится все больше не только в России, но и во всем мире.

Впервые синдром профессионального выгорания описал американский психолог Герберт Фройденбергер в 1974 г. Изучая работников психиатрических учреждений, психолог заметил, что эти люди деморализованы, морально истощены, разочарованы в работе и чувствуют себя уставшими.

Пытаясь понять, почему людям перестало приносить радость некогда любимое дело, психолог пришел к идее профессионального выгорания. Согласно классическому определению профессиональное выгорание – это синдром, который развивается на фоне хронического стресса и ведет к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего человека.

Тяжелее всего приходится тем, чья работа – помогать людям. Это врачи, психологи, педагоги, социальные работники, сотрудники благотворительных фондов правоохранительных органов. При выгорании у них часто возникает деперсонализация – своего рода защитная реакция и профдеформация: бесчувственное отношение к людям, неспособность воспринимать их по-человечески.

Четкого списка симптомов выгорания нет – все индивидуально. В первую очередь принято выделять хроническую усталость и подавленность. Кроме того, у страдающих выгоранием могут развиваться бессонница, тревожность, снижение внимательности и способности концентрироваться на задачах, головные боли, потеря аппетита и раздражительность.

По клиническим признакам выгорание и депрессия действительно очень похожи, поэтому их часто рассматривают как связанные проблемы. Однако есть исследования, подтверждающие разницу между депрессией и профессиональным выгоранием. Например, канадские ученые утверждают, что нашли «биомаркер» выгорания – это уровень кортизола в крови. Кортизол еще называют гормоном стресса: чем сильнее стресс, тем выше его уровень. Ученые отмечают, что депрессия сопровождается его переизбытком, а вот тем, кто страдает от выгорания, его, наоборот, не хватает – организм словно «сдается». Однако при постановке диагноза специалисты все-таки ориентируются на общую картину и симптомы.

Существуют специальные тесты для определения профессионального выгорания. Например, опросник Маслач американские психологи разработали еще двадцать лет назад [2, с. 360–362]. В тесте есть отдельные варианты для продавцов, медицинских работников и сотрудников правоохранительных органов.

Признаками выгорания могут быть изменения:

– в поведении – усиление сопротивления выходу на работу, частые опоздания, утрата творческих подходов к решению проблем, избегание коллег, присвоение собственности учреждения, увеличение употребления психоактивных веществ (кофеин и никотин), подверженность несчастным случаям;

– чувствах – утрата чувства юмора, постоянное чувство неудачи, вины и самообвинения, гнев, чувство обиды и горечи; повышенная раздражительность, проявляемая на работе и дома, чувство обескураженности и равнодушия; бессилие;

– мышлении – все более упорные мысли о том, чтобы оставить работу; неспособность концентрировать внимание; ригидное мышление, сопротивляющееся изменениям; усиление подозрительности и недоверчивости; менталитет жертвы; озабоченность собственными потребностями и личным выживанием;

– здоровье – нарушенный сон; частые, длительно текущие незначительные недуги; повышенная восприимчивость к инфекционным заболеваниям; утомляемость – усталость и истощение на протяжении целого дня; ускорение нарушений психического и соматического здоровья.

Следствием проявления синдрома выгорания является снижение работоспособности человека и продуктивности деятельности. Помимо снижения экономических показателей профессиональной деятельности синдром выгорания провоцирует нарушение трудовой дисциплины и повышение степени заболеваемости профессионалов. Попытки компенсировать стрессогенное влияние профессиональной среды приводят к злоупотреблению алкоголем, наркотиками и другими психотропными средствами, а в отдельных случаях – и к суицидному поведению [3, с. 85–95].

Существенной особенностью деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС) является конфликтный характер тех ситуаций, на фоне которых разворачивается и протекает его служба. Конфликтность деятельности проявляется в самых разных формах. Вступая во взаимодействие со спецконтингентом (осужденными, подследственными, конвоируемыми), сотрудник испытывает активное сопротивление с его стороны, он должен преодолевать попытки нарушителей замаскировать свои действия, ввести в заблуждение и даже спровоцировать сотрудника на неправильные, противоправные действия, причем антиобщественные элементы пренебрегают всеми социальными нормами, а сотрудники, сталкиваясь с ними, обязаны строго соблюдать законность. В этих эмоционально окрашенных ситуациях общения сотрудник должен сохранять самоконтроль, обладать повышенной психологической устойчивостью, чтобы не поддаваться на провокации и противостоять психическому заражению потерявшего над собой контроль человека. Все это предъявляет высокие требования к личности сотрудника, его педагогическому такту и психологической культуре.

Можно отметить еще одну особенность служебной деятельности сотрудника ФСИН России. Служба многих сотрудников органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, проходит на глазах у спецконтингента, их родственников, правозащитных организаций. В их деятельности большое значение имеет публичность исполнения профессиональных действий. Любой проступок сотрудника ФСИН России, его слова, тон, манеры, внешний вид – все обращает на себя внимание окружающих и нередко потом обсуждается.

Сотрудник всегда работает под пристальным взглядом людей, потому что он представитель власти. Все его действия подвергаются строгой оценке со стороны окружающих и нередко могут быть зафиксированы на технические средства фото- и видеофиксации. Все это в совокупности становится существенным психотравмиру-

ющим фактором, подчас приводит к возникновению синдрома профессионального выгорания [4, с. 105].

По мере нарастания выгорание и деформация личности отдельных сотрудников негативно влияют на коллектив сотрудников подразделения ФСИН России, в котором он находится.

Специалисты выделяют три группы факторов, ведущих к профессиональному выгоранию и возникновению профессиональной деформации у сотрудников ФСИН России [5, с. 706–712]:

1. Факторы, обусловленные спецификой деятельности УИС:

– детальная правовая регламентация деятельности, что наряду с позитивным эффектом может приводить к излишней формализации деятельности, элементам бюрократизма;

– наличие властных полномочий по отношению к спецконтингенту, что порой проявляется в злоупотреблении и необоснованном их использовании сотрудниками;

– корпоративность деятельности, которая может быть причиной возникновения психологической изоляции сотрудников УИС и отчуждения их от общества;

– повышенная ответственность за результаты своей деятельности;

– психологические и физические перегрузки, связанные с нестабильным графиком работы, отсутствием достаточного времени для отдыха и восстановления затраченных сил;

– экстремальность деятельности (необходимость выполнения профессиональных задач в опасных для жизни и здоровья ситуациях, риск, непредсказуемость развития событий, неопределенность информации о деятельности криминальных элементов, угрозы со стороны преступников и др.);

– необходимость в процессе выполнения служебных задач вступать в контакт со спецконтингентом, что может приводить к усвоению элементов криминальной субкультуры (использование уголовного жаргона, обращение по кличкам и т. п.).

2. Факторы личностного свойства:

– неадекватный возможностям сотрудника уровень притязаний и завышенные личностные ожидания;

– недостаточная профессиональная подготовленность;

– специфическая связь между некоторыми профессионально значимыми качествами личности сотрудника (так, решительность в сочетании с пониженным самоконтролем может развиваться в чрезмерную самоуверенность);

– профессиональный опыт;

– профессиональные установки (например, восприятие действий других людей как возможных нарушителей закона может привести к обвинительному уклону в деятельности, глобальной подозрительности);

– особенности социально-психологической дезадаптации личности сотрудников органов правопорядка, приводящие к проявлению агрессивности, склонности к насилию, жестокости в обращении с гражданами и др.;

– изменение мотивации деятельности (потеря интереса к деятельности, разочарование в профессии и др.).

3. Факторы социально-психологического характера:

– неадекватный и грубый стиль руководства подчиненными;

– неблагоприятное влияние ближайшего социального окружения вне службы (например, семья, друзья);

– низкая общественная оценка деятельности органов УИС, что порой ведет к возникновению ощущения безысходности в деятельности сотрудников, возникновению профессионального бессилия и неуверенности в необходимости своей профессии.

Таким образом, применительно к сотрудникам ФСИН России профессиональная деформация представляет собой результат искажения профессиональных и личностных качеств работника УИС под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды [6, с. 100–106]. Данная профессиональная деформация проявляется болезненным состоянием человека, требующим медицинского вмешательства для преодоления этого состояния. Представляется правомерной постановка вопроса о возможности и необходимости отнесения профессионального выгорания сотрудников ФСИН России к страховым событиям в связи с осуществлением обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников ФСИН России.

Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников УИС существует в России уже 20 лет. Эта разновидность страхования является частью социальной поддержки сотрудников УИС в рамках государственной защиты данной категории госслужащих.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Закон № 52-ФЗ) жизнь и здоровье сотрудников учреждений и органов УИС, граждан, уволенных со службы в учреждениях и органах УИС, в течение одного года после окончания службы (далее – застрахованные лица) являются объектом обязательного государственного страхования.

Страховыми случаями при осуществлении обязательного государственного страхования в соответствии со ст. 4 Закона № 52-ФЗ являются: гибель (смерть) застрахованного лица в период прохождения службы; смерть застрахованного лица до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы; установление застрахованному лицу инвалидности в период прохождения службы; установление застрахованному лицу инвалидности до истечения одного года после увольнения со службы вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы; получение застрахованным лицом в период прохождения службы увечья (ранения, травмы, контузии).

Услуги по обязательному государственному страхованию застрахованных лиц УИС с 2013 по 2017 год осуществлялись Открытым акционерным обществом «Чрезвычайная страховая компания» (ЧСК).

Согласно контракту, заключенному между ФСИН России и компанией «ВТБ Страхование», в 2018 г., застрахованы 230,7 тыс. человек на сумму 1,7 млрд рублей [7].

Сотрудники ФСИН России застрахованы на случай смерти или установления инвалидности в период прохождения службы вследствие ранения, травмы, контузии или заболеваний, полученных во время службы, а также на случай получения в период прохождения службы травм (увечий, ранений, контузий).

Надо ли говорить, что в договоре обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников ФСИН России среди страховых случаев отсутствует такое заболевание, как профессиональное выгорание. Да и быть не может, поскольку приказ

Минюста России от 13 апреля 2006 г. № 114 «Об утверждении Инструкции о проведении обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» не предусматривает соответствующего страхового случая.

Приказы, разумеется, должны исполняться, а не обсуждаться. Однако новые жизненные реалии дают, с нашей точки зрения, достаточные основания, как минимум, для открытия дискуссии относительно возможности и необходимости отнесения профессионального выгорания сотрудников ФСИН России к заболеванию, получаемому при прохождении службы и подлежащему обязательному государственному страхованию.

Прецедент, кстати, уже создан. К сожалению, не у нас. Власти Бельгии не так давно приняли решение признать профессиональное выгорание заболеванием, связанным с трудовой деятельностью. В результате этого страховые компании будут возмещать бельгийским работникам до 70 % сумм, потраченных ими на лечение профессионального выгорания [8].

Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г. ориентирует в том числе на разработку и внедрение новых страховых продуктов, расширение перечня страховых услуг. Это в совокупности с непреложным фактом ярко выраженного синдрома профессионального выгорания у многих сотрудников ФСИН России располагает к обсуждению темы, поднимаемой в данной статье, всеми заинтересованными сторонами.

Такой заинтересованной стороной, безусловно, должны быть страховые компании, участвующие или желающие участвовать в программах обязательного государственного страхования госслужащих, а также сотрудников правоохранительных органов. В конце концов это еще одна возможность расширить бизнес, получить дополнительную прибыль. Однако вот что показал наш небольшой импровизированный эксперимент по результатам запросов в две крупные страховые компании.

В страховой компании «АльфаСтрахование» на вопрос: «Изучается ли возможность и целесообразность разработки соответствующего страхового продукта – страхование от профессионального выгорания – среди сотрудников компании и смогут ли воспользоваться таким продуктом сотрудники УИС, которые особенно подвержены данному «заболеванию?» – был получен лаконичный ответ: «К сожалению, на данный момент в страховой компании «АльфаСтрахование» такого продукта нет».

И конечно, нельзя было обойти вниманием Чрезвычайную страховую компанию, в течение нескольких лет осуществлявшую госстрахование сотрудников ФСИН России, электронное письмо в адрес которой звучало так: «Известно, что сотрудники ФСИН России в наибольшей степени – в силу специфики их работы – подвержены так называемому синдрому профессионального выгорания. Не рассматривает ли ЧСК возможность признания профессионального выгорания сотрудников ФСИН России страховым случаем? Есть ли, на взгляд ЧСК, объективные предпосылки к этому? И какой здесь может быть роль руководства ФСИН России, как страховщика?»

Ответа не последовало, что дает основание предполагать отсутствие планов разработки соответствующего страхового продукта и в этой, до недавнего времени «профильной» для ФСИН России, страховой компании.

В завершение полагаем необходимым отметить, что государство посредством обязательного страхования эффективно обеспечивает страховую защиту сотрудников ФСИН России, но эта защита покрывает лишь самые тяжелые страховые случаи. Быть может,

пришло время государству обратить внимание и на другие серьезные угрозы здоровью сотрудников ФСИН России – профессиональное выгорание?

Библиографический список

1. Сгорел на работе: до 60 % сотрудников испытывают профессиональное выгорание. URL : <https://alfastrah.ru> (дата обращения: 01.12.2016).
2. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 362 с.
3. Рончинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 85–95.
4. Стеценко В. В. Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: рефлексивный аспект // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 104–107.
5. Поливанова Н. П. Профессиональное выгорание сотрудников правоохранительных органов и УИС: признаки и пути преодоления // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2012. С. 706–712.
6. Аминов И. И., Антонян Е. А. Предупреждение профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор профилактики коррупционных рисков // Наука вчера, сегодня, завтра : сб. ст. по материалам XLI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. № 12(34). Ч. II. С. 100–106.
7. «ВТБ Страхование» застрахует сотрудников ФСИН России за 1,7 млрд рублей. URL : <http://www.asn-news.ru> (дата обращения: 22.05.2018).
8. Бельгийцы признали профессиональное выгорание болезнью. URL : <http://medportal.ru> (дата обращения: 01.12.2016).

УДК 343.81(470.55/58) «1941–1945»

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, профессор кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: reent2@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Для цитирования

Реент, Ю. А. К проблеме исследования мест лишения свободы Южно-Уральского региона в годы Великой Отечественной войны и восстановительный период / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 420–424.

Аннотация. В основу статьи положены размышления по поводу диссертации Е. А. Ковалевой «Исправительно-трудовые учреждения на территории Южного Урала в 1941–1953 гг.», избравшей сложную и недостаточно изученную проблему. Тема представляется весьма актуальной, особенно в связи с тем, что в работе использован новый, ранее не задействованный материал региональных архивов, обширная источниковедческая база. В статье представлен обзор и краткий анализ материалов рукописи. Перечень исследуемых в ней учреждений обширен. Так, в начале войны в регионе действовали исправительно-трудовой лагерь, 30 исправительно-трудовых колоний, 3 трудовые колонии для содержания несовершеннолетних преступников, 17 следственных и 6 внутренних тюрем, к концу войны – уже 4 исправительно-трудовых лагеря, 28 исправительно-трудовых колоний, 7 трудовых воспитательных колоний, 15 следственных тюрем. Особенно важно было проследить изменения форм работы с разными категориями спецконтингента мест лишения свободы. Рассматриваемое исследование формирует дискуссионное поле для серьезного обсуждения не только в исторической, но и в историко-правовой науке.

Ключевые слова: история России, история государства и права, Великая Отечественная война, исправительно-трудовые лагеря и колонии, уголовно-исполнительная система России.

Современное осмысление советского опыта деятельности правоохранительной системы в кризисных (военных) условиях упирается в необходимость оценки многих историко-теоретических вопросов. В числе основных остается проблема места и роли пенитенциарных учреждений в системе исследовательской базы и литературных источников советского права. В силу указанного диссертационное исследование Ковалевой Елены Александровны «Исправительно-трудовые учреждения на территории Южного Урала в 1941–1953 гг.» [1] вызывает особый интерес.

Отдельные материалы диссертации в виде статей и выступлений соискателя на конференциях впервые попали в поле зрения задолго до ее защиты в объединенном совете Д 999.200.02 при Оренбургском государственном педагогическом университете и Орловском государственном университете имени И. С. Тургенева в марте 2018 г. Оценивая актуальность представленной проблемы, хотелось бы отметить, что изучение особенностей реализации репрессивной политики Советского государства сталинского периода в трудах российских специалистов (не только историков, но и правоведов, социологов, политологов и др.) занимает важное место уже на протяжении более трети века [2–6]. Тем не менее еще многие вопросы требуют тщательной проработки и качественной профессиональной научной экспертизы. В силу этого поставленная Е. А. Ковалевой задача исследования исправительно-трудовой политики СССР военного и послевоенного периодов выглядит оправданной и актуальной. В границах Южно-Уральского региона заданная проблематика изучена лишь поверхностно. Дефицит научных трудов в значительной степени определялся и сложностью доступа к фактологическому материалу. Следовательно, можно утверждать, что соискатель провел исследование актуальной, но малоразработанной темы.

Проведенный анализ текста диссертации позволяет заявить, что он характеризуется широтой охвата проблемы, конкретикой поставленных задач и достаточной степенью обоснованности выводов. Формулировки объекта, предмета, целей и задач исследования не вызывают сомнений. Использованная источник-библиографическая база представляется достаточной для раскрытия проблемы. Соискатель тщательно проработала фонды 1 центрального и 4 региональных архивов, 18 сборников документов и конкретных нормативно-правовых актов. Помимо того, использовано около 150 литературных источников.

Применявшаяся методологическая база также соответствует целям и задачам диссертационного исследования. В основу работы традиционно был положен диалектический метод, базирующийся на принципах объективности и историзма. Заявленные соискателем методы исторического исследования – историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, описательный, статистический – действительно нашли реализацию в ее диссертации. Это позволило раскрыть характер функционирования исправительно-трудовых учреждений во взаимосвязи с событиями военных и послевоенных лет.

Текст рукописи содержит комплексный и целостный анализ системы мест лишения свободы, очерченной территориями Челябинской, Чкаловской (Оренбургской) областей и Башкирской АССР. Детальное исследование расположенных там тюремно-лагерных структур логично увязано с оценками функционирования пенитенциарной системы всей страны на уровне как государственных институтов, так и общества в целом (хотя последнего в значительно меньшей степени). Хронологические рамки простираются от начала Великой Отечественной войны до реорганизации исправительно-трудовой системы, связанной со смертью И. В. Сталина в 1953 г.

Структура работы в основе своей представляется оправданной. Диссертационное исследование объемом 222 страницы состоит из введения, двух глав, включающих в себя по три параграфа, заключения, списка использованной литературы, а также приложения, включающего в себя 5 биографий региональных руководителей исправительно-трудовой системы и 5 сводных таблиц.

Содержательную часть открывает глава 1 «Развитие исправительно-трудовых учреждений на территории Южного Урала в военные и послевоенные годы». В ней соискатель раскрывает видовой спектр действовавших мест лишения свободы. Основную часть из них, как и практически во всех регионах СССР, составляли исправительно-трудовые лагеря и колонии. Изучению характера их деятельности отведен первый параграф.

Во втором параграфе все внимание сосредоточено на специфике немногочисленных, но слабоизученных колоний для несовершеннолетних.

Третий параграф посвящен местам лишения свободы с самым тяжелым режимом содержания – тюрьмам. Подчеркнем, что в сложившемся исследовательском пространстве спектр высказываемых мнений относительно их места в пенитенциарной системе достаточно широк – от полного отрицания до частичного признания статуса исправительного учреждения. Однако превалирует отрицание признания так же, как и в отношении лагерей для военнопленных. Большое внимание соискатель уделила вопросам, связанным с санитарно-медицинским обслуживанием, перебоями в обеспечении заключенных продовольственным пайком, одеждой. Отмечается, например, что за первые четыре месяца 1942 г. среднемесячная смертность в тюрьмах Уральского региона в 3 раза превышала среднемесячную смертность заключенных по Советскому Союзу [1, с. 110].

Можно было бы упрекнуть автора в том, что она не стала выделять в структуре главы лагеря для военнопленных, достаточно широко представленные в конце войны. Известно, что в 1945 г. на территории СССР находилось свыше 2,1 млн пленных солдат и офицеров из стран немецко-фашистского блока [7, с. 239–240]. Однако полагаем, что это допустимо не только в силу их относительной немногочисленности в исследуемом регионе. Имеет смысл согласиться с мнением известного австрийского историка Стефана Карнера, считавшего, что в системе принудительного труда СССР рассматриваемого периода «слишком перекрещивались категории гражданских лиц и военнопленных» [8, с. 44].

Вторая глава «Функционирование исправительно-трудовых учреждений Южно-Уральского региона в 1941–1953 гг.» в своем названии как бы уточняет хронологические рамки исследования, но реально в этом смысле не отличается от предыдущей главы. Отличия состоят в разных аспектах рассматриваемой проблемы. На наш взгляд, значительный интерес представляют материалы первого параграфа, связанные с кадровым обеспечением мест лишения свободы в условиях Великой Отечественной войны и восстановительного периода. Нарботки и опыт, полученные в чрезвычайных, кризисных условиях, вполне актуальны и сегодня.

Второй параграф раскрывает тяготы и лишения, связанные с трудовым использованием осужденных, и ему вполне подошел бы заголовок «Это забыть нельзя». Современная молодежь в первую очередь должна быть ознакомлена с условиями жизни той поры. И наконец, третий параграф посвящен оценке проводимой в лагерях и колониях воспитательной работы.

Достоверность описания событий и сделанных на их основе выводов не вызывает сомнений, поскольку базируется на большом количестве качественно отобранных и проанализированных архивных, нормативно-правовых, библиографических материалов. Новизна исследования основывается не только на впервые введенных в научный оборот источниках, но и на творческом использовании методик работы, что отражает индивидуальные авторские подходы. Для многих читателей будут интересны описанные в диссертации, но редко упоминаемые в литературе сведения и события. Например, обстоятельства, связанные с временной эвакуацией из Москвы в город Чкалов аппарата ГУЛАГа и Тюремного управления уже в июле 1941 г.

Известно, что, взявшись за тяжелый, объемный труд, сложно избежать ошибок, недостатков. Имеются они и здесь. Остановимся на основных.

1. Применяемая соискателем практика, использующая аналитические методики освещения событий, в ряде случаев не завершается их систематизацией, позволяющей на этой основе сделать выводы, часто носит описательный характер.

2. На наш взгляд, параграф 1 в первой главе было бы целесообразно посвятить рассмотрению только исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Исправительно-трудовые колонии (ИТК) по структуре и функционалу было бы оправданно выделить в отдельный параграф.

Соискатель косвенно объясняет мотив объединения ИТЛ и ИТК в один структурный блок тем, что число лагерей в рассматриваемом регионе значительно меньше, чем колоний. Действительно, например, в Челябинской области в 1943–1944 гг. действовало до 15 колоний и лишь 2 лагеря. Автор полагает, что Отдельный лагерный пункт № 223 в Соль-Илецке следует отнести к колониям только на основании того, что в Чкаловской области управлений исправительно-трудовых лагерей не было [1, с. 32]. И все же стоит отметить, что средняя численность спецконтингента колонии немногим превышала тысячу человек, тогда как только в Бакальском исправительно-трудовом лагере (Челябметаллургстрой) насчитывалось 31 770 осужденных [1, с. 35], то есть численность лиц, содержащихся в одном ИТЛ, вдвое превышала численность заключенных во всех ИТК области, вместе взятых. А ведь в 1944 г. открылся еще и лагерь военнопленных на 10 тыс. человек. Всего в послевоенный период Южно-Уральский регион располагал 4 ИТЛ [1, с. 59]. Одним словом, серьезные основания для обособления лагерей от колоний в диссертационном исследовании все же имеются.

3. Материалы третьего параграфа второй главы представлены несколько односторонне. Как справедливо утверждает автор, «основными формами воспитательной работы в исправительно-трудовых лагерях и колониях являлись политико-массовая и производственно-массовая работа» [1, с. 178]. Однако она оценивает их воздействие только на заключенных, тогда как сотрудники и вольнонаемные работники органов и учреждений, бойцы и командиры ВОХР полностью вышли из поля зрения исследователя. Вероятно, диссертант уделила недостаточно внимания оценке организации политико-воспитательной работы в исправительно-трудовых учреждениях СССР.

В целом нужно отметить, что диссертационная работа Е. А. Ковалевой является монографическим исследованием, вносящим достойный вклад в современную историческую науку. Ее структура и содержание соответствуют поставленным целям и задачам, способствуют раскрытию заявленной проблемы. Материалы научного труда были апробированы на международных, межрегиональных, всероссийских и региональных конференциях, а также в 25 научных публикациях автора (в том числе 4 статьях журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки России).

Особо хотелось бы обратить внимание на то, что длительный период большая часть исследований деятельности правоохранительных и силовых структур СССР проводилась в рамках юридической научной специальности 12.00.01 – теория и история государства и права. Произошел какой-то неформальный раздел компетенций, выведивший из поля зрения традиционных историков названную проблематику. На наш взгляд, такой подход недопустим, поэтому отрадно, что в последнее время названная негативная тенденция значительно ослабла. Вышел целый ряд диссертационных и монографических исследований, в частности, по Восточной и Западной Сибири, Уральскому, Поволжскому регионам. Обсуждаемая работа соискателя достойно пополнила этот список. Все это позволяет сделать следующий вывод.

Диссертация Е. А. Ковалевой, несмотря на наличие ряда дискуссионных моментов, в целом представляет собой интересное и своевременное исследование. Автор впервые предприняла попытку комплексного анализа деятельности учреждений исправительно-трудовой системы Южно-Уральского региона в условиях военного времени и

послевоенного периода. Не скроем, последний хронологический отрезок освещен в работе недостаточно ярко. Тем не менее представленная рукопись способствует привлечению внимания научной общественности к ряду слабопроработанных проблем. Автор формирует своеобразное дискуссионное поле для обсуждения в отечественной исторической и историко-юридической науке вопросов, связанных с определением места и роли уголовно-исполнительной системы в решении административно-управленческих, социально-экономических и внутривластных задач. Одновременно с оценкой регулирования общественных отношений в советском обществе представлен тонкий срез взаимоотношений с многочисленными лицами, содержащимися в местах лишения свободы.

Научный вклад представленной работы достаточно значим, поскольку она способствует расширению банка специфических знаний из истории России периода от 1941 до начала 1950-х гг. Очевидно, что диссертационные материалы в основе своей относятся к «предметному полю» отечественной истории, но имеют и междисциплинарное значение. Они интересны для истории и теории государства и права, ряда гуманитарных дисциплин в плане понимания исторических истоков, сущности и особенностей функционирования исправительно-трудовой системы на пространстве, ограниченном территориями Челябинской и Чкаловской (Оренбургской) областей, а также Башкирской АССР.

Возможность использования полученных результатов в анализе проблем современного государственно-правового развития определяет их прикладной характер. Не менее важным представляется и потенциал использования материалов работы в преподавании курсов «История России», «История государственного управления в России», «История уголовно-исполнительной системы России», «Правоохранительные органы», «История отечественного государства и права», а также отдельных спецкурсов, связанных с изучением деятельности органов государственного управления.

Библиографический список

1. Ковалева Е. А. Исправительно-трудовые учреждения на территории Южного Урала в 1941–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2018. 222 с.
2. Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы : монография. Домодедово, 1992. 156 с.
3. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 2 : Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н. В. Петров. М., 2004. 696 с.
4. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 3 : Экономика ГУЛАГА / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004. 624 с.
5. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 4 : Население ГУЛАГА: численность и условия содержания / отв. ред. и сост. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева. М., 2004. 623 с.
6. Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. 579 с.
7. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник / под общ. ред. Г. А. Корниенко. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань, 2013. 428 с.
8. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / пер. с нем. О. Асписовой. М., 2002. 303 с.

УДК 343.23

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРЫСЬ,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор института по кафедре уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Прысь, Е. В. Об истории возникновения и развития институтов преступления и наказания / Е. В. Прысь // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 425–429.

Аннотация. В статье рассматриваются исторические вопросы развития институтов преступления и наказания, делается вывод о том, что на их формирование повлиял процесс становления общества от периода выхода человека из дикой природы (инстинктивный период) и до наших дней – осознанного формирования мер наказания за общественно опасное деяние. В результате в настоящее время в основе уголовного законодательства заложены институты преступления и наказания как важнейшие инструментариумы борьбы с преступностью в нашей стране.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовное законодательство.

О преступлении и наказании принято говорить не только в залах органов власти, но и в органах, деятельность которых связана с этими неизменно важными и традиционно актуальными правовыми категориями. О преступлении и наказании повсеместно, причем в самых разнообразных окрасках, говорят, пишут, снимают фильмы как профессионалы, так и обыватели, порой и те, кто сам преступил закон и был наказан.

Может быть, так горячо и пристрастно не говорили бы о преступлении и наказании как о необыкновенно феноменальном явлении, если бы не роман Ф. М. Достоевского. Именно Достоевский, «не будучи крупным чиновником» и даже не имея юридического образования, смог объединить два сверхотрицательных по значению слова в одно сочетание, которое привело «весь мир буквально в безумие», что сделало Ф. М. Достоевского известным. Однако мало кто знает, что Достоевского к написанию романа сподвигнули четырехлетняя каторга и ссылка за участие в кружке Петрашевского.

Таким образом, круг наших соотечественников, проявляющих интерес к институту преступления и наказания, весьма широк. К этой категории принадлежат и ученые, проводившие в соответствующей области исследования. Важной составляющей таких исследований является история возникновения институтов преступления и наказания. Так, в 1992 г. Н. В. Григорьев в статье «Социально-юридические тенденции в истории уголовного наказания» справедливо утверждал, что

исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что наказание возникает с появлением общественной организации жизни человека. Именно этому периоду характерно зарождение и развитие обычаев. Соответственно они и образовывали основы обычного права на заре возникновения классового общества.

Будет ошибочным мнение о том, что в доклассовом обществе обычаи выполняли только регулятивные функции. Наши исследования показали, что в догосударственный период активно применялись охранительные функции в виде наказаний. Так, А. А. Карпец пишет, что «наказание как средство воздействия возникло задолго до появления каких-либо правовых документов» [1, с. 11]. Характеризуя период глубокой древности, К. Маркс уточняет: «Наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковыми бы ни были эти условия» [2, с. 531]. Следует дополнить, что наказание за преступление изначально формировалось на основе инстинктов, эмоций, желания исключить негативные явления как общественного, так и личного характера. Наказания догосударственного периода можно разделить на две группы:

1) наказание за посягательство на общественные интересы. Поскольку в этот период судов не было, решение о наказании выносили вождь, старейшины (совет) племен либо собрание племени. Справедливости ради можно «опуститься» к периоду выхода человека из дикой природы и говорить о первых признаках назначения и исполнения наказания за опасное для человеческого стада деяние, когда вожди единолично либо в составе стада определяли виновного. Здесь мы усматриваем связь (грань) со второй группой;

2) наказание, осуществляемое частным лицом как реакция на посягательство на частные интересы. Здесь уже речь идет о применении наказаний обидчиком либо его родичами. Другими словами, речь идет о мести за «обиду».

Первая и вторая группы возникли буквально одновременно. Однако на протяжении всего периода существования кровной мести вплоть до наших дней она являлась субъективной реакцией на факт деяния, вызвавшего соответствующую реакцию.

Рассмотрим первую группу наказаний за преступления, которые представляли собой типичные наказания за совершенные общественно опасные деяния, возникшие в догосударственном периоде. Уже в то время наказания имели большое значение в охране общественных интересов племен, поскольку способствовали поддержанию внутреннего порядка, безопасности в племенах древних народов России. В тот период степень опасности определялась по-другому, причем обычаи предусматривали строгие наказания. Они касались прежде всего предателей (изменников) и трусов в межплеменных войнах, тех, кто не выполнял требования общины или вождей племени, преследовали наказания тех, кто по своей халатности «не сберег урожай», а в некоторых случаях и воду; тех, кто без согласия (или в результате хищения) употреблял пищу, принадлежащую всем членам племени, тех, кто отличался непослушанием вождя и старейшин рода; кто хулиганил или «учинял драки», поджоги и другим способом уничтожал имущество и т. д. Уже в то время древние люди, понимая, что компенсировать причиненный вред виновный не сможет, к нему применяли наказания, которые служили прежде всего возмездием. Примечательно, что практически все виды наказаний исполнялись публично. Чаще в результате их применения виновного лишали жизни, в лучшем случае – делали инвалидом. Он оставался жить как «униженный» в племени, являясь живым примером результата своих, говоря современным языком, неправомерных действий, поэтому уже в то время наказание выполняло и профилактическую функцию [3, с. 224].

Какие конкретно наказания применялись за указанные и другие им подобные общественно опасные для племени действия? Рассмотрим виды наказаний, известные не

только ученым, но и широкому кругу читателей исторической и художественной литературы. Речь идет об изгнании из племени; оставлении виновного привязанным к дереву или около муравейника, места скопления птиц или животных; о забивании камнями или палками; об утоплении; о сожжении и т. д.

Большинство из наказаний родоплеменного периода уже на ранней стадии формирования Древнерусского государства стали видоизменяться. Это вызвано прежде всего переустройством жизненного уклада, выразившимся в повсеместном отказе русских племен (россов) от кочевого образа жизни. Об этом свидетельствует древняя русская летопись «Повесть временных лет», в которой говорится о том, что именно оседлый образ жизни научил славян не только пахать землю и разводить скот, но и плавить металлы, возводить здания, строить суда, писать на пергаменте «клинописью, а затем буквами» [4]. В этом сыграла большую роль и связь с другими народами, которые окружали русские земли, что позволяло получить ориентиры на их более качественный уровень жизни (Византия, Греция и др.). Славяне все больше разделялись на классы, эксплуатация человека человеком все ярче проявляла себя, особенно в хозяйственной деятельности. Формировались межплеменные воинские отряды, которые постепенно переросли в княжеские. Все это послужило началом централизации власти. Переходящие из уст в уста правовые обычаи уже записывались.

Все чаще использовались прецеденты, особенно по судебным делам. Они имели место в тех случаях, когда обычаи не давали ответа именно на те вопросы, которые появились в новых условиях жизни, поскольку подобных случаев раньше не было и не могло быть. Развитие славянских народов определяли, безусловно, и новые виды наказаний, и порядок их исполнения. Так, смертная казнь исполнялась уже посредством «отсечения головы кованым топором», а в южных областях России мы встречаем четвертование. Появляется такой вид наказания, как избиение (сечка). Этот вид наказания в середине первого тысячелетия стал известным и среди представителей северных народов нашей страны. Вместе с тем мы не находим официальных указаний на лишение свободы. Однако «взаперти пробить в погребе с крысами» на заре формирования нашего государства довелось побывать многим. По-прежнему применялось наказание, связанное с изгнанием, а позже стала применяться ссылка в определенные места, в которых изгнанник, по словам летописца, «должен приносить пользу человеку, а не вред чинить».

С появлением денежных единиц активно стало применяться наказание, связанное с эквивалентом стоимости ущерба. Позже такой вид стал называться штрафом, который применялся не только в нашей, но и во всех зарубежных странах, став самым распространенным видом наказания.

Рассмотрим вторую группу наказаний, которые исполнялись в форме кровной мести. Кровная месть появилась в связи с тем, что в период глубокой древности отсутствовали средства правового регулирования. Так, С. В. Жильцов пишет: «Обычай кровной мести возникает за десятки тысяч лет до появления первых государств» [5, с. 19].

Как считает П. А. Кошель, «право мести возникает у древних славян в связи с тем, что любое человеческое действие, причиняющее вред, должно рассматриваться сквозь призму ответственности частного лица перед частным лицом [6, с. 8–9].

Опасность кровной мести заключалась в том, что в результате мести погибали целые племена, более того, часто страдали родичи других поселений, которые нередко уничтожались. Вместе с тем уже у древних народов существовали обычаи, позволяющие прекратить или предотвратить кровную месть [7, с. 28]. Однако такие меры были малоэффективными, за исключением тех случаев, когда авторитет вождя мог нейтра-

лизовать сложившееся положение. Кровная месть глубоко врезалась в сознание человека, поскольку это самый простой выход из создавшейся конфликтной ситуации, не требующий для ее решения третьих лиц, поэтому кровная месть получила с незапамятных времен практически у всех народов мира «молчаливое одобрение». Кровная месть, как и подавляющее большинство обычаев, перешла из первобытнообщинного строя в классовое общество. Так, в период формирования государственности в России наказание в виде кровной мести применяли даже князья. До нас дошли сведения о мести княгини Ольги за смерть своего мужа, князя Игоря. Она потребовала вместо дани взять у древлян по три воробья и голубя с каждого двора. Ольга велела привязать птицам зажженный прут с серой и пустить их на волю. Птицы воротились в свои гнезда, и в городе начался пожар. Жители пытались спастись бегством, но их встречали мечи Ольговой дружины. В этот период имели место и иные примеры наказаний из-за мести. Случалось и так, что сами князья мстили друг другу. Так, А. Свенельд, старый воевода Святослава, просил Ярослава идти войной на брата, желая отомстить за своего сына, а ослепленный ненавистью князь Василько мстил своему врагу вместе с ним невинному народу, призывая всех убивать: «И сотвори мщение на людях неповинных» [8, с. 8].

С появлением государства кровная месть начинает постепенно затухать. Это результат прежде всего того, что происходит «распад родового строя, место которого занимала другая форма отношений – семья». Месть перестает отвечать требованиям новых общественных отношений. Кровная месть исчезает и в результате закономерного объективного процесса общественно-экономического развития [9, с. 12], и уже на ранней стадии формирования государства появляется альтернативное кровной мести наказание. История знает случаи, когда из рода убийцы кто-либо по согласию рода потерпевших переходил в их род в порядке компенсации. С появлением денег в Древней Руси власти с целью пресечения кровной мести предлагали выкуп за нанесенный ущерб, в том числе и за убийство. Однако славяне неохотно шли на такие сделки, поскольку считалось «порочным возмещать за убиенного медяками» [10, с. 80].

Таким образом, кровная месть в одночасье не собиралась сдаваться, поскольку ее традиции ушли далеко в сознание людей. В силу этого элементы кровной мести в период образования Древнерусского государства получают свое законное закрепление. Так, уже в краткой редакции Русской Правды круг мстителей, благодаря княжескому установлению, значительно сужается, а позднее в Правде Ярославичей кровная месть окончательно отменяется, во всяком случае, на законодательном уровне. Следует отметить, что кровная месть считалась религиозным долгом, месть соответствовала определенному виду религии, в догосударственной Руси – религии языческой, в государственной Руси – христианской [11, с. 382]. Однако и сегодня кровная месть «отражает принцип равного воздаяния за преступление», который в Ветхом Завете сформулирован как «око за око, зуб за зуб»: библейское предствление позволяет заключить, что по закону Моисея месть является узаконенным обычаем.

В советское время научились эффективно бороться с кровной мстью, которая была особенно распространена в южных районах страны, гибко применяя и Уголовный кодекс, и воспитательные меры. В Кодексе была ст. 231, карающая за уклонение от примирения (до двух лет лишения свободы). Это был сильный рычаг давления на тех, кто не хотел примириться. В каждом районе Дагестана и Чечни были комиссии по примирению кровников, в которые входили старейшины, партийные и советские функционеры, душившие в зачатке любые конфликты между семьями и родами. Сейчас вся эта система разрушена. Более того, древняя традиция кровной мести прикрывается экономическими, по-

литическими и чисто уголовными мотивами. Согласно действующему уголовному законодательству Российской Федерации мотив кровной мести при совершении убийства рассматривается как отягчающее вину обстоятельство. За убийство на почве кровной мести ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненного лишения свободы. Это говорит о том, что государство проявляет намерения искоренить пережитки кровной мести в стране.

Таким образом, институт преступления и наказания прошел долгий путь своего развития. На его формирование, как установлено исследователями, повлиял процесс развития общества от периода выхода человека из дикой природы (инстинктивный период) и осознанного формирования мер наказания за общественно опасное деяние до наших дней.

Сегодня нашло свое достойное место уголовное законодательство, в основе которого заложен институт преступления и наказания как важнейший инструментальный борьбы с преступностью в нашей стране.

Библиографический список

1. Карпец И. И. Наказание. Социальные и криминологические проблемы. М., 1973. 288 с.
2. Маркс К. Смертная казнь // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955–1974. Т. 8. 736 с.
3. Петухов Ю. Д. История древних русов. М., 2009. 464 с.
4. Древние славяне. Мифы и легенды народов мира. М., 2004. 432 с.
5. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М., 2002. 464 с.
6. Кошель П. А. История наказания в России. М., 1995. 369 с.
7. Пилецкий С. Г. О мести и ее месте в жизни человеческой. Ярославль, 2008. 556 с.
8. Малиновский И. А. Кровная месть и смертная казнь. Томск, 1908. Вып. 1–2. 537 с.
9. Шелколялс Н. А. Смертная казнь в России. Минск, 2000. 112 с.
10. Ковалевский М. Первобытное право. М., 1886. Вып. 1 : Род. 334 с.
11. Хачатуров Р. Л. Отказ от смертной казни в праве Древней Руси // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 377–388.

УДК 343.8(44)+343.8(460)

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru;
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СИРЯКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: 643350@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВО ФРАНЦИИ И В ИСПАНИИ

Для цитирования

Скиба, А. П. Некоторые аспекты исполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях во Франции и в Испании / А. П. Скиба, А. Н. Сиряков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 430–436.

Аннотация. В соответствии со статьей 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также групповых неповиновениях осужденных. Однако положения данной нормы российского закона являются расплывчатыми, недостаточно учитывающими особенности различных оснований введения режима особых условий и требуют дальнейшей законодательной конкретизации правового положения как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы. Законодательство Франции и Испании в области регулирования уголовно-исполнительных отношений в период действия специальных режимов обладает рядом особенностей. В указанных государствах отсутствует единый акт, регламентирующий действия администрации пенитенциарного учреждения и ограничения, налагаемые на лиц, в них содержащихся. Имеет место возникновение дополнительных полномочий у администрации пенитенциарных учреждений (незамедлительный перевод осужденных в другие учреждения, использование особых технических мер контроля и т. п.). Интересным представляется установление контроля за освободившимися осужденными за отдельные преступления и приостановление рассмотрения вопросов об условно-досрочном освобождении. Данный опыт возможно учитывать при совершенствовании отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: исполнение уголовных наказаний, пенитенциарные учреждения, экстремальные условия, чрезвычайное положение, осадное положение, ограничения прав лица, Франция, Испания.

Ухудшение военно-политической обстановки в приграничных с Россией территориях, существование террористических угроз, деятельность незаконных вооруженных формирований, наличие региональных конфликтов, возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и другие ситуации ставят на повестку дня вопрос об исполнении уголовных наказаний в данных условиях.

В соответствии со ст. 85 УИК РФ основаниями введения режима особых условий в исправительных учреждениях являются: стихийное бедствие, введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, при групповых неповиновениях осужденных (далее – экстремальные условия). Введение данного режима в исправительном учреждении подразумевает возможность приостановления осуществления некоторых прав осужденных, установления усиленного варианта охраны и надзора, изменения распорядка дня, ограничения деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных и т. п. Однако положения ст. 85 УИК РФ являются расплывчатыми, недостаточно учитывающими особенности различных оснований введения режима особых условий и требуют дальнейшей законодательной конкретизации правового положения как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы [1, с. 244]. Кроме того, до настоящего времени в России отсутствуют четко разработанные законодательные положения, регламентирующие общественные отношения, возникающие в области исполнения уголовных наказаний, в экстремальных условиях [5]. Недостаточно изучено зарубежное регулирование указанной сферы [2; 3, с. 74; 4]. В связи с этим обращение к опыту правового обеспечения ограничения прав граждан, расширения полномочий правоохранительных органов в период действия особых правовых режимов государств – членов Европейского Союза представляет несомненный интерес. Франция и Испания входят в число пяти крупнейших по численности населения государств Европы, имеют развитые пенитенциарные системы, а также реальный опыт функционирования органов государственной власти в период действия чрезвычайного положения.

Законодательство Франции допускает два правовых режима, позволяющих предотвратить или свести к минимуму вредные последствия экстремальных условий: режим чрезвычайного положения и режим осадного положения, вводимые Советом министров Франции на 12 дней с возможностью дальнейшего продления с разрешения Парламента.

Специальный документ Ордонанс Президента от 20 декабря 2004 г. № 2004-1374 «Об утверждении положений Кодекса обороны» содержит часть II «Правовые режимы обороны», которая состоит из несколько книг. В книге I, в числе прочих исключительных режимов, раскрываются нормы об осадном (гл. II) и чрезвычайном (гл. III) положении.

Основанием для введения осадного положения являются случаи неминуемой опасности, возникшие в результате войны, иностранного вторжения или вооруженного мятежа. В период введения осадного положения полномочия гражданской власти по поддержанию правопорядка и деятельности полиции передаются военной администрации. Органы военного управления могут осуществлять обыски днем и ночью; производить обыск оружия и боеприпасов и определять порядок их сдачи; запрещать собрания и публикации, которые могут угрожать общественному порядку; удалять с территории осад-

ного положения лиц, не имеющих места жительства, а также лиц, в отношении которых вынесен приговор. Кроме того, на этот период вводятся военные судебные органы и устанавливается их подсудность (ст. L2121-3, L2121-4, L2121-5, L2121-6).

Глава III указанного документа «Чрезвычайное положение» делает ссылку на Закон Французской Республики от 3 апреля 1955 г. № 55-385 (по состоянию на 14 июля 2018 г.) «О статусе чрезвычайного положения». В нем отмечается, что чрезвычайное положение может быть объявлено на всей или части территории Франции и ее заморских территориях в случае угрожающей опасности, в результате серьезных нарушений правил общественного порядка либо в случае событий, имеющих по своей природе и степени тяжести характер общественного бедствия.

Данный закон в сочетании с нормами Кодекса внутренней безопасности, утвержденного Ордонансом Правительства от 12 марта 2012 г. № 2012-351, при введении чрезвычайного положения предполагает проведение следующих мероприятий:

а) ограничение места жительства и передвижения. В соответствии со ст. 5 префекты полиции (в отношении части страны) имеют право запрещать движение людей или транспортных средств в местах и в часы, установленные приказом; пребывать в департаменте или его части лицу, поведение которого может представлять угрозу для общественной безопасности и порядка. Министр внутренних дел (в отношении всей территории) может вынести решение о домашнем аресте (ежедневное нахождение в месте проживания не менее 12 часов) лица с учетом его семейной жизни и профессиональной деятельности с уведомлением прокурора Республики (ст. 6). Может быть наложено обязательство периодической явки в подразделения полиции, жандармерии; изъят паспорт или иной документ, удостоверяющий личность; установлен запрет на общение с людьми, если есть основания считать, что их поведение представляет угрозу для безопасности и общественного порядка; запрещен выезд из страны. В отношении освободившихся лиц, осужденных за преступления террористического характера, устанавливается электронное наблюдение;

б) проведение обысков (ст. 11). По решению министра внутренних дел или префекта возможно проведение обысков в любом месте, за исключением рабочих мест депутатов, адвокатов, журналистов, магистратов. Обыск в ночные часы (с 21 до 6 часов) не проводится, если это не обусловлено срочностью проведения с незамедлительным информированием прокурора;

в) приостановление деятельности отдельных организаций. Временно могут быть закрыты конференц-залы, питейные заведения, места для проведения мероприятий, разжигающих ненависть и насилие, подстрекающих к актам терроризма (ст. 6.1), а также молитвенные дома;

г) запрещение собраний населения (ст. 8);

д) изъятие оружия и боеприпасов, находящихся в законном владении, с последующим их возвращением владельцу (ст. 9);

е) иные (установление периметров безопасности вокруг мест массового скопления населения; использование уличного видеонаблюдения и т. п.).

Конституцией Франции от 4 октября 1958 г. также закреплены чрезвычайные полномочия Президента при чрезвычайном положении. Последний раз норма была применена 13 ноября 2015 г. и действовала до 1 ноября 2017 г., что стало ответом на террористические атаки в Париже, когда в результате взрывов у стадиона «Стад де Франс», расстрела посетителей кафе и зрителей концертного зала погибло 130 человек.

Особенно действия экстремальных режимов для исправительных учреждений во Франции сводятся к указанию в различных нормативно-правовых документах на уси-

ление потенциала пенитенциарной службы, наделение ее дополнительными правами и ограничение (приостановление) действий прав осужденных.

Статья L2171-1 Кодекса обороны содержит условие, в случае наступления которого правительством задействуется национальный резерв – возникновение серьезного кризиса на всей или части территории страны, ставящий под угрозу безопасность государства, население или способность нации к выживанию. В пенитенциарной службе – это так называемый резерв пенитенциарной службы, состоящий из лиц, ранее работавших в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, которые могут привлекаться к решению различных служебных вопросов.

В Пенитенциарном законе от 24 ноября 2009 г. № 2009-1436 закреплено положение о гарантиях уважения достоинства и прав осужденных со стороны тюремной администрации. Этот принцип пронизывает всю деятельность по исполнению наказания, но допускает ограничения, связанные с обеспечением безопасности, порядка, предотвращения рецидива, защитой интересов потерпевших (ст. 11). Речь в данной статье идет не только о постоянном обеспечении безопасности учреждения, но и о режиме в период экстремальных условий. Другие статьи данного документа содержат конкретные ограничения. Так, может быть ограничено право осужденного на свободу убеждений, совести и религии, осуществление религиозных обрядов (ст. 26); запрещены свидания с родственниками и иными лицами (ст. 35); запрещен или приостановлен доступ осужденного к телефону (ст. 39); осуществлен контроль или изъятие переписки осужденного (ст. 40); установлен запрет на ознакомление с письменными и аудиовизуальными источниками информации (ст. 43).

Администрация пенитенциарного учреждения также получает дополнительные полномочия. Например, по решению министра юстиции может быть принято решение о размещении осужденного под постоянным видеонаблюдением без звука на срок до 5 дней с возможностью ее продления, если данная мера является единственным способом избежать побега или самоубийства осужденного (ст. 58-1). Администрация пенитенциарных учреждений может также запретить распространение или использование образа или голоса осужденного, если это ограничение необходимо для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, защиты прав потерпевших или третьих лиц, а также реинтеграции соответствующего лица (ст. 41).

Отдельные положения имеются в Кодексе внутренней безопасности, утвержденном Ордонансом Правительства от 12 марта 2012 г. № 2012-351. В целях предотвращения побегов, обеспечения безопасности и надлежащего порядка в пенитенциарных учреждениях или медицинских учреждениях, предназначенных для приема лиц, содержащихся под стражей, подразделения безопасности пенитенциарной службы (ст. R855-1BIS) могут быть уполномочены использовать особые технические меры контроля, обычно присущие разведывательным органам: собирать сведения, содержащиеся в электронной почте, сообщениях в электронных сетях, телефонных переговорах; получать техническую информацию, касающуюся определения местонахождения терминального оборудования; время и продолжительность вызовов; определять в режиме реального времени местонахождение лица, транспортного средства или объекта с помощью технических устройств (ст. L855-1).

Сотрудники пенитенциарных учреждений Франции также обладают правом применить огнестрельное оружие при нападении на них, угрозах вооруженных людей, а также в случае попыток проникновения на территорию учреждения извне или попыток побега

изнутри [ст. 1 Закона от 28 декабря 1943 г. «О применении оружия сотрудниками исполнительных учреждений» (Консолидированная версия 16 июля 2018 г.)].

Несколько иной подход в изучаемой сфере в Испании. Конституцией Испании от 29 декабря 1978 г. (ст. 55, 116 и др.), законами Испании от 1 июня 1981 г. «Об особом, чрезвычайном или осадном положении», от 30 марта 2015 г. «О защите безопасности граждан» устанавливаются особенности указанных правовых режимов.

Особое положение (состояние угрозы) вводится постановлением Правительства по всей стране или на ее отдельной территории на 15 дней. Об этом сообщается Конгрессу депутатов, без разрешения которого продлить указанный режим невозможно. Основаниями введения особого положения являются: природные катастрофы (землетрясение, наводнение, городские и лесные пожары, иные крупномасштабные происшествия); кризисы в области здравоохранения (эпидемии, серьезные загрязнения); временное прекращение коммунальных услуг, имеющих важное значение для общества; ситуации, связанные с нехваткой предметов первой необходимости.

Введение особого положения предполагает следующие меры: ограничение передвижения, пребывания людей или транспортных средств в определенные часы и местах; временный контроль отраслей промышленности, предприятий, мастерских, хозяйств; ограничение и нормирование в пользовании услуг и потреблении предметов первой необходимости и т. п. (ст. 11). Государство может мобилизовать работников организаций для осуществления этих функций (ст. 12).

Основанием для введения чрезвычайного положения является серьезное изменение свободного осуществления прав и свобод граждан, нормального функционирования демократических институтов, основных коммунальных услуг для сообщества или любого другого аспекта общественного порядка, когда обычных полномочий власти для нормализации ситуации оказывается недостаточно. Данное положение вводится Правительством с предварительного разрешения Конгресса депутатов с возможностью продления еще на 30 дней. В своем обращении к парламенту о введении чрезвычайного положения Правительство называет цели введения, предпринимаемые меры; срок (не более 30 дней); максимальную сумму штрафов, применяемых к нарушителям режима чрезвычайного положения, конкретные права, указанные в Конституции, которые требуется ограничить или приостановить.

В гл. 5 «Приостановление прав и свобод» Конституции Испании имеется ст. 55, перечисляющая ряд прав и свобод, которые могут быть приостановлены при введении чрезвычайного или осадного положения.

Введение чрезвычайного положения означает: а) заключение под стражу на срок от семидесяти двух часов (ст. 17) до десяти дней с уведомлением судьи в течение суток и обязательным информированием задержанного о своих правах и причинах задержания, гарантией присутствия и помощи адвоката в оформлении полицейских и судебных актов (ст. 17); б) нарушение неприкосновенности жилища (ст. 18), то есть обыски и осмотры жилищ людей без ордера, но с соблюдением формальных процедур, составление протокола, присутствие соседей, уведомление судьи; в) ограничение тайны переписки, почтовой, телеграфной, телефонной связи (ст. 18 ч. 3) с уведомлением судьи; г) ограничение свободы выбора местожительства и передвижения по территории страны, свободного въезда в Испанию и выезда из Испании (ст. 19). Это означает запрет перемещения людей и транспорта в установленные часы, возможность переселения людей из населенного пункта, определение зон защиты или безопасности, в которых запрещается нахождение людей, установление временного места жительства для

отдельных лиц, а в отношении некоторых лиц, например иностранцев, лиц без гражданства, беженцев – обязательное уведомление власти о предполагаемой поездке за пределы пункта проживания. Кроме того, данные лица могут быть высланы из страны, если не совершили преступлений; д) ограничение на свободное выражение и распространение взглядов, идей и мнений устно, письменно или иными средствами (ст. 20). Совещания политических партий, профсоюзов и бизнес-ассоциаций в соответствии со своими уставными целями не запрещаются; е) приостановление свободы передачи и получения достоверной информации посредством любых средств распространения (ст. 20), которое распространяется на все виды изданий, радио и телевидение, показы, кино- и театральные представления; конфискации публикаций, записей и других средств информации, что производится на основании судебного решения (ст. 20); ж) запрет собраний и демонстраций в общественных местах (ст. 21), забастовок (ст. 28) и ограничение права трудящихся и предпринимателей на трудовой конфликт (ст. 37).

Режим чрезвычайного положения в Испании предполагает возможность изъятия всех видов оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 25); временное прекращение деятельности предприятий промышленности или торговли, закрытие развлекательных залов, питейных, других аналогичных заведений, если они могут побудить к нарушению общественного порядка либо способствовать ему (ст. 26); размещение вооруженных постов (ст. 27).

Осадное положение может быть объявлено абсолютным большинством голосов в Конгрессе депутатов и по исключительному предложению Правительства. Конгресс определяет часть территории, на которую распространяется осадное положение, срок и условия его действия. Основаниями его введения являются: восстание, акт агрессии против суверенитета или независимости Испании, ее территориальной целостности или конституционного порядка. Установление осадного положения означает временное приостановление прав задержанного на информацию о своих правах, причинах задержания, он может быть принужден давать показания. Задержанному не гарантируется присутствие и помощь адвоката в оформлении полицейских и судебных актов (ст. 32). Органам военного управления передаются полномочия для обеспечения режима осадного положения. Гражданские власти продолжают осуществлять полномочия, не предоставленные военным, и обязаны предоставлять запрашиваемую информацию правоохранительным органам (ст. 36).

Статьей 26 Закона Испании от 30 марта 2015 г «О защите безопасности граждан» устанавливается требование обеспечения мер безопасности на объектах критической инфраструктуры и других объектах.

Данные акты распространяются и на пенитенциарные учреждения. В частности, в отношении осужденных в Законе 1981 г. указывается, что в период действия чрезвычайного и осадного положения им не предоставляется возможность условно-досрочного освобождения (ст. 30).

Королевский Указ от 20 июня 1985 г. № 1436 «О временных правилах координации деятельности пенитенциарных учреждений» в ст. 7 фиксирует возможность перевода осужденных в другие пенитенциарные учреждения в связи с мятежами, катастрофами и другими аналогичными ситуациями. При этом руководство учреждения незамедлительно информирует вышестоящие органы о положении дел в учреждении, количестве осужденных, особенностях их режима содержания с тем, чтобы она, учитывая вакантные места всех государственных учреждений, осуществила перераспределение осужденных.

В ст. 15 Закона от 26 сентября 1979 г. «Основы пенитенциарных учреждений», а также в ст. 25 Пенитенциарного регламента от 8 мая 1981 г. содержится исключение из правила о помещении задержанного, арестованного или обвиняемого в любое из пенитенциарных учреждений на основании постановления или приказа уполномоченного органа (суда, органа, полномочного осуществлять задержание). При действии режима особого, чрезвычайного или осадного положения помещение лица в учреждение производится в соответствии со специальными законами, и государственные органы, отвечающие за конвоирование, получают право входить на территорию пенитенциарного учреждения, если того требуют непредвиденные или форс-мажорные обстоятельства.

В заключение отметим, что законодательство Франции и Испании, регулирующее исполнение уголовных наказаний в период действия специальных режимов, обладает следующими особенностями. Во-первых, в указанных государствах отсутствует единый акт, регламентирующий действия администрации пенитенциарного учреждения и ограничения, налагаемые на лиц, в них содержащихся. Во-вторых, имеет место возникновение дополнительных полномочий у администрации пенитенциарных учреждений: незамедлительный перевод осужденных в другие учреждения, использование особых технических мер контроля и т. п. В-третьих, интересным представляется установление контроля за освободившимися осужденными за отдельные преступления и приостановление рассмотрения вопросов об условно-досрочном освобождении. Считаем, что данный опыт важен в том числе в связи с необходимостью совершенствования отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Библиографический список

1. Дергачев А. В., Скиба А. П. Чрезвычайное положение как основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях: проблемы регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4). № 3. С. 244–248.
2. Сиряков А. Н. Режим особых условий в исправительных учреждениях Содружества Независимых Государств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 56–61.
3. Скиба А. П., Кийко Н. В. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в случае стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения. Специальная часть Уголовно-исполнительного кодекса // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний. Минск, 2018. С. 74–78.
4. Сурженко Ю. А. Правовое и организационно-тактическое обеспечение исполнения и отбывания наказания в исправительных учреждениях при возникновении особых условий : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2017. 230 с.
5. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. Рязань, 2017. 170 с.

УДК 343.344

МАРИУС ИОКУБОВИЧ МУРКШТИС,
кандидат юридических наук, адвокат,
Московская областная коллегия адвокатов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 7607428@mail.ru

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ)

Для цитирования

Муркштис, М. И. Анализ зарубежного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия (на примере стран Содружества Независимых Государств) / М. И. Муркштис // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 437–440.

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия (на примере стран Содружества Независимых Государств). Рассматриваются уголовные законы Армении, Казахстана и Беларуси как характерные примеры состояния уголовного законодательства в данной области. Выделяются законодательные подходы, которые могут быть использованы в качестве положительного опыта в процессе законотворческой деятельности. В целом в законодательстве большинства стран Содружества Независимых Государств преобладает единый подход к описанию преступлений в сфере незаконного оборота оружия, что проявляется в восприятии данных преступлений как преступлений против общественной безопасности, ответственности за относительно небольшое число одних и тех же деяний. Это во многом объясняется общей историко-правовой природой и схожими традициями уголовного законодательства, проистекающими из уголовного законодательства СССР. Среди особенностей законодательства сопредельных стран Содружества Независимых Государств, которые могут быть учтены в процессе законотворческой деятельности, следует выделить: установление уголовной ответственности за подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия; использование института административной преюдиции для ряда деяний в сфере незаконного оборота оружия с меньшей степенью общественной опасности.

Ключевые слова: оружие, незаконный оборот, Армения, Казахстан, Беларусь, уголовная ответственность, преюдиция.

Исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия в настоящий момент представляет особую актуальность, прежде всего, в аспекте учета опыта зарубежных государств в процессе моделирования российского уголовного законодательства в рассматриваемой области. Значи-

тельный интерес представляет законодательство стран Содружества Независимых Государств (СНГ), как наиболее приближенных к России в правовом поле. Ввиду схожести законодательных решений в рассматриваемой области в целом ряде уголовных законов представим только наиболее характерные законодательные решения в данной сфере.

В Уголовном кодексе Армении (УК Армении) ответственность за незаконный оборот оружия установлена в ст. 235, 236:

а) в ст. 235 УК Армении установлена ответственность за незаконное приобретение, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного огнестрельного оружия и патронов к нему), боеприпасов, патронов к нарезному огнестрельному оружию, взрывчатых веществ или взрывных устройств;

б) квалифицированными видами рассматриваемого преступления являются: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; совершение преступления организованной группой;

в) предусмотрен самостоятельный привилегированный состав преступления – незаконное ношение газового, холодного или метательного оружия;

г) в ст. 236 УК Армении установлена ответственность за незаконное изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств;

д) для обоих составов преступления предусмотрено основание освобождения от уголовной ответственности, предполагающее добровольную сдачу указанных в ст. 235, 236 УК Армении предметов и отсутствие иного состава преступления в действиях виновного лица.

В Уголовном кодексе Казахстана (УК Казахстана) ответственность за незаконный оборот оружия предусмотрена в ст. 287, 288, в частности:

1) за незаконные ношение или сбыт холодного оружия, за исключением, когда ношение холодного оружия связано с охотничьим промыслом, а равно продажу работниками организаций торговли оружия и боевых припасов к нему физическим лицам, организациям, не имеющим соответствующего разрешения (ч. 1 ст. 287 УК Казахстана);

2) незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного бесствольного оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольного гладкоствольного оружия, а равно патронов к ним (ч. 2 ст. 287 УК Казахстана);

3) незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 3 ст. 287 УК Казахстана);

4) незаконные изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, а равно незаконное изготовление боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 288 УК Казахстана);

5) незаконное изготовление газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия (ч. 4 ст. 288 УК Казахстана).

Квалифицированными видами рассматриваемых составов преступлений, согласно уголовному законодательству Казахстана, являются: данные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или неоднократно, а также совершенные преступной группой.

Предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, добровольно сдавших предметы, указанные в ст. 287, 288, если в их действиях не содержится состава иного преступления. При этом приме-

нительно к ст. 287 УК Казахстана есть специальное указание, что не признается добровольной сдача предметов, указанных в настоящей статье, в случае их изъятия при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

В Уголовном кодексе Беларуси (УК Беларуси) представлено более сложное законодательное решение относительно ответственности за незаконный оборот оружия. Соответствующие нормы располагаются в ст. 295–298 УК Беларуси и относятся к преступлениями против общественной безопасности. В частности, установлена ответственность:

а) за незаконные изготовление, приобретение, передачу во владение, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение огнестрельного оружия (кроме охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), боеприпасов (кроме боеприпасов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию), взрывчатых веществ, взрывных устройств, либо незаконные изготовление, приобретение, передачу во владение, сбыт, перевозку, пересылку или ношение составных частей или компонентов огнестрельного оружия (кроме составных частей и компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), либо незаконные изготовление или сбыт основных частей взрывных устройств (ст. 295 УК Беларуси);

б) незаконные ношение либо перевозку холодного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 296), а также незаконные изготовление либо сбыт холодного оружия (ч. 2 ст. 296);

в) незаконные ношение либо перевозку газового, пневматического или метательного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 297), а также незаконные изготовление либо сбыт газового, пневматического или метательного оружия (ч. 2 ст. 297);

г) незаконные приобретение, передачу во владение, хранение, перевозку, пересылку или ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия или боеприпасов к нему либо незаконные приобретение, передачу во владение, перевозку, пересылку или ношение составных частей или компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 295.1), а также незаконные изготовление либо сбыт охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, его составных частей, компонентов или боеприпасов к нему (ч. 2 ст. 295.1);

д) подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия (ст. 295.2).

Среди квалифицирующих признаков, предусмотренных для преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в белорусском уголовном законодательстве следует отметить совершение преступлений с целью сбыта; повторно; группой лиц; группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; лицом, которому оружие массового поражения или его основные части, огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства выданы для служебного пользования или вверены под охрану; с целью совершения ряда преступлений террористической направленности.

Примеры законодательных решений в сфере противодействия незаконному обороту оружия в странах СНГ можно было бы продолжить. Однако в уголовном законодательстве Армении, Беларуси и Казахстана содержатся наиболее характерные решения в

данной области. Рассмотрение законодательства иных государства СНГ в связи с этим будет нерациональным дублированием схожего нормативного материала.

Анализ представленных уголовно-правовых норм позволил сделать следующие выводы:

1. В уголовном законодательстве стран СНГ сложилась единая позиция, согласно которой преступления в сфере незаконного оборота оружия относятся к преступлениям против общественной безопасности.

2. В целом отмечается три основных подхода к конструированию уголовно-правовых норм в рассматриваемой области:

а) с учетом признаков объективной стороны состава преступления, когда за основу при выделении отдельных составов преступления берется отдельное деяние (деяния) в сфере незаконного оборота оружия (деятельный подход);

б) с учетом признаков предмета преступления, когда за основу при выделении отдельных составов преступлений в сфере незаконного оборота оружия учитываются признаки предмета преступления, то есть вида оружия (предметный подход);

в) на основе сочетания признаков предмета преступления и признаков объективной стороны преступлений в сфере незаконного оборота оружия (смешанный подход).

3. Как правило, ответственность установлена за следующие виды деяний:

а) изготовление, приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия;

б) изготовление, ношение, перевозка, сбыт холодного оружия;

в) незаконное изготовление газового оружия.

4. Среди особенностей уголовной ответственности в сфере незаконного оборота оружия, которые могут быть восприняты в процессе законотворческой деятельности в российских условиях, следует отметить:

а) установление уголовной ответственности за подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия;

б) использование института административной преюдиции для ряда деяний с меньшей степенью общественной опасности. Потенциально такое законодательное решение может позволить дифференцировать различные виды деяний в сфере незаконного оборота оружия по степени их общественной опасности;

в) в законодательстве ряда государств (Беларусь, Казахстан) есть специальное указание на квалифицирующий признак неоднократности совершенного деяния.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в целом в законодательстве большинства стран СНГ преобладает единый подход к описанию преступлений в сфере незаконного оборота оружия, что проявляется в восприятии данных преступлений как преступлений против общественной безопасности; ответственности за относительно небольшое число одних и тех же деяний. Это во многом объясняется общей историко-правовой природой и связанными с этим схожими традициями уголовного законодательства, проистекающими из уголовного законодательства СССР. Среди особенностей законодательства сопредельных стран СНГ, которые могут быть учтены в процессе законотворческой деятельности, следует выделить: установление уголовной ответственности за подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия; использование института административной преюдиции для ряда деяний в сфере незаконного оборота оружия с меньшей степенью общественной опасности.

УДК 343.8(470.51)

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru;
АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИЛЮХИН,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: andrew062@mail.ru

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Для цитирования

Воробьев, С. М. Опыт взаимодействия территориальных органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний с религиозными организациями: на примере Удмуртской Республики / С. М. Воробьев, А. В. Илюхин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 441–445.

Аннотация. В статье проводится анализ нормативно-правового регулирования взаимодействия учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний с религиозными организациями, дается характеристика основных направлений деятельности, целью которой является создание условий для осуществления религиозных обрядов в исправительных учреждениях с учетом положений международных стандартов. Рассматриваются проблемы, связанные с особенностями реализации взаимодействия в рамках деятельности Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике с местными религиозными организациями – Ижевской и Удмуртской епархией Русской православной церкви, а также с региональным Духовным управлением мусульман Удмуртии. В результате проведенного анализа делаются следующие выводы. Удмуртская митрополия Русской православной церкви разделена на три епархии (Глазовская, Ижевская, Сарапульская), и на территории каждой из них имеются исправительные учреждения. Это создавало определенные трудности в работе с окормляющими священнослужителями из разных епархий. Выход был найден посредством создания Объединенной комиссии по тюремному служению Удмуртской митрополии под председательством помощника начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике по организации работы с верующими. В учреждениях, исполняющих уголовные наказания

в виде лишения свободы, на территории Удмуртской Республики отбывают наказания лица, исповедующие как православие, так и ислам. Взаимодействие помощника по организации работы с верующими с представителями муфтията осуществляется по следующей схеме: помощник начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике по организации работы с верующими непосредственно взаимодействует с начальником отдела регионального Духовного управления мусульман Удмуртии по взаимодействию с Управлением Федеральной службы исполнения наказаний, а он, в свою очередь, как закрепленное лицо от регионального Духовного управления мусульман Удмуртии уже осуществляет непосредственный контакт с осужденными, исповедующими ислам. Накопленный опыт взаимодействия помощника начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике по организации работы с верующими с религиозными конфессиями, расположенными на территории республик, вполне может быть использован в других территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний.

Ключевые слова: религиозные конфессии, религиозные организации, уголовно-исполнительная система, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, осужденные, взаимодействие.

Российская Федерация является многонациональной и многоконфессиональной страной. Изначально российская государственность складывалась на основе сосуществования народов, исповедующих разные религиозные конфессии и говорящих на разных языках. В обращениях Президента Российской Федерации неоднократно по этому поводу давались указы проявлять терпимость, толерантность, взаимоуважение. Только на этой основе возможно дальнейшее существование России как единого государства.

Право граждан Российской Федерации на свободу вероисповедания закреплено ст. 28 Конституции Российской Федерации, ст. 3 Федерального закона от 19 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Вышеуказанные правовые нормы распространяют свое действие и на осужденных. В частности, в соответствии со ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) осужденным, отбывающим уголовные наказания в том числе в виде лишения свободы, гарантируется свобода совести и вероисповедания, которое включает в себя: право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, в том числе проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой; право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Обеспечив реализацию осужденными права на свободу совести и вероисповедания – свободу выбирать и иметь свои убеждения, систему ценностей, обучив осужденных навыкам критического мышления, администрация будет способствовать повышению уровня доверия со стороны осужденных к сотрудникам администрации, повышению контроля за оперативной обстановкой в учреждении и качества управления коллективом осужденных, препятствуя слепому следованию осужденных за преступными и деструктивными авторитетами с целью дестабилизации обстановки в учреждении и нарушения режима содержания [1, с. 154]. Обеспечение права осужденного на свободу вероисповедания и отправления религиозных культов – это не только один из элементов личной свободы гражданина, но и насущная потребность любого цивилизованного государства. В связи с этим духовно-нравственное воспитание осужденного

может оказать на него позитивное влияние и тем самым снизить уровень рецидива преступлений [2, с. 71].

В целях удовлетворения духовных потребностей и обеспечения конституционного права на свободу совести и вероисповедания лиц, осужденных к лишению свободы и содержащихся под стражей, между ФСИН России и традиционными религиозными конфессиями заключены соглашения о сотрудничестве: 22 февраля 2011 г., 23 июня 2017 г. – с Русской православной церковью, 12 мая 2010 г. – с Централизованной мусульманской организацией «Совет муфтиев России», 6 июля 2010 г., 20 октября 2017 г. – с Федерацией еврейских общин России, 30 декабря 2010 г. – с Буддийской традиционной Сангхой России.

Часть 4.1 ст. 14 УИК РФ устанавливает, что территориальные органы уголовно-исполнительной системы (УИС) в соответствии с соглашениями, заключенными федеральным органом УИС с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашениями о взаимодействии, вправе по согласованию с федеральным органом УИС заключать соглашения о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями.

С учетом реализации положений ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ Министерством юстиции Российской Федерации 21 марта 2016 г. был издан приказ «Об утверждении Требований к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями». Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 1063 «О внесении изменения в приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 176» нормативно была закреплена должность помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими. Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 21 ноября 2014 г. № 651 указанная должность впервые была введена в штатные расписания территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний. 2 сентября 2016 г. издан приказ Федеральной службы исполнения наказаний № 698 «Об утверждении типовых структур и типовых штатных расписаний территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний», предусматривающий введение в штаты ФСИН России 85 должностей помощников начальников региональных управлений ФСИН России по организации работы с верующими, формируемых из числа практикующих тюремных священнослужителей.

Рассмотрим этот институт более подробно на примере УФСИН России по Удмуртской Республике. Взаимодействие территориального органа ФСИН России с религиозными организациями имеет достаточно накопленный опыт. Еще в январе 1999 г. заключено первое Соглашение о взаимном сотрудничестве между Ижевской и Удмуртской епархиями Русской православной церкви и УИН Минюста России по Удмуртской Республике, в июле 2002 г. – Соглашение с региональным Духовным управлением мусульман Удмуртии (РДУМУ).

31 марта 2014 г. решением епископа Сарапульского и Можгинского Викторина был создан отдел по тюремному служению Сарапульской и Можгинской епархий, а 9 февраля 2015 г. подписано соглашение между УФСИН России по Удмуртской Республике и Удмуртской митрополией Русской православной церкви, в соответствии с которым за каждым исправительным учреждением был закреплен православный священник. Посещающая колонии, священнослужители знакомят осужденных с основами православия, традициями Русской православной церкви и ее обрядами, со смыслом таинств, принимают участие в благотворительной и просветительской деятельности среди осужден-

ных и сотрудников уголовно-исполнительной системы, участвуют в работе попечительских советов. Священнослужители проводят также индивидуальную и коллективную работу с осужденными по пропаганде религиозного учения и духовно-нравственного воспитания, совершают обряды крещения, венчания, покаяния и причастия, участвуют во Всероссийской акции «Неделя молитвы» – международном ежегодном недельном молитвословии о заключенных и сотрудниках УИС.

Помимо этого, учреждениями УФСИН России по Удмуртской Республике в рамках реализации соглашений о сотрудничестве налажено тесное взаимодействие с региональным Духовным управлением мусульман Удмуртской Республики, которое в составе Центрального духовного управления мусульман России было образовано в 1994 г.

Региональным Духовным управлением мусульман Удмуртии еще в 2007 г. было заключено соглашение о взаимодействии с УФСИН России по Удмуртской Республике. В целях обеспечения взаимодействия был назначен на должность начальника отдела по взаимодействию с УФСИН регионального Духовного управления мусульман Удмуртии имам Станислав Клинов.

27 января 2016 г. помощником начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими назначен клирик храма в честь святых Царственных новомучеников Российских г. Ижевска иерей Владимир Хайбуллин. В ведении священника находятся вопросы, касающиеся не только православной религии, но и ислама, а также других конфессий. 9 февраля 2016 г., по благословению Высокопреосвященнейшего Викторина, митрополита Ижевского и Удмуртского, был создан официальный сайт Объединенной комиссии по тюремному служению Удмуртской митрополии в целях освещения ее деятельности. Комиссия координирует деятельность отделов по тюремному служению Ижевской, Сарапульской и Глазовской епархий в отношении распоряжений, поступающих из Синодального отдела по тюремному служению, а также сотрудничества с УФСИН России по Удмуртской Республике по вопросам духовно-нравственного воспитания, которые возникают у сотрудников данного управления, а также осужденных, их родственников и лиц, проходящих курс постпенитенциарной ресоциализации.

Удмуртская митрополия Русской православной церкви разделена на три епархии (Глазовская, Ижевская, Сарапульская), и на территории каждой из них имеются исправительные учреждения. Это создавало определенные трудности в работе с окормляющими священнослужителями из разных епархий. Выход был найден посредством создания Объединенной комиссии по тюремному служению Удмуртской митрополии, председателем которой был назначен помощник начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими Владимир Хайбуллин. Считаем, что подобный опыт может быть использован во всех субъектах Российской Федерации, в которых митрополии Русской православной церкви территориально состоят из нескольких епархий.

В учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, на территории Удмуртской Республики отбывают наказания лица, исповедующие как православие, так и ислам. Взаимодействие помощника начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими Владимира Хайбуллина как православного священника с региональным Духовным управлением мусульман Удмуртии является достаточно продуктивным. На помощь приходят личные качества и национальные корни отца Владимира. В повседневной работе взаимодействие помощника по организации работы с верующими с представителями муфтията осуществляется по следующей схеме: Владимир Хайбуллин как помощник начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими непосредственно взаимодействует с начальником отдела регионального

Духовного управления мусульман Удмуртии имамом Станиславом Клиновым, а он, в свою очередь, как закрепленное лицо от РДУМУ уже осуществляет непосредственный контакт с осужденными, исповедующими ислам. Начальные шаги в рамках этого взаимодействия были достаточно трудными и встречали определенное недоверие со стороны мусульманского сообщества. В этой работе проявились в полной мере личные качества и приемы общения помощника по организации работы с верующими с представителями муфтията. Это участие в республиканских религиозных семинарах, круглые столы с подведением итогов совместной работы, поздравление мусульман с их религиозными праздниками.

В обращении с осужденными, исповедующими ислам, по словам Владимира Хайбуллина, нужно проявлять больше терпения. Некоторые осужденные не понимают, что они несут наказание за свое преступление и, исповедуя религию, должны переносить связанные с этим трудности. Если человек хорошо знает свою религию, он может все обряды и молитвы проводить, не привлекая к себе излишнего внимания и не причиняя дискомфорта другим. Однако спорные вопросы все равно случаются и касаются они в основном совершения молитв и других религиозных обрядов, которые порой противоречат правилам внутреннего распорядка колоний. В вопросах, как поступать сотруднику в тех или иных ситуациях, чтобы не оскорбить чувств верующих и при этом соблюсти требования закона, представители муфтията и территориального УФСИН России стараются придти к единому мнению.

Работа помощника начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими не ограничивается рамками окормления лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Интересным представляется опыт духовно-нравственного просвещения осужденных без изоляции от общества: религия помогает осужденным переосмыслить свою жизнь, расставить для себя приоритеты.

Развитие и формирование нравственных ценностей является сложной задачей, и их становлением необходимо заниматься с самого рождения. Однако часто лишь в условиях изоляции происходит инсайт, рефлексия и самоанализ и, как следствие, переосмысление человеком своей системы ценностей. На этом этапе важна консолидация усилий всех институтов общества, чтобы сформировать стойкие социально желательные, общечеловеческие ценности. Несомненно, у религии имеется огромный потенциал в деле ресоциализации осужденных, через нее происходит переориентация человека на качественно новый уровень бытия. Лишь при взаимодействии священнослужителей с воспитательной, психологической, социальной, медицинской службами УИС возможна успешная ресоциализация осужденных, развитие и формирование у них общечеловеческих нравственных ценностей. В связи с этим считаем, что накопленный опыт взаимодействия помощника начальника УФСИН России по Удмуртской Республике по организации работы с верующими иерея Владимира Хайбуллина с религиозными конфессиями, расположенными на территории республики, вполне может быть использован в других территориальных органах ФСИН России, а также в рамках проведения занятий на высших академических курсах Академии ФСИН России с категорией слушателей «Помощники начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими».

Библиографический список

1. Рудаков А. М. Содержательный аспект реализации свободы совести и свободы вероисповедания: выявленные нарушения в отношении подростков // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 152–156.
2. Юнусов А. А., Абдуразаков А. А. Влияние религиозных организаций на предотвращение рецидива преступлений // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92). С. 70–73.

УДК 342.92

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОНИКАРОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,

оперуполномоченный штурмового отделения
специального назначения (базового), УФСИН России по Рязанской области,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СМОЛЕВ,

начальник кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru;

СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СТРОИЛОВ,

заместитель начальника кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru

**СОДЕРЖАНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

Для цитирования

Содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний / В. А. Поникаров и др. // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 446–454.

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам института доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний. Научно сформулированы многие аспекты совершенствования процесса доказывания. Исследование позволило решить такую научную проблему, как определение конкретных компонентов содержания доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности непосредственно сотрудниками подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний. К компо-

нентам доказывания в рассматриваемой деятельности относятся: собирание доказательств; понятие цели доказывания; задачи доказывания; предмет и пределы доказывания; формы доказывания. Определены конкретные способы собирания доказательств по делам об административных правонарушениях непосредственно в рассматриваемой сфере деятельности: 1) способы собирания доказательств, которые закреплены материальными нормами (досмотр, обыск, проверка документов); 2) способы собирания доказательств, которые закреплены процессуальными нормами (протокол, объяснения физических лиц, заключение эксперта). Содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний имеет свою материальную и процессуальную форму, которая является совокупностью нормативно установленных элементов, образующих процесс установления объективной истины по делам об административных правонарушениях в учреждениях и органах правоохранительной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний.

Ключевые слова: доказательства, правоохранительная деятельность, дела об административных правонарушениях, подразделения специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний, собирание доказательств, предмет и пределы доказывания, формы доказывания.

Введение

В научной литературе по административно-правовой тематике проблемы, связанные с содержанием доказательств, остаются предметом научной дискуссии и до сих пор не нашли своего окончательного разрешения. Быстрота нормативных преобразований в правоохранительной сфере, обусловленная проведением административной реформы, со временем снижает актуальность и потенциальную значимость имеющихся научных результатов [1].

Доказывание играет ключевую роль в производстве по делам об административных правонарушениях, поскольку является средством установления объективной истины по делу. Исследование правового регулирования доказывания в различных процессуальных производствах всегда привлекало внимание ученых. Более того, дела об административных правонарушениях имеют свою специфику и диктуют свои требования к процессу доказывания.

Компоненты содержания доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения (спецназа) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) в научной литературе по административно-правовой тематике фактически не подвергались анализу. До сих пор в арьергарде остаются и вопросы совершенствования собирания доказывания собственно сотрудниками подразделений спецназа. В связи с недостаточной разработанностью теоретических аспектов доказывания применительно к производству по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений спецназа требуется решение ряда вопросов, связанных со спецификой доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции рассматриваемой категории лиц. Вследствие этого в статье впервые исследуются теоретические, практические основы института доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений спецназа.

В статье научно сформулированы многие аспекты совершенствования процесса доказывания сотрудниками подразделений спецназа ФСИН России. Статистические исследования, представленные в статье, являются первыми научными исследованиями в анализируемой области общественных отношений.

Объектом исследования выступают собственно компоненты (элементы) содержания доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности непосредственно сотрудниками подразделений спецназа ФСИН России.

Предметом исследования является совокупность административно-правовых норм, регулирующих процесс доказывания по делам об административных правонарушениях в сфере правоохранительной деятельности сотрудников подразделений спецназа ФСИН России.

Методологическую и теоретическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод. При определении компонентов содержания доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений спецназа ФСИН России применялся дедуктивный метод. Использованы методы индукции, анализа и синтеза, способствовавшие получению большинства сформулированных выводов при разработке понятийного аппарата, связанного с тематикой исследования.

В целях изучения содержания доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности непосредственно сотрудниками подразделений спецназа уголовно-исполнительной системы (УИС) были применены методы сравнительного анализа, организационного моделирования, которые также позволили классифицировать содержание доказательств в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Для рассмотрения перспектив развития доказательств в деятельности оперативных сотрудников указанных подразделений были использованы методы сравнительно-правового и структурно-системного анализа, конкретно-прикладного познания. Перечисленные методы позволили выявить пробелы в законодательстве, регулирующем доказательства по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа.

При анализе эмпирического материала применялись социологические приемы получения информации: анализ документов, опрос, наблюдение, анкетирование и интервьюирование. Указанные методы использовались фактически во всем содержании научной статьи. Они способствовали выявлению отдельных проблем, связанных с практикой реализации доказательств сотрудниками рассматриваемых подразделений УИС.

Обоснованность, репрезентативность и достоверность результатов исследования подтверждается анкетированием около 130 сотрудников подразделений специального назначения Республики Башкортостан, Краснодарского края, Московской, Рязанской областей. Указанные регионы были выбраны исходя из большого количества расположенных в них исправительных учреждений.

Исследование административного законодательства позволяет заявить, что в зависимости от видов доказательств и содержания административно-правовых норм способы собирания доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России могут быть закреплены материальными и процессуальными нормами.

1. Способы собирания доказательств, которые закреплены материальными нормами, сосредоточены в большей степени в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и в КоАП РФ. К ним следует отнести: 1) досмотр и обыск осужденных (п. 6 ст. 14 указанного Закона); 2) фотографирование, звукозапись, видеозапись, дактилоскопирование (п. 7 ст. 14); 3) досмотр транспортных средств, проверку документов (п. 8 ст. 14); 4) проверку документов граждан и иных лиц (п. 6 ст. 14.1 указанного Закона); 5) предметы административного правонарушения, в том числе орудия совершения или предметы административного правонарушения (ст. 26.6 КоАП РФ).

2. Способы собирания доказательств, которые закреплены процессуальными нормами. К ним относятся: 1) протоколы об административных правонарушениях, а также иные протоколы, например, доставления, административного задержания (ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ); 2) объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего и свидетелей (ст. 26.3); 3) проведение экспертизы по делу (ст. 26.4); 4) взятие проб и образцов (ст. 26.5); 5) различного рода документы (ст. 26.7); 6) показания специальных технических средств (ст. 26.8); 7) поручения и запросы по делу об административном правонарушении (ст. 26.8); 8) личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (п. 3 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ).

Итак, доказывание по делам об административных правонарушениях в исследуемой сфере деятельности имеет свою материальную и процессуальную форму, которая является совокупностью нормативно установленных элементов, образующих процесс установления объективной истины по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России.

Сотрудник подразделения спецназа оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Отметим, что никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу.

Таким образом, в целях совершенствования процесса доказывания нами зафиксированы конкретные субъекты доказывания (из числа оперативных подразделений), а также отмечены конкретные способы собирания доказательств по делам об административных правонарушениях непосредственно в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России.

Рассмотрим конкретный понятийный аппарат, а также задачи и цели доказывания. Напомним, что данные компоненты входят в содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России.

Как нам представляется, доказывание по делам об административных правонарушениях есть разновидность правоохранительной деятельности. Доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России преимущественно является внесудебным.

Содержание доказывания, в том числе по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности, трактуется по-разному в научном мире и до настоящего времени остается предметом дискуссий.

На наш взгляд, доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России необходимо рассматривать с позиции:

- прикладных основ практики реализации доказывания сотрудниками подразделений спецназа УИС в исследуемой области общественных отношений;
- особенностей, связанных с привлечением субъектов к административной ответственности по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции оперативного состава подразделений спецназа ФСИН России.

Таким образом, доказывание по административным делам в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России является прикладной основой, с учетом которой субъекта правонарушения привлекают к административной ответственности, отнесенной непосредственно к компетенции должностных лиц оперативного состава подразделений спецназа УИС.

Согласно общепринятому выделению научного, специального познания доказывание по делам об административных правонарушениях является специальным видом познания. В рамках производства по делу об административном правонарушении познающим является лицо, наделенное полномочиями по доказыванию. Им может быть, например, должностное лицо подразделений спецназа, которое обладает полномочиями по возбуждению дела об административном правонарушении. Такая компетенция регламентирована приказом ФСИН России от 19 декабря 2013 г. № 780 «Об утверждении Перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и Перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание» (далее – приказ ФСИН России от 19 декабря 2013 г. № 780).

Так, в данном ведомственном нормативном правовом акте говорится, что сотрудники пенитенциарного спецназа имеют право составлять соответствующие протоколы (возбуждать дела), а значит, и собирать доказательства по соответствующему делу.

Орудием познания является само доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России. Объект познания включает в себя различного рода нарушения в деятельности учреждений и органов УИС, производство по которым отнесено к компетенции рассматриваемых должностных лиц уголовно-исполнительной системы.

В связи с тем что познание направлено на установление истины, целью доказывания по указанным делам в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России является установление истины по делам об административных правонарушениях с помощью сведений об обстоятельствах и о фактах совершенного проступка.

Процесс установления истины по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России включает в себя также обнаружение и собирание, процессуальное оформление и исследование доказательств.

В отличие от предмета доказывания, собственно пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России нормативно не регламентированы, поскольку каждая категория дел об административных правонарушениях имеет свои пределы доказывания, а единые критерии для их обобщения отсутствуют.

Пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в рассматриваемой деятельности спецназа УИС характеризуют степень достаточности собранных доказательств. Если предмет доказывания является системой фактов и обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения административного дела, то пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности подразделений спецназа ФСИН России представляют собой их материально-процессуальное выражение, которое позволяет сделать достоверные выводы о них.

Следует отметить, что доказательства по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России не существуют в чистом виде.

Согласно теории отображения доказательства по делам об административных правонарушениях формируются должностными лицами УИС в результате восприятия следов правонарушения и их закрепления в процессуальных документах. Информация, которая объективно содержится в следах противоправного деяния, становится доказательством лишь в итоге познавательной-удостоверительной деятельности субъектов доказывания (например, должностных лиц подразделений спецназа ФСИН России), в результате которой информация получает статус доказательств в соответствии с определенной процессуальной формой. Следовательно, сведения, полученные в ходе производства по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России, обладающие доказательственным значением, изначально как будто не являются доказательствами, а становятся ими лишь после надлежащего процессуального оформления.

Анализ теоретических и практических аспектов доказывания производства по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС позволяет сделать вывод о его сложной структуре.

Вопрос о структуре доказывания по делам об административных правонарушениях вызывает споры среди ученых. Недостаточно полно исследовано само понятие «доказывание» применительно к производству по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России. В теории доказывания отсутствует единый подход к определению его содержания. Так, в действующем законодательстве об административных правонарушениях до сих пор нет юридического определения данного понятия.

Законодатель ограничился указанием на предмет доказывания, перечислив в ст. 26.1 КоАП РФ обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении. Юридическим доказательством является название самой гл. 26 КоАП РФ, в которую входит указанная статья, – «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств».

Доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников УИС (в том числе и сотрудников подразделений спецназа) возложено на должностных лиц, указанных в п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ.

Кроме того, субъекты доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности учреждений и органов УИС зафиксированы в приказе ФСИН России от 19 декабря 2013 г. № 780.

В соответствии с п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица УИС возбуждают дела об административных правонарушениях.

Перечисленные правовые нормы корреспондируются со ст. 26.1 («Обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении») КоАП РФ.

Доказывание по делам об административных правонарушениях осуществляется в деятельности подразделений спецназа в несколько этапов в соответствии с основными стадиями производства, которые юридически зафиксированы в КоАП РФ.

На этапе возбуждения дела доказывание производится должностными лицами УИС, указанными в п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ.

Таким образом, доказывание по делам об административных правонарушениях осуществляется в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России на стадии возбуждения производства, после чего дело подлежит передаче на рассмотрение в суд.

Исследование сущности доказывания по делам об административных правонарушениях в области правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России требует определения отраслевой принадлежности, связанной с нарушениями порядка управления.

Большое значение для доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС имеют сроки составления протокола и рассмотрения дела. Данные сроки зафиксированы в ст. 28.5 и 29.6 КоАП РФ. Именно в указанные сроки должностным лицам УИС надлежит собрать все доказательства по делу об административном правонарушении.

Следует отметить, что особенностью доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности ФСИН России является разнообразие различных способов обнаружения, собирания и процессуального оформления доказательств.

Фактические данные об обстоятельствах совершения административных правонарушений в сфере деятельности учреждений и органов УИС носят материальный характер. Эти обстоятельства необходимо зафиксировать в протоколе, например, об административном правонарушении. Как только любые фактические данные об обстоятельствах совершения правонарушения будут внесены в протокол, они сразу приобретают процессуальную форму.

Осуществление любого вида деятельности преследует определенные цели и задачи. Доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России является специальным видом познания. Следовательно, целью доказывания по административным делам в сфере учреждений и органов УИС является установление объективной истины.

Кроме того, достижение цели доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России невозможно без выполнения задач производства, закрепленных в ст. 24.1 КоАП РФ, одновременно являющихся задачами доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности указанных подразделений УИС.

Для полноты и объективности информации понятийного аппарата доказывания выделим характерные признаки доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России. Данные признаки определяют сущность доказывания по делам об административных правонарушениях, отнесенным к компетенции учреждений и органов УИС. Такими признаками являются:

- 1) специфика административной деятельности должностных лиц УИС по сбору доказательств;
- 2) специальное административно-правовое законодательство, связанное с собиранием доказательств;

- 3) юридический факт, подтверждающий наличие доказательств;
- 4) элемент реализации доказательств, применяемый должностными лицами УИС;
- 5) процесс, связанный с собиранием, проверкой, оценкой любых фактических данных, осуществляемый субъектами доказывания;
- 6) материальные и процессуальные формы закрепления доказательств.

Интеграция характерных признаков позволяет сформулировать определение доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России, под которым следует понимать процесс, связанный с собиранием, проверкой, оценкой любых фактических данных, осуществляемый сотрудниками подразделений спецназа и направленный на правильное и своевременное установление фактических обстоятельств по делу об административном правонарушении, совершаемом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Результат исследования

При реализации данного научного исследования были получены следующие основные результаты:

- рассмотрена сущность научно-теоретического содержания института доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России;
- исследована практика реализации доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России;
- предложена теоретическая модель совершенствования доказывания по административным делам в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС.

Обсуждение результата исследования

На практике должностным лицам спецназа бывает непонятно, а можно ли им выступать в роли эксперта или специалиста. При опросе около 78 % практических работников заявили, что они должны осуществлять экспертизу по делу, а также выступать в качестве специалиста. Напомним, что обоснованность, репрезентативность и достоверность результатов исследования подтверждается анкетированием около 130 сотрудников подразделений спецназа Республики Башкортостан, Краснодарского края, Московской, Рязанской областей.

Кроме того, результаты опроса показали, что необходим отдельный нормативный акт, устанавливающий перечень косвенных доказательств (например, служебная характеристика, различные справки). Об этом высказались 66 % респондентов. Многие сотрудники (около 90 %) подразделений спецназа ФСИН России заявили, что необходимо законодательно закрепить новый вид доказательств, например, в виде отдельной статьи и назвать ее «Доказательства, полученные с использованием фото- и видеосъемки».

Ответы на вопрос анкеты: «Являются ли поручения и запросы доказательством по делам об административных правонарушениях?» – распределились следующим образом: 70 % сотрудников считают, что являются доказательством, 25 % – не являются. Более того, по мнению 56 % сотрудников, перечисленные доказательства (различные запросы, ответы на них) реальны и их необходимо осуществлять на практике.

Ответы на вопрос анкеты: «Нужно ли закреплять в законодательстве положение о том, что данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности, являются доказательством по делу?» – распределились следующим образом: нет – 80 %; да – около 15 % опрошенных.

Отметим, что представленные статистические исследования являются первыми научными исследованиями в анализируемой области общественных отношений.

Учитывая изложенное, целесообразно сделать следующие выводы:

1) доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России является нормативно урегулированным видом участников производства, наделенных правами по доказыванию с целью установления объективной истины по административным делам, отнесенным к компетенции учреждений и органов УИС;

2) основным и обязательным субъектом доказывания являются должностные лица (сотрудники подразделений спецназа) учреждений и органов УИС;

3) перечень административных правонарушений, по которым подразделения спецназа ведут производство и осуществляют доказывание, закреплен в п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ;

4) при собирании доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности спецназа ФСИН России применяются разнообразные процессуальные средства и способы обнаружения, собирания и процессуального оформления доказательств;

5) собирание доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа ФСИН России рассматривается нами как вид правоохранительной деятельности в учреждениях и органах УИС;

6) единого федерального закона, устанавливающего перечень доказательств, не существует;

7) соответствующие доказательства (материальные, вещи, предметы, орудия) фиксируются не только Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, но и другими нормативными актами;

8) доказывание по делам об административных правонарушениях в деятельности подразделений спецназа ФСИН России преимущественно является внесудебным;

9) необходимо совершенствовать нормативную базу, которая закрепляет доказательства по делу (например, следовало бы в законодательстве закрепить формулировку, что в качестве доказательств допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации).

Библиографический список

1. Поникаров В. А., Павлова Л. В., Сенатова Е. В. Институт доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России : монография. М., 2017. 144 с.

УДК 343.83

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ КОНАРЕВ,

кандидат юридических наук,
начальник организационно-аналитического отделения,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mxkv@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СЛУЖБ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОРУЖИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Для цитирования

Конарев, М. Ю. Особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия с точки зрения международного права / М. Ю. Конарев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 455–459.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты и особенности института гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб с точки зрения международного права при применении ими физической силы, специальных средств и оружия. Анализируется механизм правового регулирования данного института с учетом трех правовых уровней: международного, государственного и ведомственного. Определены связи и взаимозависимости этих уровней, в том числе в аспекте деликтных обязательств. Констатируется межотраслевой характер названного института, в том числе в российском законодательстве. Подчеркивается отсутствие в Гражданском кодексе Российской Федерации специальных норм, регламентирующих отношения, которые могут возникнуть между сотрудниками уголовно-исполнительной системы как специальными субъектами и лицами, содержащимися в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, а равно иными лицами при исполнении сотрудниками уголовно-исполнительной системы должностных обязанностей с учетом специфики функционирования исправительных учреждений.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, международное право, уголовно-исполнительная система, применение физической силы, специальных средств и оружия.

Основные права и свободы человека считаются высшими ценностями в любом современном прогрессивном правовом поле, вне зависимости от ветви права: романо-германской (европейское континентальное право), англосаксонской (общее право), мусульманской или социалистической.

Несмотря на то что осужденные и лица, содержащиеся под стражей, являются специальным субъектом права и ограничены в ряде прав и свобод (право на свободу передвижения, право на труд и пр.), факт их содержания в пенитенциарных учреждениях не отменяет эти права полностью: ограничения обусловлены необходимостью обеспечения режима в учреждениях, а также исправительным характером самого института исполнения наказаний.

За соблюдением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, следят не только национальные правоохранительные и контролирующие органы, общественные организации и правозащитники: создано и успешно функционирует множество наднациональных институтов, включающих в свой состав представителей стран, объединенных принимаемыми ими международными договорами и соглашениями о взаимодействии.

Международные организации, правовые акты которых подписываются представителями их государств-членов и ратифицируются (принимаются) в правовом поле этих государств, под своей эгидой создают контролирующие инстанции, осуществляющие мониторинг хода реализации принимаемых международных правовых актов, а также принимающие и рассматривающие жалобы (иски) граждан этих стран при возможном нарушении их гражданами соответствующих международных норм.

Исходя из содержания принимаемых международных нормативных актов и интересов своих граждан, государства, принявшие соответствующие международные нормативные акты, приводят национальное действующее законодательство в соответствие с принятыми международными положениями. В целях интеграции норм национальных правовых актов в практическую деятельность, например, учреждений и органов пенитенциарных служб, разрабатываются новые (или изменяются либо дорабатываются имеющиеся) ведомственные нормативные документы, регулирующие данное направление деятельности.

Таким образом, права осужденных и лиц, содержащихся под стражей, фактически охраняются тремя рубежами: международным, национальным, ведомственным.

Несмотря на такую многоуровневую правовую защиту, практика показывает, что государственные и ведомственные нормативные документы различных стран разнятся между собой и часто носят коллизионный характер относительно принятых этим государством международных правовых актов. Кроме того, в любой стране при достаточно глубоком рассмотрении можно зафиксировать факты нарушений прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в условиях их нахождения в пенитенциарных учреждениях. Особую опасность в таких случаях представляют нарушения, связанные с применением сотрудниками пенитенциарных служб физической силы, специальных средств и оружия, поскольку данные деяния носят повышенную общественную опасность не только в части деликтных обязательств, но и в части жизни и здоровья граждан.

Спецификой гражданско-правовой защиты осужденными и лицами, содержащимися под стражей, своих прав в случаях неправомерного применения в отношении их сотрудниками пенитенциарных служб физической силы, специальных средств и оружия является специфика содержания в пенитенциарных учреждениях, так как осужденные в силу своего статуса имеют зависимое и в ряде случаев подчиненное положение относительно сотрудников. Вот почему в случаях, когда сотрудники пенитенциарных служб применяют физическую силу, специальные средства или оружие в качестве средств совершения правонарушений, осужденные и лица, содержащиеся под стражей, фактически могут иметь меньше возможностей обратиться в государственные и международные надзирающие органы для защиты своих прав и фиксации причиненного ущерба

гражданско-правового характера. Вместе с тем следует отметить, что обратной стороной такого положения часто является злоупотребление осужденными и лицами, содержащимися под стражей, своими правами на подачу безосновательных и клеветнических жалоб в отношении сотрудников пенитенциарных служб, в том числе в международные судебные органы.

Говоря о защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, нельзя забывать и о правах сотрудников пенитенциарных служб, которые при определенном желании и упорстве осужденных (лиц, содержащихся под стражей) могут быть не только опорочены или оклеветаны жалобой, подкрепленной сфальсифицированными доказательствами, либо иным способом, но и подвергнуты угрозе собственной жизни и здоровью при возникновении конфликтной ситуации, вызванной правонарушением со стороны осужденных (лиц, содержащихся под стражей), повлекшим за собой обязанность сотрудников применить физическую силу, специальные средства или оружие в соответствии с требованиями закона (ст. 86 УИК РФ). В связи с этим необходимо раскрыть правовой смысл основных положений наднационального законодательства в вопросах гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия.

С точки зрения международного права фундамент правомерного применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками пенитенциарных учреждений при исполнении служебных обязанностей составляют:

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (пр. 33, 34, 54);
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (ст. 3);
- Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка;
- Рекомендация R (82) 17 Комитета министров странам-участницам относительно системы заключения и обращения с опасными преступниками;
- Европейские пенитенциарные правила. Рекомендация R (87) 3 Комитета министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил (ст. 39, 40, 63.1, 63.2, 63.3).

Говоря о международном регулировании рассматриваемого аспекта, следует отметить, что к критериям правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками пенитенциарных служб также относится недопустимость совершения действий, квалифицируемых как пытки или жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство обращение или наказание. С юридической точки зрения совершение сотрудниками пенитенциарных служб перечисленных действий в рамках профессиональных обязанностей будет соответствовать положениям ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., а также положениям Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Все перечисленные международные правовые акты имеют прямой или косвенной целью обеспечение соблюдения прав и законных интересов граждан от произвола и нарушения действующего законодательства со стороны сотрудников пенитенциарных служб, обеспечивающих соответствующие функции по поддержанию правопорядка и уполномоченных в определенных (строго регламентированных) случаях на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Отметим, что за широким пластом наднациональных правовых документов, ограждающих права и законные интересы осужденных и лиц, содержащихся под стражей, теряется практическая составляющая, в особенности касающаяся причинения указанным лицам ущерба гражданско-правового характера. Это объясняется тем, что при причинении сотрудниками пенитенциарных служб физической силы, специальных средств и оружия вред гражданско-правового характера представляется менее значимым относительно вреда, который может быть причинен жизни и здоровью.

В данном аспекте основной объект правовой охраны международных организаций (защита жизни и здоровья человека) действительно имеет первоочередное значение. При этом следует отметить, что формулировки международных правовых актов носят широкий характер, позволяющий в ряде случаев расширять объект их защиты до моральных и материальных ценностей. Кроме того, отсутствие или низкий уровень национального законодательства и работающей судебной практики по рассматриваемой проблеме в аспекте гражданских правоотношений усиливает актуальность вопроса защиты осужденными и лицами, содержащимися под стражей, своих гражданских прав в условиях содержания в учреждениях пенитенциарных служб.

Таким образом, в целях обеспечения соблюдения международных нормативных актов порядок наступления гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за вред, причиненный при неправомерном причинении физической силы, специальных средств и оружия, должен быть достаточно подробно раскрыт в национальных правовых актах и ведомственных приказах, инструкциях и пр. Например, Российская Федерация реализует в своих нормативных правовых актах положения отмеченных выше международных документов. Принимаемые в РФ положения в части реализации наднациональных норм не противоречат, прежде всего, статьям Конституции РФ, в соответствии с которыми обеспечивается защита прав человека на территории РФ.

Кроме того, согласно ст. 1, 2 Конституции РФ Российская Федерация – правовое государство, обязанностью которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. В России реализуется принцип верховенства права: действующим в государстве правовым нормам обязаны подчиняться все без исключения государственные органы, общественные объединения, граждане и должностные лица, к числу которых относятся и сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России).

По состоянию на 5 марта 2018 г. к основным федеральным и ведомственным нормативным документам Российской Федерации, регламентирующим основания и порядок применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС) России, относятся:

- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ст. 86);
- Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 28–31.4);
- Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 43–47);
- Федеральный закон «Об оружии» (ст. 1, 2, 4, 6–8, 10, 11, 19, 22, 24, 27);
- нормативно-правовые акты Минюста России и ФСИН России, в том числе для служебного пользования.

Окончательные указания относительно порядка несения службы, в том числе применения физической силы, специальных средств и оружия, даются сотрудникам учреждений ФСИН России на инструктажах перед заступлением на службу, а также во вре-

мя проведения учебных и инструктивных занятий с личным составом подразделения. На таких занятиях лицам рядового и младшего начальствующего состава разъясняются особенности применения действующих нормативных документов в аспекте специфики прохождения службы и оперативной обстановки в учреждении, в частности на подконтрольном им участке. Возможность проведения таких разъяснительных мероприятий, без сомнения, оказывает влияние на повышение уровня правомерности при применении мер безопасности сотрудниками ФСИН России. Для уяснения порядка обеспечения защиты осужденными и лицами, содержащимися под стражей, своих гражданских прав представляется необходимым рассмотреть юридический (гражданско-правовой) аспект данного вопроса в разрезе национального законодательства.

Гражданско-правовая сторона рассматриваемой проблемы квалифицируется как специальный деликт, при этом не имеет непосредственного отражения в Гражданском кодексе Российской Федерации, то есть сотрудники ФСИН России не выделены в качестве специального субъекта деяния. Вопрос о необходимости такой конкретизации сотрудников отдельной специфической службы на уровне федерального гражданского законодательства остается открытым, тем не менее имеется достаточно большое количество предпосылок для конкретизации составов правонарушений и ответственности за их совершение сотрудниками УИС в связи со спецификой их деятельности.

Определение размера ущерба при причинении вреда сотрудниками УИС России при применении мер безопасности будет осуществляться в общем порядке (ст. 1099–1101 ГК РФ), а проблема утери осужденными (лицами, содержащимися под стражей) трудоспособности при повреждении здоровья в результате неправомерного применения сотрудником ФСИН России физической силы, специальных средств и оружия (либо иных подручных средств) охватывается ст. 1085–1087 ГК РФ.

Следует также отметить, что при применении физической силы, специальных средств или оружия сотрудники ФСИН России причиняют пострадавшим лицам не только физический, но и моральный вред, ответственность за причинение которого определяется § 4 гл. 59 ГК РФ (компенсация морального вреда).

Изложенное обуславливает необходимость изучить данный вопрос и каждый из его аспектов более глубоко, соотнести формулировки правовой регламентации международных, государственных и ведомственных правовых актов в рассматриваемом аспекте, а также изучить опыт зарубежных стран с точки зрения гражданско-правовой ответственности сотрудников пенитенциарных служб за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия. Такая работа будет способствовать созданию теоретической основы для дальнейшей работы по совершенствованию действующего российского федерального (гражданского и уголовного) и ведомственного законодательства, а также международных правовых актов и в целом создаст дополнительные предпосылки к гуманизации процесса исполнения уголовного наказания.

УДК 343.985.7:343.81

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ,
доктор юридических наук,
заместитель начальника института, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: rummyantsevn.v@yandex.ru;
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КОЛОТУШКИН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ НА БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТАХ, СБИТЫХ НАД ТЕРРИТОРИЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Румянцев, Н. В. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев, С. М. Колотушкин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 460–464.

Аннотация. В статье даются рекомендации по технико-криминалистическому обеспечению осмотров сбитых беспилотных летательных аппаратов над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы. Использование беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территории учреждений уголовно-исполнительной системы заставило принимать меры по их обнаружению и радиоподавлению. После падения или аварийной посадки беспилотные летательные аппараты становятся объектами криминалистического исследования. Специфика данных объектов заставляет искать новые методы и средства фиксации и изъятия следов, которые могут рассматриваться как доказательства противоправных действий.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, учреждения уголовно-исполнительной системы, запрещенные предметы, технико-криминалистическое обеспечение, следы, обнаружение, фиксация, изъятие.

Последние два года в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) России стали применяться комплексы обнаружения и радиоподавления беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), которые противоправно используются для доставки осужденным запрещенных предметов – средств мобильной связи и наркотических веществ (рис. 1). В результате воздействия указанных комплексов путем постановки направленной (при-

цельной) радиопомехи происходит падение БПЛА или совершение аварийной посадки. Проведенные теоретические и экспериментальные исследования показали недостаточный уровень технико-криминалистической подготовки сотрудников территориальных учреждений УИС России по обнаружению, фиксации и изъятию следов для получения доказательственной информации противоправных действий, связанных с поступлением на территорию учреждений УИС России запрещенных предметов. Прежде всего, это касается низкой эффективности осмотров упавших БПЛА и доставляемых ими грузов.

Рис. 1. Сбитые БПЛА при попытке доставки запрещенных предметов на территорию учреждения УИС России: а – сотовые телефоны; б – наркотические средства

Проведенные исследования позволили выделить две типовые ситуации:

- 1) обнаружение БПЛА с прикрепленным к нему грузом;
- 2) обнаружение предметов, сброшенных с БПЛА.

Рассмотрим указанные ситуации с позиций комплексного технико-криминалистического обеспечения при обнаружении, фиксации и изъятии следов с целью их процессуального закрепления в качестве доказательств при расследовании указанных противоправных действий.

Относительно первой ситуации проведенные исследования показали, что в настоящее время 12 % таких случаев связаны с ошибкой оператора – БПЛА терпит крушение при соударении с малозаметными препятствиями, такими как антенны, проволочные растяжки мачт и громоотводы. В остальных случаях БПЛА терпит крушение в результате подавления радиолинии управления оператор – БПЛА и спутниковой навигации (GPS, ГЛОНАСС, Бэйдоу).

Вторая ситуация типична в тех случаях, когда сброшенный груз в силу разных причин не попадает в руки осужденных. Во-первых, это может быть падение груза на участки территории учреждения, куда доступ осужденных исключен, например, в зоны ограждений и периметров охраны. Во-вторых, ситуация обусловлена активными действиями сил караула, суточного наряда или оперативных групп по своевременной локализации участка, где сброшен груз с БПЛА.

Проведенные исследования позволили обосновать следующий алгоритм действий:

1. Безотлагательно изолировать участок территории или объекта (например, крыша здания), где обнаружен сброшенный БПЛА или груз. Для этого следует использовать

ленту так называемой полицейской границы красно-белого цвета, которая крепится к окружающим предметам или укладывается на поверхность грунта на удалении 10–15 м от обнаруженного объекта. В том случае, если БПЛА или груз повис на проводах, ограждении, столбах или иных объектах, зону оцепления следует увеличить до 25 м.

2. Без перемещения БПЛА, груза и их фрагментов производится фотосъемка (видео-запись). Делается три вида фотосъемки:

2.1. Ориентирующая фотосъемка – объект фотографируется с расстояния 3–5 м на фоне крупных стационарных объектов (зданий, элементов ограждения и т. п.). Фотоснимок делается с учетом расположения источников света и падающих теней. В темное время суток следует использовать фотовспышку или искусственное освещение (прожектор, фонарь, фары автомобиля). Ориентирующие фотографии необходимы для объективного описания места обнаружения объекта.

2.2. Узловой фотоснимок упавшего груза или БПЛА производится с расстояния 0,5–2 м. При этом объект должен полностью находиться в кадре фотоснимка и занимать не менее 75 % его площади. Узловая фотосъемка может производиться с разных сторон БПЛА, груза и их фрагментов (2–4 фотографии).

2.3. Детальная (масштабная) фотосъемка БПЛА или груза производится с расстояния 0,1–0,3 м с использованием масштабной линейки. Без перемещения и прикасания к объектам фотографируются отдельные их элементы: номера и маркировки БПЛА, состояние корпуса, пропеллеров, индикация (штатная бортовая индикация может быть заклеена, например, малярным скотчем); упаковка груза; провода, веревки и их узлы; деформация корпуса упаковки; высыпавшийся порошок или иное вещество.

3. Упаковка объекта. В качестве упаковки груза может использоваться прочная картонная коробка либо емкость 5–10-литровой пластиковой бутылки с отрезанной верхней ее частью. Дно пластиковой емкости или картонной коробки застилается бумагой. Листы чистой белой бумаги берутся из середины стандартной пачки в 200 или 500 листов размером А4. Сотрудник, который готовит упаковку и укладывает в нее объект, работает в медицинских стерильных перчатках. БПЛА, имеющий большие размеры, упаковывать следует в одноразовую стерильную операционную простынь. В настоящее время стоимость такой простыни составляет от 90 до 200 рублей (рис. 2).

Рис. 2. Одноразовая стерильная операционная простынь, применяемая для упаковки БПЛА крупного размера

Перемещение груза в подготовленную упаковку производится таким образом, чтобы уменьшить риск повреждения или уничтожения дактилоскопических и биологических следов. БПЛА или груз необходимо поднимать за элементы его крепления – провода, веревки, ленты и жгуты. Если такие элементы отсутствуют, то прикасаться к объекту следует только в тех местах, где имеются следы удара о грунт или об иной объект. Это могут быть места деформаций с налипшей травой, грунтом и т. п. В таких местах дактилоскопические следы, как правило, не сохраняются.

После расположения груза в упаковке необходимо его сфотографировать. Упаковка закрывается сверху так, чтобы исключить попадание внутрь посторонних предметов. Картонная коробка заклеивается бумагой либо скотчем, пластиковая емкость сверху накрывается полиэтиленом и фиксируется по боковой поверхности скотчем. Операционная простынь связывается за четыре угла сверху объекта.

Упаковка с объектом осторожно, так чтобы БПЛА и груз не перемещались, переносится в отдельное служебное помещение.

Для работы с БПЛА и грузом по выявлению дактилоскопических и биологических следов необходимо привлечение специалиста-криминалиста с соответствующим оборудованием и технико-криминалистическими средствами. В арсенале этих средств имеется жидкость для нейтрализации клейких свойств липкой стороны скотча для выявления на ней потожировых следов рук. Переносная цианакрилатная камера позволяет выявлять и фиксировать следы пальцев и ладоней в труднодоступных местах, например, в блоке источника тока, под крышками сотовых телефонов, на сим-картах, капсулах с наркотическими средствами. Специалист-криминалист выявляет на этих объектах следы для проведения судебно-биологической экспертизы ДНК человека.

В ходе работы специалиста-криминалиста по выявлению и фиксации следов производится фотографирование и видеозапись исследуемых объектов – деталей и фрагментов БПЛА, упаковок наркотических средств, телефонов, сим-карт, зарядных устройств и т. п.

Отдельным и важнейшим объектом криминалистического исследования выступает флэш-карта БПЛА и карта памяти видеокамеры. На этих объектах, как правило, отображаются архивная информация о треках (траекториях) полета БПЛА, время и продолжительность полета, координаты спутниковой навигации взлетов и посадок БПЛА, точек зависания. На картах памяти видеокамеры может сохраниться библиотека фотографий и видеозаписей, произведенных в прошлом в промежутках времени от нескольких часов до нескольких месяцев. Подобная информация может указывать на места частых тренировочных полетов БПЛА, фотографии и видеозаписи могут отображать жилой или гаражный сектор, транспортные средств, лица людей. Вся эта информация представляет оперативный интерес для решения задачи установления владельца БПЛА.

В ходе проведенных исследований были подготовлены рекомендации о действиях сил суточных нарядов и караулов при падении БПЛА и переносимых ими грузов на территории учреждений УИС России. Результаты не заставили себя долго ждать. В мае 2017 г. в темное время суток на территории исправительной колонии № 9 УФСИН России по Курской области потерпел крушение БПЛА марки «Фантом-2» с прикрепленным к системе сброса грузом – расфасованными наркотическими средствами общей массой 42 г. В результате правильной организации осмотра места происшествия удалось не только сохранить важную следовую информацию, но и изъять дактилоскопические и биологические следы. Кроме того, на изъятой флэш-карте видеокамеры БПЛА были зафиксированы, а в дальнейшем и исследованы материалы видеозаписи, произведенные в течение последних трех недель, в частности видеоматериалы тренировочных по-

летов БПЛА как непосредственно над территорией указанной исправительной колонии, так и над участком одного из дачных кооперативов в пригороде Курска. В результате оперативно-розыскных мероприятий, а также проверок по базам дактилоскопических учетов был установлен и задержан подозреваемый, который управлял БПЛА с целью доставки наркотических средств на территорию исправительной колонии. Им оказался ранее судимый гражданин Л., который отбывал наказание в данном учреждении и хорошо знал расположение объектов на ее территории. Место и время сброса груза с наркотическими средствами гражданин Л. согласовывал с заказчиками (осужденными) по средствам сотовой связи.

Таким образом, правильная фиксация и изъятие БПЛА и сбрасываемых грузов позволяет сохранять, фиксировать и изымать следы неправомερных действий по применению БПЛА для доставки запрещенных предметов на территории учреждений УИС России.

УДК 343.13

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: gda187@rambler.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Для цитирования

Гришин, Д. А. Информационные основы доказывания по уголовному делу / Д. А. Гришин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 465–469.

Аннотация. В статье рассматриваются понятие процесса доказывания при производстве по уголовному делу, требования к нему, роль различных участников уголовного судопроизводства в данной деятельности. Исследование указанной проблематики осуществляется с учетом особенностей уголовного судопроизводства в условиях исправительного учреждения. В частности, проанализирован порядок использования результатов режимных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях в процессе доказывания. Высказано предположение об исключении необходимости бумажного протоколирования следственных действий, обоснована потребность в изменении действующего процессуального порядка. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства возможно за счет более интенсивного использования информационных технологий в процессе доказывания.

Обращается внимание на то обстоятельство, что возможности участников уголовного судопроизводства в рамках процесса доказывания будут иметь неодинаковый характер, в зависимости от чего они принимают непосредственное, полное участие в процессе доказывания (активная процессуальная позиция) либо их активность в рассматриваемой деятельности ограничена. Однако ведущая роль в процессе доказывания с активной процессуальной позицией и возможностью использования всех средств доказывания принадлежит властным субъектам уголовно-процессуальной деятельности – дознавателю, органу дознания, следователю, суду. Ввиду этого предлагается внесение изменений в часть 1 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и исключение из субъектов процесса доказывания защитника. Исследованию подвергается возможность использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности, режимных мероприятий и функционирования системы видеоконтроля исправительных учреждений в доказывании по уголовным делам о преступлениях, совершенных на их территории. Делается вывод о том, что непосредственное оперирование такой информацией в рамках уголовного дела невозможно и для правомерного ее использования необходимы определенные процессуальные действия. Предлагается предусмотреть в законодательстве альтернативный про-

токолированию способ процессуального закрепления результатов следственных действий путем применения средств видеотекстовой фиксации.

Ключевые слова: процесс доказывания, информация, процессуальная информация, результаты режимных мероприятий, результаты оперативно-розыскной деятельности, видеотекстовая фиксация хода следственных действий.

Процесс доказывания является важнейшей деятельностью, которая пронизывает все стадии уголовного судопроизводства. Особенно актуальной она становится в рамках возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства. Действительно, именно на данных стадиях осуществляется накопление информации [1, с. 51] с последующей ее процессуальной фиксацией, исследованием и соответствующей оценкой.

Процесс доказывания представляется возможным в общем определить как деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора, суда, подозреваемого обвиняемого, подсудимого, защитника по подтверждению либо опровержению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В данном случае перечень участников процесса доказывания обозначен исключительно с точки зрения процессуального статуса соответствующих лиц. Следует учитывать, что возможности указанных участников уголовного судопроизводства будут различны, а также иметь неодинаковый характер: непосредственное, полное участие в процессе доказывания (активная процессуальная позиция) либо ограниченное участие в рассматриваемой деятельности.

Ведущая роль в процессе доказывания с активной процессуальной позицией и возможностью использования всех средств доказывания принадлежит властным субъектам уголовно-процессуальной деятельности – дознавателю, органу дознания, следователю, суду. Сторона защиты хотя и может занимать активную позицию в процессе доказывания, ее правомочия в указанной сфере явно усечены. В данном случае мы исходим из того, что процесс доказывания представляет собой единство этапов собирания, проверки, исследования и оценки доказательств. Защитник же имеет право непосредственного (однако сильно ограниченного) участия лишь в процессе собирания доказательственной информации. В частности, он согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Однако собранные указанным образом определенные сведения не являются доказательствами [2, с. 107] с учетом других положений УПК РФ.

Остальные лица имеют право принять участие в процессе доказывания, но оно будет иметь опосредованный характер. Так, согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Законодатель явно дает понять, что указанные участники не могут получить доказательства, а лишь уполномочены представить определенные предметы и документы следователю, дознавателю, которые, в свою очередь, при наличии правовых оснований принимают решение о приобщении их к уголовному делу, придавая им, таким образом, соответствующий статус доказательств. Тем самым отмечается противоречие правового регулирования процесса доказывания.

С учетом положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ следует изложить ч. 1 ст. 86 УПК РФ следующим образом:

«Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором, защитником и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Представление защитнику права полноценного сбора доказательств считаем правильным и даже целесообразным для осуществления качественной защиты.

Сущность процесса доказывания состоит в том, чтобы на основании сбора, исследования, проверки и оценки сведений относительно преступного деяния получить информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. По сути, вся активность следователя, дознавателя, суда, прокурора в рамках процесса доказывания консолидируется на работе с информацией.

Уполномоченным лицам нужно не только обнаружить, получить определенные сведения, но и придать им процессуальный статус, без которого использование информации в процессе доказывания невозможно.

Анализ УПК РФ и правоприменительной практики позволяет утверждать о потенциальной возможности использования любой информации. Необходимо обеспечить соответствие полученных на основе такой информации доказательств некоторым критериям. Они сформулированы в ст. 88 УПК РФ и применяются при оценке доказательств. Речь идет об относимости, о допустимости и достоверности отдельно взятого доказательства и достаточности их совокупности.

В качестве примера рассмотрим возможность использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), режимных мероприятий и функционирования системы видеоконтроля исправительных учреждений (ИУ) в доказывании по уголовным делам о преступлениях, совершенных на их территории.

Во-первых, совершенно недопустимо игнорировать информацию, сконцентрированную в результате функционирования ИУ, независимо от источника ее накопления. Указанные сведения могут представлять большую ценность для расследования и позволяют изобличить виновных лиц, обогатить доказательственную базу по уголовному делу.

Во-вторых, для правомерного использования такой информации необходимы определенные процессуальные действия. Непосредственное оперирование сведениями, добытыми в результате ОРД, проведения режимных мероприятий, а также работы системы видеоконтроля, невозможно и приведет к признанию полученных доказательств недопустимыми. Собственно говоря, такие сведения и не будут доказательствами (например, акт проведения режимного обыска).

В частности, при обнаружении и изъятии в ходе проведения режимных мероприятий [3, с. 89] предметов, хранение которых влечет за собой уголовную ответственность, либо предметов, которые сохранили на себе следы преступления или являлись орудиями преступления, необходим следующий порядок действий для использования указанных объектов в процессе доказывания по уголовному делу: проведение следователем (дознавателем) допроса сотрудников ИУ, производивших режимные мероприятия, выемка обнаруженных в ходе их предметов с обязательным оформлением соответствующего протокола с приобщением к нему вещественных доказательств. Тем самым в уголовном деле появляются новые доказательства – протокол допроса с указанием обстоятельств изъятия в ходе режимных мероприятий тех или иных предметов, протокол выемки, вещественное доказательство.

Что касается использования результатов ОРД, осуществляемой сотрудниками оперативных аппаратов ИУ, то необходимо прежде всего руководствоваться Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, которая устанавливает порядок передачи указанных сведений, позволяющий придать процессуальный статус собранной информации.

Считаем, что по уголовному делу в процессе доказывания могут использоваться абсолютно любые сведения при условии, что им придана соответствующая процессуальная форма. Тем самым законодатель фактически отдает приоритет процедуре оформления доказательственной информации, без соблюдения которой невозможно использование полученных сведений в обосновании итоговых решений по уголовному делу. В частности, ч. 2 ст. 74 УПК РФ закрепляет, что может быть использовано в качестве доказательств:

- показания подозреваемого, обвиняемого;
- показания потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания эксперта;
- заключение и показания специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- иные документы.

Со своей стороны отмечаем противоречивость данного перечня. Так, п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ закрепляет возможность использования протоколов следственных и судебных действий в качестве доказательств. С учетом этого представляется странным наличие в перечне доказательств наряду с показаниями, вещественными доказательствами протоколов следственных действий. Получается, что следственные действия являются неравнозначными. Действительно, самое эффективное следственное действие – допрос, позволяющий получить сразу два доказательства. В результате осмотра, обыска, выемки следователь, дознаватель генерируют лишь одно доказательство – соответствующий протокол. Однако доказывание – это процесс получения информации, имеющей отношение к делу. С учетом положений ст. 74 УПК РФ происходит дублирование одних и тех же сведений.

В результате можно сделать вывод о том, что бумажное протоколирование следственных действий явно не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Так как протоколирование выступает как одно из средств обеспечения законности уголовного судопроизводства, предлагаем предусмотреть в законодательстве альтернативный способ процессуального закрепления результатов следственных действий. В частности, считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ п. 6.1 следующего содержания: «видеозаписи хода следственных и процессуальных действий».

Кроме того, предлагаем исключить пп. 1–3, 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а п. 8 ст. 164 УПК РФ изложить следующим образом: «Ход и результаты производства следственного действия фиксируются посредством осуществления видеозаписи в соответствии со статьей 166.1 настоящего Кодекса, а если это не представляется возможным ввиду особенностей производимого следственного действия либо отсутствия соответствующих технических средств, ведется протокол в соответствии со статьей 166 настоящего Кодекса».

Для обеспечения законности деятельности соответствующих должностных лиц в данном случае необходимо дополнить УПК РФ ст. 166.1 «Осуществление видеозаписи хода и результатов следственных действий», где предусмотреть порядок соответствующего оформления, способы защиты информации и подтверждения ее досто-

верности. Подобный порядок оформления следственных действий позволит достичь следующих результатов:

- 1) сокращение временных затрат на производство и оформление следственных действий;
- 2) повышение ответственности следователя и дознавателя за производство следственных действий;
- 3) повышение детализации полученных сведений, хода и результатов следственных действий;
- 4) возможность объективного выявления допущенных нарушений.

Библиографический список

1. Гришин Д. А. Информационное пространство уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 51–53.
2. Федотов И. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 3. С. 107–114.
3. Нуждин А. А. Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 1. С. 87–91.

УДК 343.8:343.91

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ГРИШКО,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: 9105001000@mail.ru;
ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА ПРЫСЬ,
кандидат юридических наук,
доцент института по кафедре гражданского права и процесса,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: 89263922888@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для цитирования

Гришко, Л. Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления / Л. Е. Гришко, И. Е. Прысь // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 470–475.

Аннотация. В статье представлена криминологическая характеристика личности осужденных за преступления в сфере экономической деятельности на примере личности осужденных за налоговые преступления, входящие по законодательству Российской Федерации в состав преступлений в сфере экономической деятельности и составляющие значительную долю среди них. В целом характеристики личности осужденных за преступления этих категорий совпадают. Ведущие криминологи в уголовно-исполнительной отрасли выступают с предложением дифференцировать такую категорию осужденных и содержать отдельно от других осужденных в силу их криминологических и социально-демографических характеристик. Такое содержание может положительно отразиться на общем состоянии законности в исправительных учреждениях. Осужденным за экономические преступления присущи более развитые интеллектуальные способности, они отличаются креативным мышлением, более организованы, часто имеют высокий социальный статус. В ходе проведенного исследования выявлены их следующие особенности: 1) социально-демографические признаки – мужской пол, средний возраст около 40 лет, высокий уровень образования, как правило, среднее профессиональное и высшее образование; работают в государственных и муниципальных образованиях, коммерческих организациях либо заняты частной предпринимательской деятельностью; с крепкими семейными отношениями; 2) уголовно-правовые данные – совершение преступления, предусмотренного статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», в большинстве случаев в особо крупном размере,

в качестве исполнителя, без соучастия; из числа других преступлений, совершаемых одновременно с налоговым преступлением, наиболее часто встречается мошенничество; наибольшая доля лиц осуждается к штрафу; из числа иных мер уголовно-правового характера применяется условное осуждение к лишению свободы; срок лишения свободы – до трех лет; осуждены впервые; 3) уголовно-исполнительные и психологические показатели – положительное поведение и соблюдение порядка и условий отбывания наказания, отсутствие дисциплинарных взысканий; превалирование глубоких общественно-политических и научных убеждений, преобладание профессиональных, художественно-практических умений и интеллектуальных навыков; альтернативный стереотип поведения, преимущественно холерический и сангвинический тип темперамента. Показатели, характеризующие личность осужденного за налоговые преступления, свидетельствуют о том, что он отличается от других осужденных и представляет собой достаточно парадоксальную, с точки зрения криминологии, фигуру, когда образованные и занимающиеся общественно полезным трудом, в семейном плане благополучные лица попадают в категории асоциальных типов. Объединяющим признаком личности налогового преступника является предпринимательская деятельность, которую они осуществляют или в которую оказываются вовлеченными в той или иной степени.

Ключевые слова: экономические преступления, личность осужденного, криминологическая характеристика, социально-демографическая характеристика.

По своему удельному весу преступления экономической направленности в структуре преступности занимают второе место. Доля лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности, в 2016 г. составила 3,3 % (11 360) [1, с. 541]. Количественные показатели данного вида преступной деятельности дополняются личностными особенностями лиц, их совершающих. Это не может не привлечь внимания криминологов, специалистов в области уголовно-исполнительного права. Появились предложения о раздельном от других осужденных отбывании наказания лиц, совершивших преступления экономической направленности [2]. В связи с этим повышенный интерес вызывает установление личностных особенностей данной категории осужденных. Доля таких лиц среди всех осужденных за преступления экономической направленности составляет 10,1 % [3, с. 177], что представляется достаточно репрезентативным для выявления характерологических особенностей лиц, осужденных за преступления экономической направленности.

Социально-демографические данные

Пол. Как показало исследование, среди лиц, совершивших налоговые преступления, преобладают мужчины – 82,8 %. Сопоставление данной характеристики с соответствующим показателем у других осужденных свидетельствует о том, что у налоговых осужденных он несколько меньше.

Среди лиц, совершивших налоговые преступления, большая доля женщин, занимающих соответствующее должностное положение, характеризующее субъект данного преступления. Исследование подтверждает данное заключение: наибольший удельный вес в таких преступлениях составляют преступления, обусловленные особенностями субъекта преступления – занятие им определенного должностного положения.

Возраст. Лица, совершившие налоговые преступления, в отличие от других преступников, имеют более старший возраст. Если средний возраст лиц, впервые совершивших иное преступление и отбывающих наказания в исправительных колониях общего ре-

жима, составляет 27,4 года, то данный показатель у лиц, совершивших налоговые преступления, равен 41,4 года. Удельный вес лиц в возрасте 30 лет и более у исследуемой нами категории преступников составляет 86,5 %, в контрольной группе он равен 27,8 %.

Образовательный уровень. Лица, совершившие налоговые преступления, отличаются высоким образовательным уровнем. Доля осужденных, имеющих среднее и высшее профессиональное образование, составляет 83,4 %, средний балл равен 12,3. Данные показатели в контрольной группе осужденных составили соответственно: 36,0 %, 9,6 балла.

Значительная разница в уровне образования объясняется, главным образом, тем, что лица, совершающие налоговые преступления, в силу требований, предъявляемых к ним, как к специальному субъекту преступления – занятие определенного должностного положения – обуславливает наличие определенного образования.

Род занятий до осуждения. Среди осужденных за налоговые преступления наибольший удельный вес занимают государственные и муниципальные служащие коммерческих или иных организаций и частные предприниматели (74,3 %). Среди всех других категорий осужденных доля таких лиц равна 7,6 %, то есть почти в 10 раз меньше.

Доля рабочих и работников сельского хозяйства в предлагаемой группе лиц по сравнению с контрольной группой в 10,6 % меньше. В то же время среди первых удельный вес служащих различных категорий (государственных, муниципальных, служащих коммерческих организаций, частных предпринимателей) в 10,5 раза больше удельного веса аналогичной категории среди всех преступников, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима. Это вполне объяснимо, если посмотреть на их социальный статус до момента осуждения.

Особенности данной характеристики налоговых преступников обуславливаются, главным образом, объективными обстоятельствами, наличием в большинстве случаев специального субъекта в таких преступлениях. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, могут быть: руководитель организации налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представленной в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и специально уполномоченные органом управления организации на совершение таких действий.

Субъектом налогового преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199 УК РФ, могут быть только: собственник или руководитель организации; иное лицо, выполняющее управленческие функции в этой организации; индивидуальный предприниматель.

Семейное положение. В отличие от осужденных, совершивших другие преступления, среди осужденных за налоговые преступления доля лиц, состоявших в браке на момент совершения преступления, составляет большой удельный вес. Соответственно и удельный вес осужденных изучаемой группы, не состоявших в браке на момент осуждения, меньше аналогичного показателя контрольной группы в 1,6 раза.

Семейные узы налоговых преступников отличаются крепостью. Если при отбывании наказания у 46,8 % семья сохранилась, то в контрольной группе аналогичный показатель составляет 22,0 %. Соответственно у первых семьи реже распадаются, их доля у первых равна 16,4 %, у вторых – 19,0 %.

Обращает на себя внимание и такой показатель, как заключение брака во время отбывания наказания. Доля таких осужденных, отбывающих наказание за налоговые преступления, составляет 27,6 % (в контрольной группе – 1,0 %).

По нашему мнению, это можно объяснить социально-психологическими особенностями личности экономического преступника: ненасильственный характер преступления;

отсутствие лиц, больных алкоголизмом, наркоманией, другими социально опасными заболеваниями; наличие общественно-политических и моральных убеждений, активных интересов, социальных установок, сильных и высших мотивов.

Уголовно-правовые признаки

Характер совершенного преступления. Из числа осужденных за налоговые преступления 12,5 % составляют лица, совершившие деяния, предусмотренные ст. 198 УК РФ, и 87,5 % – лица, совершившие деяния, предусмотренные ст. 199 УК РФ. 33,3 % – осужденные, совершившие преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным либо путем включения в налоговую декларацию или документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере»; 66,7 % – лица, совершившие то же деяние в особо крупном размере (ч. 2 ст. 198 УК РФ).

Среди лиц, осужденных по ст. 199 УК РФ, 12,5 % – осуждены по ч. 1 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере»; 87,5 % – за то же деяние, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору (25,0 %); б) в особо крупном размере (75,0 %).

Следует отметить, что 46,7 % лиц, осужденных за налоговые преступления, осуждены по совокупности и за другие деяния: мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 35,7 %; убийство (ст. 105 УК РФ), незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) – по 14,3 % каждое, насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – 7,1 %.

Абсолютное большинство налоговых преступлений совершается не в соучастии – 82,8 %.

Только к 10,0 % налоговых преступников применены иные меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества.

Назначаемые наказания. Основная доля лиц за совершение налоговых преступлений осуждается условно – 50,2 %, к 44,5 % – применяется штраф. Удельный вес наказания в виде лишения свободы составляет 3,5 %.

Средний срок лишения свободы – 2,9 года.

При сопоставлении показателей судимости можно заключить, что: 1) основная доля осужденных за налоговые преступления имеет одну судимость (81,5 %); 2) незначительная их часть имеет две судимости (11,1 %); 3) изучаемая категория осужденных отличается меньшей рецидивной опасностью. Среди осужденных за иные преступления удельный вес лиц, имеющих две, три и более судимости, выше соответственно в 3 и 1,9 раза. Такая значительная разница объясняется, на наш взгляд, наличием определенных требований, предъявляемых к лицам, являющимся кандидатами на занятие определенных должностей в тех или иных органах (организациях). Безусловно, наличие или отсутствие у такого кандидата судимости является определяющим.

По своему характеру рецидив изучаемой категории преступников является общим.

Распределение осужденных изучаемой категории по условиям отбывания наказания в ранжированном ряду выглядит следующим образом: в обычных условиях – 76,9 %, в облегченных условиях – 15,4, в строгих условиях – 7,7 %. Таким образом, основная часть этих осужденных с точки зрения режима отбывания наказания характеризуется положительно: 92,3 % – отбывают наказание в обычных и льготных условиях. Только 7,7 % – являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания (ч. 3, 4 ст. 120 УИК РФ). Данный вывод подтверждается и другими смежными показателями: характером поведения осужденного, наличием дисциплинарных взысканий.

По поведению осужденные, отбывающие наказание за налоговые преступления, характеризуются положительно на 6,6 % больше по сравнению с осужденными за другие преступления. Небольшая разница в удельном весе лиц, характеризующихся отрицательно или нейтрально (соответственно 1,7 и 2,5 %). Абсолютное большинство осужденных не имеют взысканий – 73,3 %.

Отношение осужденного к общественно полезному труду. Удельный вес осужденных за налоговые преступления, относящихся к труду добросовестно, в 1,8 раза меньше удельного веса контрольной группы осужденных. Это можно объяснить тем, что доля этих лиц, которые не работают по не зависящим от осужденного причинам, в 4,4 раза больше доли таких осужденных контрольной группы. Среди указанных причин: 35,7 % – отсутствует фронт работ; 7,1 % – являются инвалидами или престарелыми; 7,1 % – обучаются в профессиональном училище. Другим обстоятельством, объясняющим данный факт, является разница между характером труда до осуждения и предлагаемой работой в исправительном учреждении.

Получение общего образования и профессиональная подготовка. Отношение осужденных за налоговые преступления к таким основным средствам исправления осужденных, как получение общего образования и профессиональной подготовки, характеризуется тем, что данный критерий для них не является типичным в силу объективных обстоятельств. Осужденные данной категории имеют главным образом образование не ниже общего и у них, как правило, есть специальность.

Завершая рассмотрение признаков, характеризующих лиц, совершивших налоговые преступления, можно сделать вывод о том, что данную категорию преступников отличает от контрольной группы осужденных следующее:

1. Социально-демографические данные – мужской пол, средний возраст – около 40 лет, высокий уровень образования, как правило, среднее профессиональное и высшее образование; работают в государственных и муниципальных образованиях, коммерческих организациях либо заняты частной предпринимательской деятельностью; с крепкими семейными отношениями.

2. Уголовно-правовые признаки – совершение преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», в большинстве случаев – в особо крупном размере (ч. 2), в качестве исполнителя, без соучастия; из числа других преступлений, совершаемых одновременно с налоговым преступлением, наиболее часто встречается мошенничество; наибольшая доля лиц осуждается к штрафу; из числа иных мер уголовно-правового характера применяется условное осуждение к лишению свободы; срок лишения свободы – до трех лет; осужден впервые.

3. Уголовно-исполнительные и психологические показатели – положительное поведение и соблюдение порядка и условий отбывания наказания, отсутствие дисциплинарных взысканий; превалирование глубоких общественно-политических и научных

убеждений, преобладание профессиональных, художественно-практических умений и интеллектуальных навыков; альтернативный стереотип поведения, преимущественно холерический и сангвинический тип темперамента.

Показатели, характеризующие личность осужденного за налоговые преступления, свидетельствуют о том, что он отличается от среднестатистического осужденного и представляет собой достаточно парадоксальную с точки зрения криминологии фигуру, когда образованные и занимающиеся общественно полезным трудом, в семейном плане благополучные лица попадают в категории асоциальных типов.

Объединяющим признаком личности налогового преступника является предпринимательская деятельность, которую они осуществляют или в которую оказываются вовлеченными в той или иной степени.

Выявленные характеристики личности налогового преступника в полной мере объясняют тенденцию к либерализации уголовной ответственности за экономические преступления в целом и налоговые в частности. Их сопоставление с личностными особенностями других категорий преступников (насильственных, корыстно-насильственных и др.) позволяет заключить, что по своим характеристикам, по степени криминализации лица, совершающие преступления экономической направленности, имеют существенные отличия позитивного характера. Отличия имеют и детерминанты совершения таких преступлений.

Библиографический список

1. Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А. И. Долговой. М., 2017. 563 с.
2. Селиверстов В. И. Отбывание лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом использования их интеллектуального и креативного потенциала: новый научный проект // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 1. С. 34–38.
3. Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А. И. Долговой. М., 2018. 195 с.

УДК 343.822.9

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕРБАКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМНЫХ ТРЕБОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Щербаков, А. В. Инженерно-технические средства обеспечения режимных требований безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 476–481.

Аннотация. В статье отмечается важная роль инженерно-технических средств обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, в том числе в рамках интегрированных систем, формулируются и обосновываются предложения по изменению отдельных правовых норм в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, а также в Законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Во взаимосвязи с совершенствованием законодательных основ предлагается разработать наставление о порядке применения инженерно-технических средств охраны и надзора, где детализировать права и обязанности должностных лиц исправительных учреждений, алгоритм применения инженерных и технических средств обеспечения режимных требований в обычных и во внештатных условиях деятельности.

Состояние указанных проблем в условиях проводимого реформирования головной-исполнительной системы предопределило внесение предложений, принятие которых будет иметь существенное значение для обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: безопасность, безопасность уголовно-исполнительной системы, инженерно-технические средства, интегрированные системы безопасности.

Обозначенные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р., основные направления реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) включают в себя создание системы противодействия пенитенциарной преступности с опорой на современные инженерно-технические средства обеспечения режимных требований и безопасности УИС во взаимосвязи

с достижением такого состояния, когда все пенитенциарные учреждения России будут оборудованы интегрированными системами безопасности. Значимость поставленной задачи предопределена потенциалом передовых инженерно-технических средств обеспечения безопасности УИС, связанным с использованием их возможностей по нейтрализации (минимизации) пенитенциарных угроз и опасностей и повышению эффективности работы органов и учреждений, исполняющих наказания. В частности, проведенное в рамках ФСИН России исследование позволило прийти к выводу о том, что состояние внутреннего оборудования исправительных учреждений оказывает определяющее влияние на правопорядок в местах лишения свободы, и соответственно в тех территориальных органах, где состояние внутреннего оборудования поддерживается на высоком уровне, число нарушений установленного порядка отбывания наказания более чем в два раза ниже среднего показателя по УИС [1, с. 31–36].

В специальной литературе отмечается, что интеграция представляет собой качественно новый подход к построению систем безопасности и предметно обозначает себя в объединении систем безопасности на программно-аппаратном уровне [2, с. 8–10]. Исходя из ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы инженерно-технического обеспечения деятельности УИС (приказ Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы»), а также специальной литературы интегрированные системы безопасности включают в себя технические средства охраны и надзора во взаимосвязи с программным обеспечением и соответственно предназначены для физической защиты объекта от внешних и внутренних угроз.

Как отмечают исследователи, эксплуатируемые на охраняемых объектах ФСИН России основные интегрированные системы безопасности приходят на смену морально и физически устаревшим системам технических средств охраны, при этом современные технологии постоянно наращивают темпы роста, что ведет к появлению новых технических средств, модернизации рассматриваемых систем безопасности. К важнейшим элементам комплексной системы безопасности УИС (ее инженерно-технической составляющей) отнесены биометрические технологии, позволяющие проводить идентификацию людей по физическим или поведенческим чертам, а также система охранного телевидения (современные видеосистемы, ориентированные на применение в том числе в пенитенциарных учреждениях), предназначенная для контроля за запретными зонами, режимными помещениями и повышающая в связи с этим эффективность службы сотрудников УИС в части обеспечения режимных требований [3, с. 6–7]. В специальной литературе отмечено и такое положительное свойство применения видеосистем, как своеобразный психологический эффект, заключающийся во взаимосвязи с фактом их установки на объектах охраны, в снижении количества правонарушений среди осужденных, а также в улучшении служебной дисциплины сотрудников.

Показательно, что сами сотрудники УИС, проходящие службу в исправительных учреждениях, высоко оценивают указанные технические средства с точки зрения осуществления надзора в системе профилактики преступлений и иных правонарушений среди осужденных.

Что касается осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, как свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования, то основная часть респондентов рассматривает установку камер видеонаблюдения в исправительных учреждениях в качестве фактора, способствующего соблюдению осужденными правил

внутреннего распорядка, и в целом оценивает данный факт позитивно с точки зрения обеспечения своей безопасности. Большинство анкетированных осужденных указали также на ограждения и технические средства (сигнализации) запретных зон как серьезную преграду для совершения побегов. Приведенные эмпирические данные свидетельствуют о важной роли инженерно-технической составляющей безопасности УИС, значимости приведения технической оснащенности учреждений, исполняющих наказания, в соответствии с параметрами, обозначенными в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Здесь также в полной мере востребован позитивный зарубежный опыт.

В специальной литературе приводятся данные о современном опыте оборудования передовыми инженерно-техническими средствами обеспечения безопасности и об их применении в деятельности исправительных учреждений.

Вместе с тем концептуально обозначенная констатация важной роли технической составляющей пенитенциарной безопасности (в частности, интегрированных систем безопасности) и наблюдаемые в этой части прогрессивные шаги не означают отсутствия проблем организационного и правового характера. В специальной литературе с опорой на статистические данные указано на недостаточную оснащенность пенитенциарных учреждений УИС современными интегрированными системами безопасности [4, с. 174–175]. Кроме того, исследователи обращают внимание на проблемы внедрения и применения современных средств инженерно-технического обеспечения безопасности УИС, а именно: отставание темпов поставки новых технических средств (вместо морально и физически устаревших); низкую эффективность применения технических средств, в том числе в связи с нехваткой квалифицированных специалистов, а также научно обоснованной и четко сформулированной тактики применения. В связи с этим для решения организационных проблем предлагается комплекс мероприятий, в том числе организационно-штатного характера, включающих в себя создание инженерно-технических подразделений, непосредственно подчиненных начальнику исправительного учреждения, замещение инженерных должностей высококвалифицированными специалистами. Данное суждение выглядит в полной мере обоснованным, принимая во внимание органичную взаимосвязь технической составляющей и человеческого фактора обеспечения безопасности УИС.

Правовые основы регулирования вопросов обеспечения при помощи инженерно-технических средств безопасности УИС и, в частности, в исправительных учреждениях также далеки от совершенства.

Во-первых, исходя из законодательной нормы ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) администрация исправительного учреждения обладает правом использовать технические средства надзора и контроля в превентивных целях (для предупреждения побегов и иных преступлений, правонарушений в связи с исполнением и отбыванием наказания). При этом не упоминается об инженерно-технических средствах охраны, вследствие чего их применение на законодательном уровне лишается правовой регламентации. Между тем на практике инженерно-технические средства охраны активно используются с учетом того, что цель их использования, отраженная в ведомственных нормативно-правовых актах, не противоречит цели и задачам уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим исследователи в полной мере обоснованно указывают на необходимость корректировки самого названия ст. 83 УИК РФ: «Технические средства надзора и контроля» заменить на «Инженерно-технические средства охраны и надзора». Кроме того, с учетом обозначенной значимости ин-

женерно-технических средств обеспечения пенитенциарной безопасности речь должна идти не о праве, а об обязанности по применению такого рода средств.

Во-вторых, в подзаконных (ведомственных) нормативно-правовых актах, касающихся эксплуатации и использования технических средств обеспечения режимных требований, отсутствует четкое регулирование порядка и условий их применения. При этом закрепленный в УИК РФ термин «технические средства надзора и контроля» фактически не получил своего понятийного определения в подзаконных (ведомственных) нормативно-правовых актах. Это свидетельствует о рассогласованности законодательного и подзаконного регулирования в части технической составляющей обеспечения безопасности в исправительных учреждениях ФСИН России.

В-третьих, действующие в уголовно-исполнительной сфере (в том числе в части технических средств обеспечения режимных требований) законодательные и подзаконные нормативные правовые акты не выделяют непосредственно техническую составляющую обеспечения безопасности УИС (персонала, осужденных, объектов УИС), ее значение для нормального функционирования исправительных учреждений, охраны жизненно важных интересов лиц, вовлеченных в режим пенитенциарной деятельности, защиты общества в связи с осуществлением пенитенциарной деятельности. Так, в ст. 12 «Обеспечение безопасности объектов уголовно-исполнительной системы» Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» ничего не сказано об инженерно-технической составляющей безопасности, о том, что уровень инженерно-технических средств охраны и надзора должен соответствовать режиму исправительного учреждения, что используемые инженерные и технические средства при правопослушном поведении осужденных не должны наносить вреда их здоровью, а также не причинять вреда персоналу, иным лицам и окружающей природной среде. Аналогичные положения, по всей видимости, должны быть отражены и в ст. 83 УИК РФ.

В-четвертых, в п. 3 ст. 83 УИК РФ имеется довольно общее указание на регламентацию нормативными правовыми актами Российской Федерации вопросов перечня и порядка использования технических средств обеспечения режимных требований, однако уровень таких актов не конкретизируется.

Исходя из смысла действующих нормативных правовых актов, определяющих полномочия государственных органов исполнительной власти в рассматриваемой области, следует, что вопрос о перечне основных групп инженерно-технических средств охраны и надзора, разрешенных к использованию в исправительных учреждениях, относится к полномочиям Правительства РФ, а непосредственно порядок применения указанных средств должен регламентироваться ведомственными нормативными правовыми актами Минюста России и ФСИН России.

Следует обратить внимание на повышение роли технической составляющей обеспечения пенитенциарной безопасности в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Так, в целях обеспечения эффективного контроля за исполнением осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, обязанностей и ограничений используются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля. Перечень таких средств установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198. Как отмечают исследователи, применение электронного мониторинга поведения осужденного позволяет оказывать на него воздействие дистанционно, что во многом повышает безопасность сотрудников уголовно-

исполнительной инспекций и исправительных центров [5, с. 32–33] (где, в свою очередь, осуществляется исполнение наказания в виде принудительных работ).

Применительно к функционированию исправительных центров и исполнению в них наказания в виде принудительных работ, обеспечению правопорядка и безопасности с использованием технических средств надзора и контроля, наряду с законодательными положениями, содержащимися в ст. 69.19 УИК РФ, действует специально посвященный порядку применения технических средств надзора и контроля ведомственный нормативный правовой акт – приказ Минюста России от 1 ноября 2016 г. № 250 «Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам». В целом позитивно оценивая приведенные правовые нормы, следует обратить внимание на то, что в ст. 69.19 «Технические средства надзора и контроля» УИК РФ, так же как и в ст. 83 УИК РФ, во-первых, их применение рассматривается как право администрации, а не как ее обязанность, во-вторых, непосредственно не выделены вопросы безопасности УИС и безопасности общества в связи с пенитенциарной деятельностью, в обеспечении которых техническая составляющая играет важную роль.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы и внести некоторые предложения.

1. Использование в УИС интегрированных систем безопасности, включающих в себя современные компьютерные технологии, цифровые системы контроля и наблюдения, позволяет:

- эффективно реализовывать задачи по осуществлению комплексного контроля за территорией пенитенциарного учреждения;
- предупреждать преступления и другие правонарушения среди осужденных;
- предупреждать нападения осужденных на сотрудников пенитенциарного учреждения;
- предупреждать факты грубого (противозаконного) обращения с осужденными со стороны персонала пенитенциарных учреждений;
- оперативно реагировать на возникающие внештатные ситуации и тем самым обеспечивать безопасность в пределах пенитенциарного учреждения.

2. Значимость инженерно-технической составляющей обеспечения безопасности УИС (персонала, осужденных, объектов, всех лиц, вовлеченных в режим пенитенциарной деятельности), а также защиты общества в связи с пенитенциарной деятельностью в сочетании с недостатками правового регулирования в этой части предопределяет постановку вопроса о его оптимизации. В связи с этим целесообразно:

- указать в названии и в тексте ст. 83 УИК РФ наряду с техническими средствами обеспечения режимных требований инженерные средства охраны и надзора, тем самым обеспечив законодательную основу их применения;
- в ст. 83 УИК РФ сместить акцент с возможности применения администрацией технических средств обеспечения режимных требований на обязанность применения инженерно-технических средств охраны и надзора, увязав данную обязанность с целями предупреждения преступлений и иных правонарушений в связи с исполнением и отбыванием наказания, защиты безопасности персонала, осужденных, объектов УИС; при этом указать, что используемые инженерные и технические средства при правопослушном поведении осужденных не должны наносить вреда их здоровью, а также не причинять вреда персоналу, иным лицам и окружающей природной среде;
- в ст. 69.19 УИК РФ сместить акцент с возможности применения администрацией технических средств надзора и контроля на обязанность их применения в целях предуп-

реждения преступлений и иных правонарушений в связи с исполнением и отбыванием наказания, защиты безопасности персонала, осужденных, объектов УИС; при этом указать, что используемые технические средства при правопослушном поведении осужденных не должны наносить вреда их здоровью, а также не причинять вреда персоналу, иным лицам и окружающей природной среде;

– в ст. 12 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» отразить инженерно-техническую составляющую безопасности УИС, указав, что уровень применения инженерно-технических средств охраны и надзора должен соответствовать режиму исправительного учреждения, при этом используемые инженерные и технические средства при правопослушном поведении осужденных не должны наносить вреда их здоровью, а также причинять вреда персоналу, иным лицам и окружающей природной среде;

– во взаимосвязи с совершенствованием законодательных основ разработать в рамках ведомственного регулирования (Минюст России и ФСИН России) наставление о порядке применения инженерно-технических средств охраны и надзора, где детализировать права и обязанности должностных лиц исправительных учреждений, алгоритм применения инженерных и технических средств обеспечения режимных требований в обычных и во внештатных условиях деятельности.

Библиографический список

1. Пертли Л. Ф. Внутреннее оборудование исправительных учреждений: правовые основы, опыт и влияние на безопасность УИС // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. межвед. конф. Воронеж, 2016. С. 31–36.

2. Винокуров В. В. Особенности применения интегрированных систем безопасности в учреждениях УИС // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. межвед. конф. Воронеж, 2016. С. 8–10.

3. Бердников Н. Г. Особенности применения инженерных и технических средств охраны и надзора в УИС на современном этапе // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. межвед. конф. Воронеж, 2016. С. 6–7.

4. Бочкарев В. В. Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 174–175.

5. Казак Б. Б., Борисенко И. В. Использование электронного мониторинга при контроле за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2012. № 9. С. 32–33.

УДК 343.2

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ БОГДАНОВ,
адъюнкт 3-го факультета, Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: alexey-b1980@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ПРЕЮДИЦИЮ, В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ

Для цитирования

Богданов, А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России / А. В. Богданов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 482–486.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты правовой регламентации специального субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию в действующем уголовном законе, проводится анализ имеющихся научных подходов к рассматриваемой проблеме, предлагаются: понятие субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию; дополнение к имеющейся в науке уголовного права классификации специальных субъектов преступных деяний; интерпретация механизма криминализации повторного деяния с признаками административного проступка, основу которого составляет появление в повторном деянии юридической характеристики злостности; обоснование изменений в действующую редакцию статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, состав преступления, специальный субъект, общественная опасность, административная преюдиция, законодательная техника, административное правонарушение.

Имеющаяся тенденция к ежегодному расширению в действующем уголовном законе России перечня статей, содержащих административную преюдицию, положившая свое начало с изменений редакции ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции), внесенных Федеральным законом от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ, определяет актуальность научной разработки данного правового института.

Действующий УК РФ включает в себя 10 статей (ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314.1), юридическая конструкция которых содержит административную преюдицию, под которой в уголовном праве принято понимать установление уголовной ответственности за деяния, содержащие признаки административного проступка, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию [1, с. 3]. Анализ диспозиций приведенных выше статей позволяет выделить субъекта преступного посягательства в качестве ключевого элемента юридической конструкции состава преступления, содержащего административную преюдицию.

Согласно ст. 19 УК РФ общим субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного кодексом.

Наряду с общим субъектом преступления в науке уголовном праве также имеется понятие специального субъекта преступления, который, по мнению А. В. Галахова [3, с. 38–42], В. И. Сергеева [8, с. 68–72], О. Н. Румянцева [6, с. 139–141] и др., обладает одним либо несколькими дополнительными признаками на момент совершения преступления, которые определяют возможность его привлечения к уголовной ответственности по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Нельзя не согласиться с Ю. В. Тарасовой в том, что наличие признаков специального субъекта свидетельствует о более высокой степени опасности деяния [9, с. 10].

Таким образом, состав преступления, содержащего административную преюдицию, предусматривает наличие специального субъекта, обладающего дополнительными признаками, которые лежат в основе криминализации деяния, отграничивая его от административного проступка. Определение данных признаков имеет ключевое значение для правильной юридической квалификации деяний, имеющих признаки административных проступков.

Теоретическая аргументация признаков специального субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, лежит в основе их нормативной регламентации, определяя юридическую конструкцию соответствующих уголовно-правовых норм. В свою очередь, юридическая конструкция уголовно-правовой нормы часто определяет эффективность ее реализации правоприменителем. Так, к числу проблемных вопросов реализации института административной преюдиции можно отнести правовую ситуацию, при которой виновный последовательно совершает три деяния с признаками административных проступков, причем на момент совершения последнего срок, в течение которого он считается подвергнутым административному наказанию, за первое уже истек, а за повторное виновный привлечен к уголовной ответственности путем применения административной преюдиции и имеет непогашенную судимость. Согласно действующему уголовному закону в данном случае за третье деяние, содержащее признаки административного проступка, виновный подлежит административной ответственности, поскольку на момент его совершения он не является лицом, подвергнутым административному наказанию, а соответственно и специальным субъектом преступления, содержащего административную преюдицию.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовые последствия административного наказания имеют приоритет перед правовыми последствиями уголовного наказания в части криминализации следующего за ним деяния с признаками административного проступка. Данный вывод требует научного осмысления и оценки.

Основанием криминализации повторно совершенного деяния с признаками административного проступка выступает появление в нем юридической характеристики злостности, определяющей наличие общественной опасности в личности субъекта повторного деяния. Злостность образуется вследствие повторности совершения противоправных действий лицом, подвергнутым административному наказанию, а в качестве общественно опасной личности выступает лицо, подвергнутое административному наказанию. Срок, в течение которого физическое лицо является носителем данной юридической характеристики, определяется в ст. 4.6 КоАП РФ и составляет не менее 1 года с момента исполнения административного наказания.

Преступления, содержащие административную преюдицию, в соответствии с ч. 2, 3 ст. 15 УК РФ относятся к категории небольшой тяжести (ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4,

264.1, 314.1 УК РФ) либо средней тяжести (ст. 212.1, 215.4, 284.1 УК РФ), следовательно, срок погашения судимости по ним составляет 2 года с момента отбытия наказания по преступлениям небольшой тяжести и соответственно 6 лет по преступлениям средней тяжести, что регламентируется в ч. 3 ст. 86 УК РФ.

Если исходить из положения о том, что непогашенная судимость лица, осужденного за совершение преступления, содержащего административную преюдицию, равно как и подвержение лица административному наказанию, образует признак злостности в повторном деянии с признаками административного проступка, то временной промежуток, в течение которого устанавливается уголовная ответственность за деяние с признаками административного проступка, увеличивается на срок более чем 2 года либо более 6 лет соответственно, в зависимости от категории преступлений, вида назначенного уголовного наказания и порядка его отбытия, сроков предварительного расследования и судебного рассмотрения дела, а также других обстоятельств. Находим данное положение не отвечающим требованию принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку повторное совершение противоправного деяния спустя 2 года, а тем более 6 лет после совершения первого не может свидетельствовать об общественной опасности личности, характеризующейся ее злостностью, выступающей в качестве основания для криминализации повторного деяния с признаками административного проступка.

Таким образом, повторное деяние с признаками административного проступка может считаться злостным лишь при его совершении в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение административного проступка, аналогичного, тождественного либо однородного административному проступку, признаки которого содержатся в повторно совершенном деянии. Увеличение данного временного промежутка с включением в него срока судимости, на наш взгляд, является необоснованным расширением сферы применения уголовного закона.

Вместе с тем ст. 264.1 УК РФ содержит положение об установлении уголовной ответственности за деяние с признаками административного проступка, совершенное лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2, 4, 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ. Данное положение устанавливает криминообразующее значение судимости при совершении повторного деяния с признаками административного проступка. Из анализа данной статьи следует, что лицо, осужденное по ч. 6 ст. 264 УК РФ к 9 годам лишения свободы (согласно верхнему пределу санкции данной правовой нормы), будет считаться судимым в течение 6 лет с момента отбытия им наказания. В данном случае период, когда лицо считается общественно опасной личностью, может составлять до 15 лет, во время которых совершение им деяния с признаками административного проступка относится законодателем к числу преступных.

Таким образом, субъектом преступления, содержащего административную преюдицию, является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного УК РФ, подвергнутое административному наказанию.

В науке уголовного права имеются различные классификации специальных субъектов. К числу первых можно отнести классификацию, предложенную в 1968 г. Н. С. Лейкиной, Н. П. Грабовской, подразделявшую специальных субъектов на следующие группы, по критериям: 1) государственно-правовое положение лица; 2) профессиональное положение; 3) должностное положение, особые качества выполняемой работы; 4) демографические признаки [4, с. 35–105].

Позднее, в 1977 г., Р. О. Орымбаевым данная классификация была изменена в части исключения профессионального положения как критерия образования группы специ-

альных субъектов и выделения вместо нее группы, объединившей специальных субъектов по признакам, характеризующим лицо, занимавшееся в прошлом антисоциальной деятельностью, а также наличию повторности преступления [5, с. 200].

В последующем классификация специальных субъектов значительно усложнилась. Так, в 1999 г. Г. Н. Борзенков выделял три основные группы, характеризующие: 1) социальную роль и правовое положение субъекта; 2) физические свойства лица, совершившего преступление; 3) взаимоотношение субъекта с потерпевшим. Обозначенные в качестве основных группы Г. Н. Борзенков разделяет на подгруппы, объединяющие специальных субъектов преступлений по следующим характеристикам: гражданство; должностное положение лица; отношение к военной службе; участие в судебном процессе; отбытие наказания, арест либо предварительное заключение; судимость; возраст; пол; состояние здоровья и трудоспособности; родственные отношения субъекта с потерпевшим и другими лицами; служебные и иные отношения [2, с. 284].

К числу наиболее полных и объективных классификаций специальных субъектов в теории уголовного права на современном этапе, на наш взгляд, можно отнести классификацию С. А. Семенова, который предлагает выделить 7 групп специальных субъектов: 1) по физическим свойствам; 2) родственным отношениям; 3) должностному положению; 4) наличию ответственности за соблюдение правил безопасности; 5) гражданству; 6) участию в судебном процессе; 7) отношению к воинской службе [7, с. 16].

Наличие в действующем уголовном законе статей, содержащих административную преюдицию, делает возможным дополнение имеющихся в науке уголовного права классификаций специальных субъектов новой группой – лица, подвергнутые административному наказанию.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Субъектом преступления, содержащего административную преюдицию, является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного настоящим УК РФ, подвергнутое административному наказанию.

2. Имеющаяся в науке уголовного права классификация специальных субъектов преступлений может быть дополнена новой группой – лица, подвергнутые административному наказанию.

3. Необходимо внести изменения в диспозицию ст. 264.1 УК РФ путем исключения из нее положений о правовых последствиях судимости за преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.4 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 264.1. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Неоднократное управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения.

Примечание. Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается совершенным неоднократно, если совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение административного проступка, предусмотренного частями 1, 3 статьи 12.8 настоящего Кодекса или статьей 12.26 настоящего Кодекса».

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие. Свердловск, 1989. 204 с.

2. Борзенков Г. Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1. 624 с.
3. Галахов А. В. Вопросы квалификации преступлений и его толкование в судебной практике // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 38–42.
4. Лейкина Н. С., Грабовская Н. П. Субъект преступления // Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1968. 418 с.
5. Орымбаев Р. О. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. 152 с.
6. Румянцев О. Н. Понятия и квалифицирующие признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1. С. 139–141.
7. Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.
8. Сергеев В. И. Субъект и субъективная сторона налогового преступления // Право и экономика. 2001. № 2. С. 68–72.
9. Тарасова Ю. В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 31 с.

УДК 343.823

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЫШОВ,

кандидат экономических наук,

старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: ilya_4@mail.ru

ЗАТРАТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Для цитирования

Чернышов, И. Н. Затраты и результаты труда осужденных: проблемы статистического анализа / И. Н. Чернышов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 487–494.

Аннотация. В статье представлены итоги комплексного экономического анализа затрат и результатов трудовой деятельности осужденных, занятых на оплачиваемых работах. На основе обобщения аналитического материала, содержащегося в статистических формах отчетности Федеральной службы исполнения наказаний за 2008–2017 годы, был проведен сравнительный анализ показателей выпуска товарной продукции, занятости осужденных на оплачиваемых работах, совокупного использования рабочего времени, фонда оплаты труда, производительности и оплаты труда, а также удержаний из начисленной заработной платы. Основные результаты, полученные на основе интерпретации обработанных данных, указывают на комплексное воздействие факторов внутреннего и внешнего характера, сдерживающих развитие производственного сектора уголовно-исполнительной системы. Важной особенностью проведенного анализа является корректировка ключевых объемных показателей производственно-хозяйственной деятельности с учетом влияния ценовых факторов, а также расширение системы показателей, характеризующих затраты и результаты труда осужденных. Особое внимание обращено на существующие методологические и методические проблемы проведения статистического анализа, последующей обработки и интерпретации полученных результатов. Высказаны предложения по совершенствованию подходов к сбору аналитического материала, пересмотру подходов к расчету ключевых социально-экономических показателей (в частности, показателей производительности труда и использования рабочего времени), углублению анализа в разрезе основных видов производственно-хозяйственной деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, производство, труд осужденных, производительность труда, оплата труда, статистика труда.

Объективная и всесторонняя оценка общественной эффективности функционирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы (УИС) предполагает комплексный анализ показателей его деятельности за достаточно продолжительный период.

Это позволяет отличить краткосрочные колебания от закономерных тенденций развития, что, в свою очередь, дает возможность исследователям и управленцам более точно прогнозировать, планировать и программировать параметры управляемой системы.

В настоящее время научное сообщество уделяет значительное внимание социально-экономическому анализу происходящих в производственном секторе изменений. Возрастает число публикаций, затрагивающих вопросы развития приносящей доход деятельности в стратегической перспективе [1, 2], в том числе с использованием статистических инструментов прогнозирования [3]. Актуализируются вопросы целеполагания в социально-трудовой сфере [4], создания и поддержания правовых рамочных условий трудовой деятельности осужденных [5], а также установления адекватных соотношений между затратами и результатами их труда [6, 7].

В рамках статьи мы сосредоточим свое внимание на обобщенной характеристике производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС в 2008–2017 гг. Информационной базой анализа выступали данные форм ведомственной статистической отчетности «Отчет о трудовой адаптации осужденных», «Отчет о производстве товаров, выполненных работах и оказанных услугах и экономической деятельности, связанной с привлечением осужденных к труду», а также справочные данные Росстата по индексу потребительских цен.

Динамика объемных показателей производства продукции за исследуемый период показывает, что в течение 2008–2013 гг. наблюдался стабильный прирост произведенной продукции, в большей степени обусловленный ценовыми факторами, нежели приростом физического объема (рис. 1).

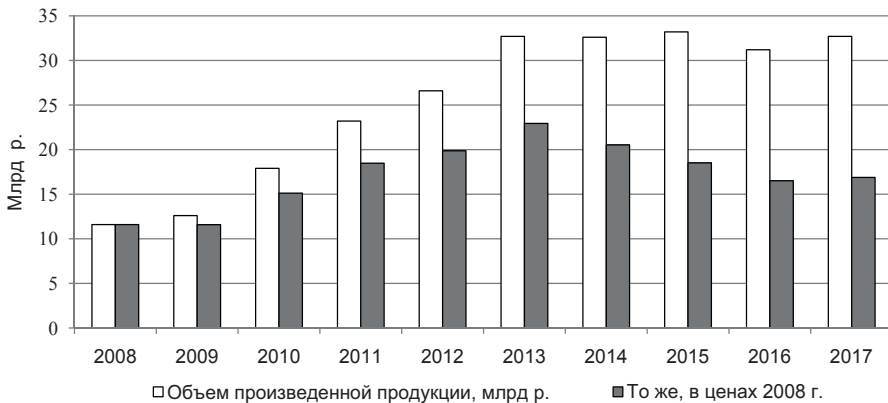

Рис. 1. Динамика объемов производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг, связанных с привлечением осужденных к труду, 2008–2017 гг. (в фактических ценах и ценах 2008 г.), млрд р.

С 2013 г. по настоящий период наблюдается стагнация – объем товарной продукции зафиксировался на уровне 31–33 млрд р. (в текущих ценах), что может быть следствием, во-первых, насыщения сегмента «рынка самообеспечения» (за счет которого и происходил рост объемов производства в предыдущие годы), а во-вторых, отсутствия возможностей выхода на новые рынки сбыта во взаимодействии с деловой средой на муниципальном и региональном уровне. При этом динамика товарной продукции в ценах 2008 г. явно указывает на сокращение физического объема выпуска, что с точки зрения анализа трудового использования осужденных означает сокращение нормативной тру-

доемкости производственной программы, напрямую связанной с показателями оплаты труда и выполнения норм выработки. Следует отметить, что указанные процессы предсказывались исследователями еще на стадии их возникновения [8].

Динамика численности осужденных, занятых на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, за исследуемый период в целом соответствует динамике «очищенного» от ценового фактора объема товарной продукции (за исключением резкого спада в 2009 г.). С 2014 г. имеет место устойчивая негативная тенденция снижения абсолютного показателя численности осужденных, занятых на объектах приносящей доход деятельности, с темпом сокращения 4–6 % в год. При этом относительный показатель занятости на объектах приносящей доход деятельности с 2012 г. стабилизировался в границах 24–27 % от среднесписочной численности осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях.

Сопоставляя в динамике численность осужденных, занятых на объектах приносящей доход деятельности, с совокупным реальным фондом отработанного ими времени, можно прийти к выводу о снижении уровня экстенсивного использования располагаемых исправительными учреждениями трудовых ресурсов (рис. 2). С 2014 г. имеет место устойчивая негативная тенденция уменьшения количества отработанных осужденными человеко-дней с темпом сокращения 9–13 % в год вплоть до 2016 г. В 2017 г. темпы снижения данного показателя несколько приостановились – до 4,5 %, что может внушать определенный оптимизм с точки зрения преодоления в последующие годы негативной динамики неэффективного использования рабочего времени осужденных.

Рис. 2. Динамика занятости и совокупного использования рабочего времени осужденных на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, 2008–2017 гг.

Прослеженная нами тенденция указывает на еще одну объективную проблему: при повышении эффективности использования рабочего времени осужденных лишь стабильное и значительное повышение нормативной трудоемкости выпускаемой продукции может способствовать сохранению экономически эффективных рабочих мест. Иными словами, только наличие портфеля заказов с достаточной нормативной трудоемкостью является гарантированным условием обеспечения стабильной занятости осужденных,

подлежащих привлечению к труду, без необоснованных потерь использования их рабочего времени.

Статистический анализ показывает, что в течение всего исследуемого периода имело место стабильное сокращение продолжительности рабочего года (то есть количества отработанных дней в год в расчете на одного осужденного). Следует отметить, что сосредоточение внимания на возникающих потерях рабочего времени и, как следствие, недоиспользовании трудовых ресурсов находится в русле методологических изменений, которые происходят в международной и национальной системе статистики труда. Приказ Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680 «Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда» утвердил обновленные стандарты в области статистики труда в форме Резолюции о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы [9]. Принципиальным отличием обновленных международных стандартов является введение концепции участия в трудовой деятельности взамен действовавшей ранее концепции экономической активности, а также введение концепции недоиспользования рабочей силы.

Проанализируем некоторые показатели результативности труда. Для этого проследим динамику выработки в течение 2008–2017 гг., которая представляет собой отношение объема произведенной продукции в течение года к среднесписочной численности осужденных, занятых на объектах приносящей доход деятельности. Отметим, что подобная методика расчета производительности труда крайне несовершенна, поскольку не позволяет выделить в объеме произведенного продукта непосредственно добавленную работником стоимость.

Динамика выработки продукции в расчете на одного осужденного представлена на рисунке 3 как в текущих ценах, так и в ценах 2008 г., что позволяет исключить из оценки влияние ценовых факторов. Кроме того, на этом же графике приведена динамика коэффициента выполнения осужденными установленных норм выработки.

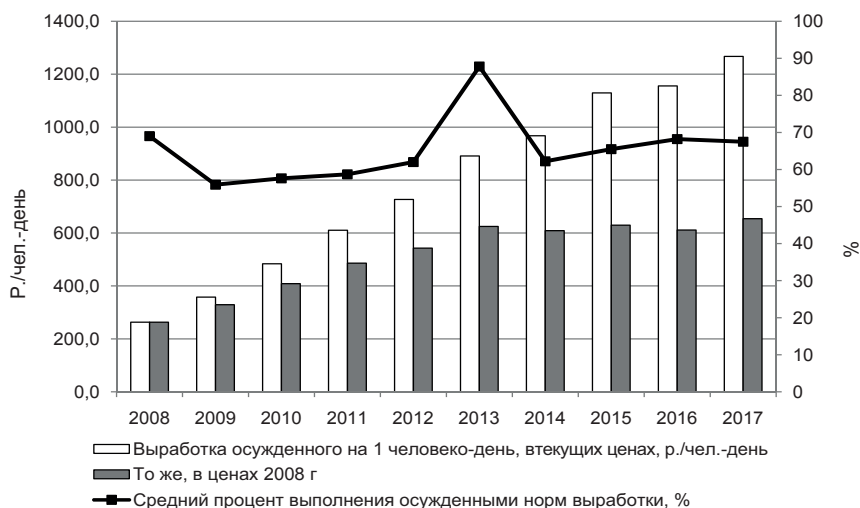

Рис. 3. Сравнительная динамика выработки продукции в расчете на одного занятого осужденного (в текущих ценах и ценах 2008 г.), р./чел.-день и коэффициента выполнения осужденными установленных норм выработки, 2008–2017 гг., %

Как видно из графика, выработка в текущих ценах в течение исследуемого периода стабильно возрастала. За 10 лет рассматриваемый показатель вырос в 4,8 раза – с 263 до 1267 р. в расчете на один отработанный человеко-день. Между тем анализ показателя, очищенного от влияния ценового фактора, указывает на более скромный рост производительности. С 2008 по 2013 год ежегодный прирост показателя составлял 10–20 %, однако в течение 2013–2017 гг. наблюдается стабильное значение выработки в размере 620–650 р./чел.-день в ценах 2008 г., что говорит об отсутствии позитивной динамики в процессе развития производственной деятельности. Этот вывод подтверждает и динамика коэффициента выполнения норм выработки – без учета данных 2013 г. (которые могут быть обусловлены изменениями ведомственных форм статистической отчетности) колебания показателя не выходят за рамки 62–67 %.

Рассмотрим динамику фонда заработной платы осужденных, привлеченных к труду на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, в 2008–2017 гг. (показатели приведены в фактических ценах и ценах 2008 г.). Кроме того, график дополнен динамикой зарплатоемкости продукции – экономического показателя, характеризующего совокупные расходы на оплату труда осужденных в расчете на 1 рубль товарной продукции (рис. 4).

Как видно из графика, в течение исследуемого периода прирост совокупного фонда заработной платы осужденных в текущих ценах составил 60 % (+ 2,9 млрд р.). Между тем после корректировки ценового влияния указанная тенденция сменилась на противоположную – в фиксированных ценах 2008 г. совокупный фонд заработной платы осужденных сократился практически на 20 % (– 0,9 млрд р.). Этот вывод полностью подтверждает нисходящая динамика зарплатоемкости продукции – с 42,2 к./р. в 2008 г. до 23,9 к./р. в 2017 г.

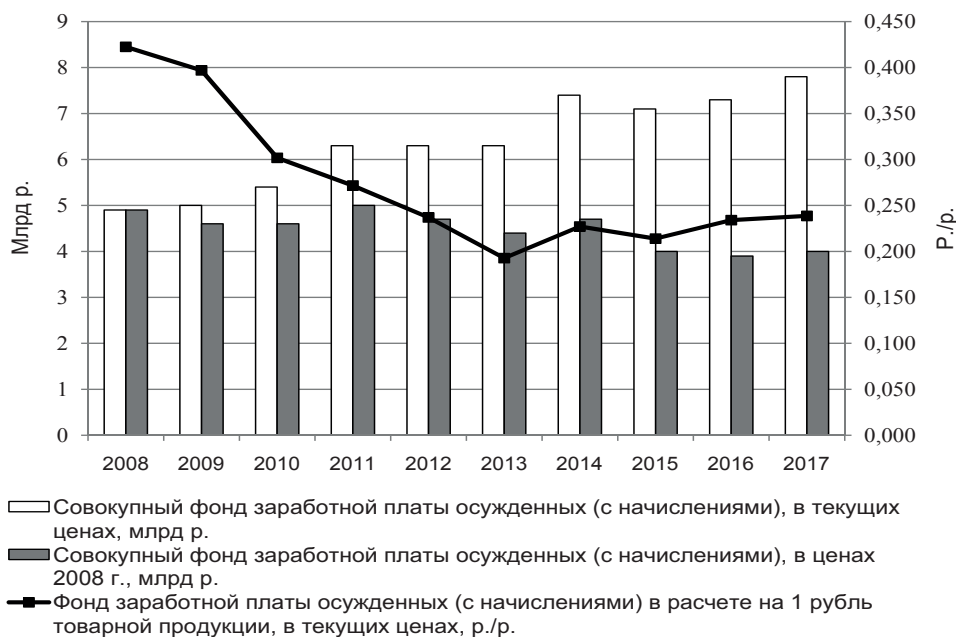

Рис. 4. Динамика фонда заработной платы осужденных, привлеченных к труду на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, 2008–2017 гг. (в фактических ценах и ценах 2008 г.), млрд р.

С точки зрения теории экономического анализа это следует интерпретировать как негативную тенденцию, отражающую сокращение вклада трудовых ресурсов в формирование себестоимости и как итог отпускной цены продукции. Чем ниже показатель зарплатоемкости, тем ниже добавленная стоимость, создаваемая работниками в процессе труда. Причины подобных явлений заключаются, как правило, в снижении сложности выполняемых работ, недостаточной квалификации рабочих, ограничивающей возможность их трудоиспользования, росте тарифов на энергоносители и др.

Достаточно информативным выглядит сопоставление показателей затрат и результатов труда. В частности, на рисунке 5 приведен сравнительный анализ выработки и заработной платы осужденных в расчете на один отработанный человеко-день (в текущих ценах) за 2008–2017 гг. Кроме того, данный график дополнен динамикой зарплатоотдачи – экономического показателя, отражающего производительность труда осужденного, приходящуюся на 1 рубль заработной платы (с начислениями). Зарплатоотдача отражает, во сколько раз результаты труда для работодателя превосходят понесенные им затраты на оплату труда работника. Чем выше значение зарплатоотдачи, тем эффективнее используется труд работника в системе общественного производства.

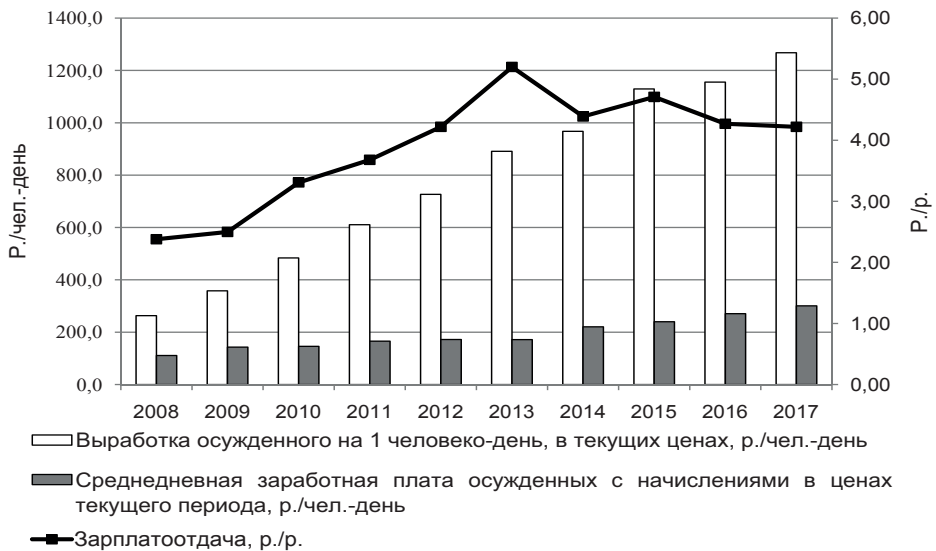

Рис. 5. Сравнительная динамика выработки и заработной платы осужденных в расчете на один отработанный человеко-день (в текущих ценах), 2008–2017 гг.

Как видно из графика, в течение 2008–2013 гг. выработка осужденных в расчете на один отработанный человеко-день росла по отношению к заработной плате опережающими темпами. Показатель зарплатоотдачи за этот период возрос более чем вдвое – с 2,38 до 5,20 р./р. Однако с 2014 г. произошел «разворот тренда» – зарплатоотдача начала сокращаться и в 2017 г. составила 4,22 р./р. Подобная динамика может объясняться последовательным повышением минимального размера оплаты труда, который существенным образом оказывает влияние на соотношение между затратами и результатами труда осужденных.

Наконец, вопросы оплаты труда напрямую связаны с удержаниями из заработной платы, которые характеризуют эффективность работы по возмещению причиненного

осужденными ущерба. Динамика совокупных удержаний из заработной платы, а также среднегодового размера удержаний в расчете на одного осужденного (в текущих ценах и ценах 2008 г.) приведена на рисунке 6.

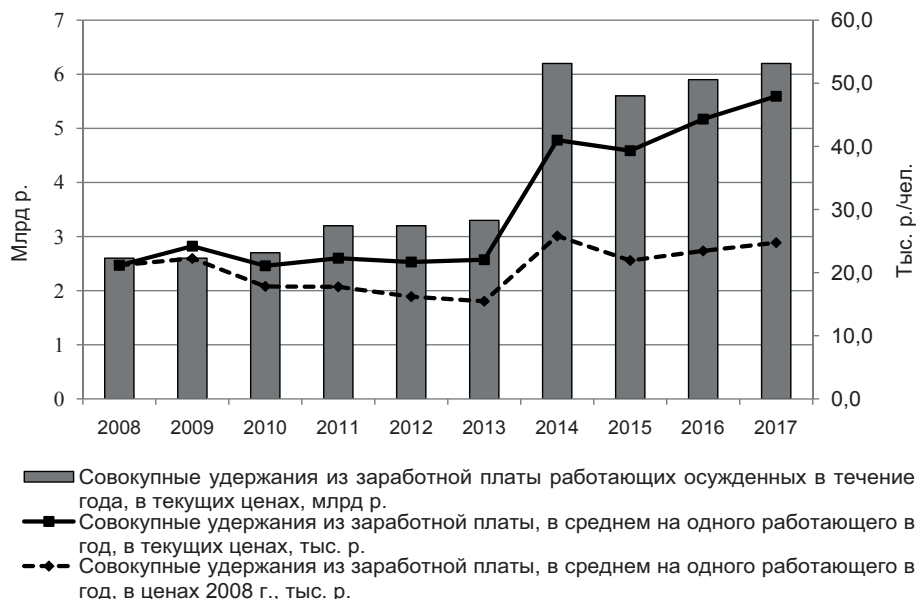

Рис. 6. Динамика удержаний из заработной платы осужденных, привлеченных к труду на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, 2008–2017 гг.

Как видно из графика, с 2008 по 2013 год размер совокупных удержаний из фонда заработной платы осужденных (в текущих ценах) увеличивался незначительно. При этом при пересчете в ценах 2008 г. размер удержаний в расчете на одного осужденного сокращался – с 22,3 тыс. р./год в 2008 г. до 15,5 тыс. р./год в 2013 г. С 2014 г. ситуация в данной сфере значительным образом изменилась: совокупные удержания возросли более чем в два раза, и в настоящее время их значение колеблется в пределах 5,9–6,2 млрд р. Однако стоит отметить, что в ценах 2008 г. нагрузка удержаний в расчете на одного осужденного практически не изменилась – с 21,2 тыс. р./год в 2008 г. она возросла до уровня 24,7 тыс. р./год в 2017 г.

Целью статьи выступало не столько формулирование предложений по результатам проведенного анализа, сколько сосредоточение внимания исследовательского сообщества на проблемах качественного осуществления самой аналитической функции. На текущий момент аналитические исследования основных показателей затрат и результатов труда осужденных, занятых на объектах приносящей доход деятельности, ведутся достаточно укрупненно. При этом теряется возможность выявления реальных причин и условий снижения эффективности труда. Одним из направлений совершенствования статистического анализа как действенного инструмента прогнозирования, планирования и программирования видится детализация показателей, формирующих формы ведомственной статистической отчетности.

Имеется осознанная необходимость накопления и обработки более детализированных данных, количественно отражающих результаты труда осужденных, в частно-

сти, недостаточен объем аналитического материала в разрезе основных направлений производственной деятельности исправительных учреждений. Между тем специфика организации труда и производства в отраслевых сегментах достаточно сильно влияет на показатели результативности труда как в части его производительности, так и в части его оплаты. В связи с этим следует отметить необходимость совершенствования системы и методики расчета показателей, формирующих статистическую отчетность по форме ОТАО-4 «Отчет о производстве товаров, выполненных работах и оказанных услугах и экономической деятельности, связанной с привлечением осужденных к труду».

Безусловно, совершенствование подходов к сбору и обработке статистической информации позволит осуществлять более качественную подготовку важнейших управленческих решений в производственно-хозяйственной сфере.

Библиографический список

1. Родионов А. В. Стратегия развития уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1. С. 31–33.
2. Большакова Е. В., Терехин В. И., Чернышов В. В. Проблемы развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы и пути их решения // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1. С. 9–12.
3. Белова Т. Н. Экономика уголовно-исполнительной системы как объект прогнозирования с использованием математических моделей // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2. С. 96–101.
4. Чернышов И. Н. Цели труда в системе исправления осужденных // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1. С. 120–126.
5. Кустов М. Н. Актуальные проблемы нарушения требований законов, регулирующих труд осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. № 4. С. 657–661.
6. Погудин О. А. Оптимизация системы оплаты труда осужденных: понятие, противоречия и проблемы достижения // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 38–44.
7. Калашников Г. М. К вопросу о справедливой оплате труда осужденных // Научное обозрение. 2016. № 18. С. 120–122.
8. Погудин О., Чернышов И. Производственный потенциал уголовно-исполнительной системы: на пути к возрождению или к стагнации? // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 2. С. 132–139.
9. Resolution concerning statistics of work, employment and labour undeutilization. URL : http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_230304.pdf (дата обращения: 27.05.2018).

УДК 378.6:343.83

ЛАРИСА ВАДИМОВНА ШАТОХИНА,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей психологии,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: shatohina.larisa@rambler.ru;

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА КАЛАШНИКОВА,

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры общей психологии,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: maria-ka@yandex.ru;

ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ СОЧИВКО,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей психологии,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: sochivo@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОГНОСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Для цитирования

Шатохина, Л. В. Проблема прогностического развития педагогической культуры преподавателей в системе образовательных организаций / Л. В. Шатохина, М. М. Калашникова, Д. В. Сочивко // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 4. – С. 495–499.

Аннотация. В статье рассматривается проблема прогностического развития педагогической культуры преподавателей, обосновывается актуальность ее изучения на современном этапе развития образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний, которая обусловливается наличием целого ряда противоречий. Выявленная нами система противоречий легла в основу формулировки научной проблемы исследования, постановки цели, выдвижения гипотезы, выделения объекта и предмета исследования. Исходя из гипотезы исследования презентуется совокупность теоретических, концептуально и методологически обоснованных тезисов по заявленной теме. В соответствии с проблемой, целью, объектом, предметом и гипотезой исследования ставится ряд задач, требующих безотлагательного разрешения в области повышения уровня педагогической культуры и компетентности лиц, осуществляющих обучение, воспитание и развитие обучающихся в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний, а также лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: образовательная организация, преподаватель, педагогическая культура, прогностическое развитие, профессиональная деятельность, педагогическая модель, высшее образование, психологическое сопровождение.

Педагогическая культура преподавателей в системе высшего образования выступает как сложный многоуровневый продукт взаимоотношений общества, культуры, техники и человека. Она представляет собой интегральную характеристику личности, отражает понимание значения профессиональной деятельности для собственных и общественных целей, разнообразные стороны и особенности прогностического развития, поведения и самого бытия человека [1, 2, 4].

Современность поставила перед системой высшего образования, в том числе военного образования силовых структур, важные проблемы, одной из которых является прогнозирование развития ее элементов и деятельности основных субъектов в изменяющемся образовательном и культурном пространстве (А. В. Барабанщиков, А. А. Бодалев, А. А. Доркач, Г. А. Жаркова, В. Г. Зазыкин, Н. И. Калаков, Е. А. Климов, Т. В. Кириллова, Л. Г. Лаптев, И. А. Липский, В. Г. Михайловский, Н. Д. Никандров и др.). В связи с этим возрастают роль и значение прогностического развития педагогической культуры преподавателей в системе высшего образования, представляющей собой совокупность идей, подходов, принципов, методов, технологий, прогностического развития личности в процессе достижений вершин профессионализма в различных условиях [5].

Анализ научных публикаций показал, что прогностическое развитие педагогической культуры преподавателей в системе высшего образования ФСИН России не рассматривалось, исследования условий его реализации на разных ступенях образования не проводились.

Актуальность нашего исследования обуславливается также наличием противоречий:

- между требованиями общества к качеству образования, практике использования прогностических подходов, принципов, методов, технологий и средств и недостаточной разработанностью теорий, концепций и методологий, направленных на развитие педагогической культуры преподавателей, а также мониторинга как индикатора такого развития в системе высшего образования;

- потенциальной возможностью системы высшего образования осуществлять прогностическую подготовку обучаемых и неразработанностью учебников, пособий и методических комплексов и педагогических условий, обеспечивающих прогностическое развитие педагогической культуры личности с учетом опережающего содержания образования на разных его ступенях;

- современными требованиями теорий, концепций, методологии и практики формирования общей и профессиональной культуры личности в условиях глобальной информатизации общества и необходимостью использования в системе традиционных подходов новых эффективных прогностических подходов, принципов, методов, технологий и средств воздействия на педагогический состав и обучаемых, способствующих прогнозированию развития их педагогической культуры на всех ступенях профессиональной деятельности в системе образования;

- стремлением преподавателей реализовать свой интеллектуально-прогностический потенциал, способности, компетентность и отсутствием педагогической модели прогностического развития педагогической культуры на основе прогностического подхода в системе высшего образования ФСИН России;

– используемыми традиционными технологиями развития педагогической культуры преподавателей и возможностями повышения их эффективности за счет наполнения содержания проектированием, моделированием педагогических задач, ситуаций, способствующих прогностическому развитию профессионального мастерства и рефлексии личности при взаимодействии в культурно-образовательном пространстве, экстраполяции ее дальнейшего развития.

Актуальность данной крупной проблемы, неразработанность концепции и методологии прогностического развития педагогической культуры преподавателей в системе высшего образования ФСИИ России, а также потребность практики его реализации на всех ступенях образования создают условия для организации и проведения экспериментального исследования [3].

Выявленная совокупность противоречий позволила сформулировать научную проблему исследования: каковы теоретические, концептуальные, методологические и технологические основы проблемы реализации прогностических подходов, принципов, методов, средств к развитию педагогической культуры преподавателя в системе высшего образования ФСИИ России, отвечающего современным потребностям общества.

Цель нашего исследования: на основе историко-педагогического анализа и опыта проблемы прогностического развития педагогической культуры дать теоретическое, концептуальное, методологическое обоснование прогностического подхода, принципа, метода, технологии к развитию педагогической культуры преподавателей в системе высшего образования ФСИИ России; выявить тенденции, закономерности и обосновать прогностическую модель прогностического развития педагогической культуры преподавателей, раскрыть сущностно-содержательную характеристику, роль и место в системе традиционных подходов к формированию педагогической культуры личности, выявить основные направления и педагогические условия его совершенствования в современном образовательно-культурном пространстве.

В качестве гипотезы нашего исследования служит предположение о том, что реализация теории, концепции и методологии прогностического подхода к развитию педагогической культуры преподавателей в системе образовательных организаций высшего образования ФСИИ России будет способствовать:

- совершенствованию системы образовательных организаций в межкультурном пространстве;
- интеграции и развитию прогностических, духовно-нравственных, адаптационных, коммуникативных способностей и качеств творческой личности;
- развитию поэтапного достижения вершин профессионализма и педагогической культуры преподавателей.

Объектом исследования является развитие педагогической культуры преподавателя в системе высшего образования ФСИИ России.

Предмет исследования: концепция прогностического развития педагогической культуры преподавателя и концептуально-методологические основы ее практической реализации; прогностические подходы, принципы, методы и технологии к развитию педагогической культуры преподавателя в системе высшего образования ФСИИ России.

Исходя из гипотезы исследования нами выдвигается совокупность теоретических, концептуально и методологически обоснованных тезисов:

- выявление основных проблем и противоречий, факторов, закономерностей, этапов и механизмов прогностического развития педагогической культуры преподавателя связано с эволюцией общества и организацией прогностического подхода, принципа,

метода и технологии к развитию педагогической культуры преподавателя в образовательно-культурном пространстве;

– теоретико-концептуальное и методологическое обоснование проблемы реализации прогностического подхода, принципа, метода и технологии к развитию педагогической культуры педагога связано с аргументированием и обоснованием необходимости его использования, выявлением его роли и места в системе традиционных подходов и определением сущности и содержания дефиниции «прогностический подход» в культурном и образовательном пространстве;

– проектирование педагогической модели прогностического развития педагогической культуры преподавателя на основе концепции и методологии прогнозирования отражает цель, задачи, специфику организации содержания и педагогической деятельности, возможности реализации прогностической технологии, критериальный и диагностический аппарат исследуемого процесса, разрабатываемый для оценки его результативности;

– в ходе опытно-экспериментального обоснования результатов исследования должны быть предложены методы педагогических измерений и показатели динамики процесса поэтапного развития педагогической культуры преподавателя на основе прогностического подхода и принципа, а также выявлены основные тенденции и педагогические условия его эффективности;

– для совершенствования прогностического развития педагогической культуры преподавателя на основе прогностического подхода и принципа необходимо определить основные тенденции и наиболее значимые направления его реализации на разных ступенях образования с учетом федеральных государственных стандартов.

В соответствии с проблемой, целью, объектом, предметом и гипотезой исследования предполагается решить следующие задачи:

1. На основе проведенного историко-педагогического анализа проблемы становления и развития педагогической культуры преподавателя в образовании определить факторы, закономерности, этапы, тенденции и обосновать влияние современных подходов, методов, технологий на развитие педагогической культуры личности в системе высшего образования ФСИИ России.

2. Раскрыть общие характеристики, ценности системы высшего образования и концептуальные основы прогностического развития педагогической культуры преподавателей ФСИИ России.

3. Обосновать специфику и структуру педагогической культуры, раскрыть сущностно-содержательную характеристику прогностического подхода как совокупности идей, принципов, методов и технологий развития педагогической культуры педагогов и выявить его роль и место в системе традиционных подходов, используемых в образовании ФСИИ России.

4. Разработать модель и программу прогностического развития педагогической культуры преподавателей на основе прогностического подхода и раскрыть условия ее эффективной реализации в системе высшего образования ФСИИ России.

5. Разработать модель диагностики и самодиагностики становления и развития педагогической культуры преподавателя на основе прогностического подхода, обосновать использование математических методов педагогических измерений для оценки и прогнозирования их эффективности.

6. Дать опытно-экспериментальное обоснование результативности процесса развития педагогической культуры преподавателей с использованием прогностического

подхода, модели и программы на разных ступенях образования и самообразования в системе ФСИН России.

7. Выявить основные направления и педагогические условия эффективности становления и развития педагогической культуры преподавателя на основе прогностического подхода.

8. Разработать научно обоснованные методологические и методические рекомендации по эффективному развитию педагогической культуры преподавателей в системе высшего образования ФСИН России.

Интенсивные преобразования, происходящие в системе образования и культуры в обществе, ускоряемые возрастающим потоком данных, их обработкой и использованием, привели к повышению эффективности педагогического труда, изменили характер высшего образования, повысили требования, предъявляемые к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, в том числе осуществляющим психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних осужденных, вызвали необходимость прогностического развития и саморазвития профессорско-преподавательского состава на протяжении всей последующей жизни [6].

Библиографический список

1. Шатохина Л. В. К вопросу о формировании коммуникативной культуры курсантов Академии ФСИН России // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию со дня образования психологической службы уголовно-исполнительной системы (Рязань, 31 марта 2017 г.) / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань, 2017. С. 381–388.

2. Шатохина Л. В., Шатохин Д. Д. Психолого-педагогическая оценка межличностных отношений в учебных коллективах образовательных организаций ФСИН России с использованием методов интегральной диагностики // Глобальный научный потенциал. 2016. № 11(68). С. 12–14.

3. Шатохина Л. В. Психолого-педагогические технологии как средство оптимизации учебно-воспитательной работы с курсантами образовательных организаций высшего образования ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 10(185). С. 35–39.

4. Романов А. А., Сбитнева Н. Н., Шатохина Л. В. Идея интегральности в истории педагогической мысли // Педагогические подвижники в переломные эпохи XX века : избр. науч. ст. и очерки. Рязань, 2017. С. 476–492.

5. Шатохина Л. В., Калашникова М. М. Межличностные отношения курсантов образовательных организаций ФСИН России в психологическом измерении // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 80–85.

6. Калашникова М. М., Калашникова Т. В. Теоретические подходы к организации психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. С. 810–813.

SCIENCE FORUM

Nikolay Semenovich Artemyev, DSc (Law), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, professor of criminology and crime prevention organization department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apu.kiopp@yandex.ru;

Yan Eduardovich Kraskovsky, PhD (Law), associate professor of criminal law department, Penza state University, Penza, Russian Federation, e-mail: up406@mail.ru

MULTIFACTORIAL ANALYSIS AS A SCIENTIFIC BASIS FOR THE PREVENTION OF RECIDIVISM

Recommended citation

Artemyev, N. S. & Kraskovsky, Y. E. 2018, 'Multifactorial analysis as a scientific basis for the prevention of recidivism', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 386–389.

Abstract. The article is devoted to some problems of socio-economic and political changes taking place in our country and causing increasing demands on the activities of law enforcement agencies, which solve important tasks to ensure law and order, crime prevention, prevention of recidivism. The social danger of recidivism is well known. It consists not only in the fact that recidivists commit new serious and especially serious crimes, but also in the fact that they are corrupting others, pushing them to commit crimes. Therefore, the prevention of recidivism is an affirmation of the authority of criminal law, justice and prevention by persons who has not committed crimes before. Further scientific development of planning issues covering both general and special prevention, based on a multi-factor analysis of the causes of relapse and the conditions conducive to recidivism, will contribute to a successful solution to the problem of preventing recidivism. The effectiveness of the planned measures for the prevention of recidivism will largely depend on how methodically correct, qualified and in-depth its analysis will be carried out. This is the initial stage of organizational work, the adoption of all management decisions, including the planning of preventive measures. In the analysis of recidivism, it is very important to clarify the features of repeated commission of certain types of crimes, the personality of recidivists, the practice of applying to them by the court of punishment, serving of punishment, conditions in which persons are held after serving their punishments, etc. should also be studied. Special attention is drawn to the reasons for which a person returns to the commission of a new crime after serving a punishment. The analysis establishes the features of recidivism in the served territory, its dynamics and structure. The degree and effectiveness of the use of forces and means in its prevention are determined, unused reserves are revealed, best practices, new forms and methods of prevention of relapse, as well as the effectiveness of punishment, causes and conditions conducive to recidivism are identified and evaluated.

Keywords: recidivism, the analysis of recidivism, the program analyzing recidivism.

References

Varchuk, T. V. 2007, 'Predicting individual criminal behaviour', in S. Y. Lebedev, M. A. Kochubey (eds), *Criminology*, Moscow.

Sergej Ivanovich Gir'ko, DSc (Law), Associate Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, chief researcher, Scientific research Institute of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0344-0573, e-mail: syvorina959134@mail.ru;

Natal'ya Igorevna Skudareva, PhD (Law), science secretary, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: nataliskudareva@gmail.com

STRATEGY OF CRIMINAL PROCEDURAL POWERS' RESTORATION TO PENITENTIARY INSTITUTIONS AS A MODERN VECTOR OF THE PENITENTIARY SYSTEM'S DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Gir'ko, S. I. & Skudareva, N. I. 2018, 'Strategy of criminal procedural powers' restoration to penitentiary institutions as a modern vector of the Penitentiary system's development of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 390–395.

Abstract. The article is devoted to problematic issues of criminal procedure, the competence of the Federal penitentiary service, Penal system, individual organs and officials through the prism of the elaborated concept of Russian Penal system's development for the period up to 2030. The article analyzes the gradual consolidation of criminal procedural powers for the subjects specified in the concept and their subsequent regulation in the Criminal procedure code of the Russian Federation and other regulatory legal acts. The problem level of criminal procedural competence studying of these subjects by the scientific and educational organizations of the FPS of Russia is presented. The tasks facing the Penal system, criminal-procedural powers of the named subjects are formulated; the criminal-procedural competences are distributed between them.

Keywords: criminal procedural competence, investigative jurisdiction, the Penal system, specialized units of investigation, staff to work on the production of investigation.

References

Gir'ko, S. I. & Shirvanov, A. A. 2017, 'Investigative jurisdiction of the Penal system as a body of inquiry—a problem that must be solved as a matter of priority', in *III International penitentiary forum «Man: crime and punishment» (to the 20th anniversary of entry into force of the Russian Penal code): collection of participants' speeches and reports (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 2, pp. 29–36, Ryazan.

Krymov, A. A. 2017, *Criminal procedure activity of bodies and institutions of the Penal system*, Moscow.

Kubasov, A. V. 2015, 'Supervision of inquiry and other procedural activities in the Penal system', *Legality*, no. 7, pp. 26–28.

Nikiforov, L. V. 2012, 'The concept and importance of law compliance control in the implementation of criminal procedural activities of institutions and bodies of the FPS of Russia', *Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 2, vol. 1, pp. 136–140, Tambov.

Belyakov, A. V. & Brylyakov, S. P. 2016, 'Inquiry in bodies and institutions of the Penal system of Russia', *Bulletin of Kuzbass Institute*, no. 2(27), pp. 110–116.

Mitin, N. V. 2013, 'Consideration and resolution of crime cases in institutions and bodies of the Federal penitentiary service', *Legality*, no. 6, pp. 57–60.

Fomin, Yu. S. 2012, 'Problems of investigation of crimes committed in correctional facilities in modern conditions', *Bulletin of Perm University*, no. 4(18), pp. 204–209.

Lozhkin, Yu. A. 2017, 'The Federal penitentiary service of Russia as a body of inquiry in the implementation of the provisions of criminal procedure legislation', *Bulletin of the Penal system*, no. 6, pp. 41–45.

Kunicyn, S. N. 2013, 'Officials of the investigative bodies of the Federal penitentiary service of Russia', *Bulletin of Voronezh Institute of the Russian Ministry of internal Affairs*, no. 3, pp. 167–174.

Brylyakov, S. P. 2016, 'The employees' criminal procedural status of institutions executing punishment in the form of imprisonment, in pre-court proceedings', *Bulletin of Kuzbass Institute*, no. 1(26), pp. 106–110.

Konstantin Konstantinovich Goryainov, DSc (Law), Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, chief researcher of the center for security research in the institutions of the Penal system, Scientific research Institute of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

OPERATIONAL-SEARCH CONTROL OVER CONVICTS TO PUNISHMENT WITHOUT IMPRISONMENT

Recommended citation

Goryainov, K. K. 2018, 'Operational-search control over convicts to punishment without imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 396–400.

Abstract. The trend towards humanization of criminal policy has led to a greater use of sanctions with non-custodial measure of punishment. It significantly increased the burden on penal institutions and required the development of forms of social and legal supervision and control of convicts. Modern statistics show that the existing practice of such control is not effective enough. This situation has developed as a result of a set of factors: the destroyed system of prevention that developed in soviet times, the weak resource base of units that carry out punishment without isolation from society, the fragmentation of the subjects' actions of the law enforcement system, gaps in legal regulation, etc. Meanwhile, the quality of supervision affects the state of the regime of execution and serving of punishment, and is the main element of its provision and a condition for the application of means of convicts' correction. Despite the existence of regulations on the need to monitor these categories of convicts by the police or joint actions with penal inspections, this form of execution of criminal punishment is not used enough. Measures of this control are not able to detect and prevent illegal intentions of persons registered in penal inspections. It is obvious that such control should be filled with other measures that can more effectively address the issues of regime compliance by convicts, sentenced to measures without isolation from society, and preventing recidivism. In particular, it is proposed to introduce the operational-search component as a set of measures (official and unofficial), permitted by the Federal law «Operational-search activity». In addition, it is advisable to pro-

vide penal inspections with the right to carry out operational investigative activities in general or to give limited operational investigative functions to certain categories of their employees.

Keywords: criminal policy, the Penal system, operational-search activity, control over convicts, punishment without isolation from society.

Sergey Borisovich Karamyshev, PhD (Law), associate professor of criminal law department, Kuzbass institute of the Federal Penal service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: ugolpr@kifsin.ru

THE NATURE AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE OBJECTIVES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Recommended citation

Karamyshev, S. B. 2018, 'The nature and characteristic features of the objectives of criminal punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 401–406.

Abstract. The article substantiates the relevance of the definition of «the purpose of criminal punishment» in terms of criminal law policy and jurisprudence. It is noted that there are different approaches to the classification of the purposes of punishment. The article deals with the concept of «purpose of criminal punishment» given by different authors, their discrepancy on some grounds. Often, the authors point only to such a property of goals as the foresight of the result of the activity. This property is not the only and specific for determining the purpose of criminal punishment, as it relates to the purpose of any activity. The paper attempts to identify the special qualities of the purpose of criminal punishment, distinguishing it from the goals of other not just General legal, and criminal law phenomena. Through the use of general theoretical methods of analysis and synthesis, comparison, knowledge of philosophy, politics, social organization, lexical and philosophical analysis of the categories «purpose» and «punishment», identifies the characteristics and specific features that must be considered in the analysis and construction of the system of criminal punishment. The author's interpretation of the essence of the purpose of criminal punishment is formulated. Properties of the purpose of punishment are considered, such characteristic features of the purpose of punishment as abstraction, moral and legal solvency, ability to motivate, achievability and measurability are allocated. In view of the inaccessibility, in some cases, of the goal of restoring social justice, some authors suggest replacing it with the goal of social protection. In contrast to this opinion, the data of own sociological studies are also given, which show that in most cases, according to the convicts and, very importantly, the victims, the goal of restoring social justice is achieved, so its formulation meets the requirement of achievability.

Keywords: the essence of the purpose of criminal punishment, the properties of the purpose of criminal punishment, the concept of «purpose of criminal punishment», the system of purposes of criminal punishment, types of purposes of criminal punishment.

References

Anashenkova, S. V. 2006, 'The objectives of punishment as symbols of criminal policy', *Bulletin of Mordovian University*, no. 1, pp. 16–24.

Zharikov, Y. S. 2009, *The Criminal-legal regulation and the mechanism for its implementation*, Moscow.

- Zhizhilenko, A. A. 1914, *Punishment. His notion and difference from other law enforcement tools*, Petrograd.
- Jering, R. 1881, *Purpose in law*, vol. 1, St. Petersburg.
- Ilyin, I.A. 1993, *On the essence of legal consciousness*, Moscow.
- Kryukov, V. V. 2015, 'The category of «goal» in Penology', *Bulletin of Saratov state law Academy*, no. 2, pp. 201-205.
- Lazarev, B. M. 1987, *Restructuring of the state administration: organizational and legal issues*, Moscow.
- New philosophical encyclopedia* 2010, in 4 vols, vol. 4, Moscow.
- Noj, I. S. 1973, *The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state*, Saratov.
- Ozhegov, S. I. 1984, *Dictionary of Russian language*, N. Shvedova (ed.), Moscow.
- Radionova, A. S. 2015, 'Formation of the concept of punitive legal policy in the Russian Federation', *Bulletin of the Saratov state law Academy*, no. 1, pp. 92–95.
- Santashov, A. L. 2015, 'On the need to unify the goals of punishment in criminal and criminal-executive legislation', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, no. 4, pp. 51–56.
- Krieger, G. A. (ed.) 1981, *Soviet criminal law. General part*, Moscow.
- Sungurov, F. R. 2003, 'The Definition of the purpose of criminal punishment', *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishcheva, Law series*, iss. 30, pp. 15–17.
- Kruglikov, L. L. (ed.) 2005, *Criminal law of Russia. General part*, Moscow.
- Shiryayev, V. F. 2001, *Punishment in the system of measures of criminal-legal impact: the content, problems of improvement: PhD thesis (Law)*, Yaroslavl.

Aleksandr Mihajlovich Smirnov, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of SIC-3, Scientific research institute of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORSID 0000-0003-4779-4971, e-mail: vipnauka@list.ru

PUBLIC DANGER AS A SIGN OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINALITY

Recommended citation

Smirnov, A. M. 2018, 'Public danger as a sign of circumstances excluding criminality', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 407–412.

Abstract. The article proves the existence of public danger in the acts committed under the circumstances excluding the crime of the act. This danger is excluded only in minor acts. In acts committed in the circumstances, there are all elements of the crime. The social nature of social danger is to cause significant harm to the objects of criminal law protection, which are also the cause of harm or a source of threatening danger. The Russian criminal law does not specify the nature of the harm caused in these circumstances, while allowing a reciprocal response to the causer of the harm or the source of the threatening danger. The existence of social danger in the circumstances under consideration is recognized by the highest courts, as well as by some domestic and foreign scientists. Social usefulness (admissibility) and compulsion of the acts committed in the conditions of the considered circumstances, and also absence at them of illegality with all need does not exclude their public danger. The non-recognition of public danger of the acts committed under such circumstances as a necessary defense, extreme ne-

cessity and caused harm to the person who committed the crime, justifies the death Penalty and demands its execution. It is concluded that the acts committed under the circumstances excluding the crime of the act contain a public danger. However, the legislator excludes the criminality of those acts of policy.

Keywords: public danger, circumstances precluding the criminality of the act, necessary defense, extreme necessity, physical or mental coercion, reasonable risk, execution of an order or order, exemption from criminal liability.

References

- Baulin, YU. V. 1991, *Circumstances excluding the criminality of the act*, Kharkiv.
- Blagov, E. V. 1992, 'Qualification of acts excluding criminal responsibility', *State and law*, no. 9, pp. 78–83.
- Dmitrenko, A. P. 2010, *The Institute of the circumstances excluding criminality of act in criminal law of Russia: fundamentals of the theory of legislative regulation and law enforcement: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Dorogin, D. A. 2013, *Circumstances excluding criminal responsibility*, Moscow.
- Kelina, S. G. 1999, 'Circumstances excluding criminality: concept and types', *Criminal law*, no. 3, pp. 4–5.
- Milyukov, S. F. 1998, *Circumstances excluding public danger of criminal act*, St. Petersburg.
- Oreshkina, T. YU. 2016, 'Circumstances excluding the criminality of the act: general issues of discussion', *Criminal law*, no. 4, pp. 66–76.
- Trajnin, A. N. 1929, *Criminal law. General part*, Moscow.
- Zvecharovskij, I. E. (ed.) 2004, *Russian criminal law. General part*, Moscow.
- Blinnikov, V. A. 2002, *The system of the circumstances excluding criminality of act in criminal law of Russia: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Karpec, I. I. 1985, *Criminal law and ethics*, Moscow.
- Kozak, V. N. 1972, *The right of citizens to self-defense*, Saratov.
- Kozak, V. N. 1981, *Questions of theory and practice of extreme necessity*, Saratov.
- Vinokurov, V. N. 1999, *Extreme necessity as a circumstance excluding the criminality of the act: PhD thesis (Law)*, Ryazan.
- Korobicin, I. V. 2002, *Infliction of harm during the detention of the person who committed the crime as a circumstance precluding the criminality of the act: abstract of PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Kurinov, B. A. 1984, *Scientific basis of qualification of crimes*, Moscow.
- Popov, K. I. 2010, 'The legal nature of the circumstances of lawful infliction of harm', *Russian inspector*, no. 5, pp. 12–14.
- Sluckij, I. I. 1956, *Circumstances excluding criminal responsibility*, Leningrad.
- Boutellier, H. 2001, 'The convergence of the social policy and criminal justice', *European journal on the criminal policy and research*, vol. 9, iss. 4, pp. 361–380.
- Crime prevention and criminal justice*, G. A. res. 47/91, 47 U.N. GAOR Supp. (№ 49) at. 171, U.N. Doc. A/47149 (1992), pp. 108–119.
- Delisi, M, Hochstetler, A, Higgins, GE, Beaver, KM & Graeve CM 2008, 'Toward a general theory of criminal justice. Low self-control and offender noncompliance', *Criminal justice review*, vol. 33, iss. 2, pp. 141–158.
- Musheno, M, Palumbo, D & Levine, J 1976, 'Evaluating alternatives in criminal justice. A policy-impact model', *Crime & Delinquency*, vol. 22, iss. 3, pp. 265–283.
- Oleson, KC & Darley, JM 1999, 'Community perceptions of allowable counterforce in self-defense and defense of property', *Law and human behavior*, vol. 23, iss. 6, pp. 629–651.

- Reiner, R 2000, 'Crime and control in Britain, *Sociology*, vol. 34, iss. 1, pp. 71–94.
- Federal Bureau of Investigation, US Department of Justice* 1984, Uniform Crime Reporting Handbook, Washington, DC, pp. 30–31
- Tihomirova, L. V. & Tihomirov, M. YU. 2002, *Juridical encyclopedia*, 5th edn, Moscow.
- Topornin, B. N. 2001, *Juridical encyclopedia*, Moscow.
- Kuznecova, N. F. & Tyazhkova I. M. (eds) 2002, Criminal law course, in 5 vols, vol. 1, Study of crime, Moscow.
- Piontkovskij, A. A. 1961, *The study of the crime of soviet criminal law*, Moscow.
- Johnson, B & Huff, C 1987, *Ronald public opinion and criminal justice policy*, vol. 2, iss. 2, pp. 118–132.
- Noti, A 2003, 'The uplifted knife: morality, justification, and the choice-of-evils doctrine', *New York university law review*, vol. 78, iss. 5, pp. 185–186.
- Robinson, PH 1982, 'Criminal law defenses: a systematic analysis', *Columbia Law Review*, vol. 82, pp. 199–211.
- Chubarev, V. L. 1982, *Public danger of crime and punishment*, Moscow.
- Merkur'ev, V. V. 1998, *Necessary defence: criminal law and criminological aspects: abstract of PhD thesis (Law)*, Ryazan.
- Koreckij, D. & Milyukov S. 2004, 'Extrajudicial repression as a legal way to fight with crime', *Criminal law*, no. 1, pp. 112–114.
- Ponomar', V. E. 1999, *Infliction of harm during the arrest of the person who committed the crime as a circumstance excluding the criminality of the act: abstract of PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Ushakov, D. N. 2005, *Large explanatory dictionary of the modern Russian language*, Moscow.

Viktor Semenovich Kohtachev, senior researcher, Scientific research institute of the Federal Penal service of Russia, deputy chairman of Public Council of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: kohtachev2009@yandex.ru

PROFESSIONAL BURNOUT OF THE EMPLOYEE OF THE FEDERAL SERVICE OF EXECUTION OF PUNISHMENT – NON-INSURANCE CASE. WHY?

Recommended citation

Kohtachev, V. S. 2018, 'Professional burnout of the employee of the Federal service for execution of punishment – non-insurance case. Why?', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 413–419.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of professional burnout of employees of the Federal service execution of punishments. According to the classical definition, professional burnout is a syndrome that develops against the background of chronic stress and leads to the depletion of emotional, energy and personal resources of the working person. The service of many employees of institutions that carry out sentences in the form of imprisonment takes place in front of the special contingent, their relatives, human rights organizations. In their activity publicity of execution of professional actions is of great importance. Any misconduct of the

employee, his words, tone, manners, appearance – all this attracts the attention of others and is often discussed. An employee always works under the sharp, gaze of people, because he is a representative of the authorities. His actions are subject to strict evaluation by others and can often be recorded on the technical means of photo and video recording. All this together becomes a significant psycho traumatic factor, sometimes leads to the syndrome of professional burnout. In this regard, it seems legitimate to raise the question of the possibility and necessity of attributing professional burnout of employees of the Federal service for execution of punishment to insurance events in view of the implementation of compulsory state life and health insurance of employees.

Keywords: professional burnout, employee of the Federal for execution of punishment service, official activity, state insurance.

References

Burned down at work: up to 60 % of employees suffer from professional burnout n.d., viewed 1 December 2016, <https://alfastrah.ru>.

Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V. & Manujlov, G. M. 2002, *Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups*, Moscow.

Ronchinskaya, T. I. 2002, 'The burnout syndrome in the social professions', *Psychological journal*, no. 3, pp. 85–95.

Stecenko, V. V. 2016, 'Psychological peculiarities of professional activity of employees of the bodies of internal Affairs: the reflective aspect', *Bulletin of Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, no. 1, pp. 104–107.

Polivanova, N. P. 2012, 'Professional burnout of law enforcement officers and MIS: signs and ways of overcoming', in *Actual problems of activity of divisions of the criminal executive system of Russia: collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference*, pp. 706–712, Voronezh.

Aminov, I. I. & Antonyan E. A. 2016, 'Prevention of professional deformation of employees of the Penal system as a factor of prevention of corruption risks', in *Science yesterday, today, tomorrow: collection of articles on the materials of XLI International scientific-practical conference*, no. 12(34), part. II, pp. 100–106, Novosibirsk.

«VTB Insurance» will insure employees of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia for 1.7 billion rubles n.d., viewed 22 May 2018, <http://www.asn-news.ru>.

Belgians recognized professional burnout as a disease n.d., viewed 1 December 2016, <http://medportal.ru>.

TIME LENS

Yurij Arsenovich Reent, DSc (History), Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, professor of philosophy and history Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: reent2@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF THE STUDY OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN THE SOUTH URAL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE RECOVERY PERIOD

Recommended citation

Reent, Yu. A. 2018, 'On the problem of the study of places of deprivation of liberty in the South Ural region during the great Patriotic war and the recovery period', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 420–424.

Abstract. The article is based on the reflections on the thesis of E. A. Kovaleva «Correctional and labor institutions in the territory of the southern Urals in 1941–1953», who chose a complex and insufficiently studied problem. The topic seems to be very relevant, especially due to the fact that the work used a new, previously unused material of regional archives, extensive source base. The article presents an overview and a brief analysis of the manuscript. The list of institutions studied in it is extensive. Thus, at the beginning of the war, the region had a correctional labor camp, 30 correctional labor colonies, 3 labor colonies for juvenile offenders, 17 investigative and 6 internal prisons, by the end of the war – 4 labor camps, 28 correctional labor colonies, 7 labor educational colonies, 15 investigative prisons. It was especially important to trace the changes in the forms of work with different categories of the special contingent of places of deprivation of liberty. The study forms a discussion field for serious discussion not only in historical, but also in historical and legal science.

Keywords: the history of Russia, the history of state and law, the Great Patriotic war, labor camps and colonies, the Penal system of Russia.

References

Kovaleva, E. A. 2018, *Correctional labor institutions in the southern Urals in 1941–1953: PhD thesis (History)*, Orenburg.

Detkov, M. G. 1992, *The content of the punitive policy of the Soviet state and its implementation in the execution of the punishment of imprisonment in the thirties and fifties*, Domodedovo.

Petrov, N. V. 2004, vol. 2, *The punitive system: structure and personnel structure, the history of the Stalin Gulag. Late 1920s – early 1950s: collection of documents*, in 7 vols, Moscow.

Hlevnyuk, O. V. 2004, vol. 3, *The economy of the Gulag, the History of Stalin's Gulag. Late 1920s – early 1950s: collection of documents*, in 7 vols, Moscow.

Bezborodov, A. B. & Hrustalev, V. M. 2004, vol. 4, *The population of the Gulag: the number and conditions of detention, the history of the Stalin Gulag. Late 1920s – early 1950s: collection of documents*, in 7 vols, Moscow.

Kuz'minyh, A. L. 2014, *System of military captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience (1939–1956): PhD thesis (History)*, Arkhangelsk.

Reent, Yu. A. 2013, *The history of Penal system and judicial bodies of Russia*, 2nd edn, Ryazan.

Karner, S. 2002, *Archipelago of the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees. Captivity and internment in the Soviet Union. 1941–1956*, translated from the German by O. Aspisova, Moscow. (in Russ.)

Evgenij Vladimirovich Prys', PhD (Law), professor of the Institute in criminal process and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

ON THE HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONS OF CRIME AND PUNISHMENT

Recommended citation

Prys', E. V. 2018, 'On the history and development of the institutions of crime and punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 425–429.

Abstract. The article deals with the historical issues of development of institutions of crime and punishment, it is concluded that their formation was influenced by the process of formation of society from the period of man's release from the wild (instinctive period) to the present day – the conscious formation of Penalties for socially dangerous acts. As a result, in the present time the basis of the criminal law laid down the institutions of crime and punishment as the most important tools in the fight against crime in our country.

Keywords: crime, punishment, criminal law.

References

- Karpec, I. I. 1973, *Punishment. Social and criminological problems*, Moscow.
- Marks, K. 1955–1974, *Death Penalty*, in K. Marks & F. Ehngel's, *Compositions*, 2nd edn, vol. 8, Moscow.
- Petuhov, Yu. D. 2009, *History of ancient Ruses*, Moscow.
- Ancient Slavs. Myths and legends of the peoples of the world* 2004, Moscow.
- Zhil'cov, S. V. 2002, *Death Penalty in the history of Russia*, Moscow.
- Koshel', P. A. 1995. *History of punishment in Russia*, Moscow.
- Pileckij, S. G. 2008, *About revenge and its place in human life*, Yaroslavl.
- Malinovskij, I. A. 1908, *Blood feud and death Penalty*, iss. 1–2, Tomsk.
- Shelkolyals, N. A. 2000, *Death Penalty in Russia*, Minsk.
- Kovalevskij, M. 1886, *Primitive law*, iss. 1, *Rod*, Moscow.
- Hachaturov, R. L. 1989, 'Refusal of death Penalty in the law of Ancient Russia', in *Death Penalty: for and against*, pp. 377–388, Moscow.

ABROAD

Andrej Petrovich Skiba, DSc (Law), Associate Professor, head of Penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail:apskiba@mail.ru;

Aleksej Nikolaevich Siryakov, PhD (Law), associate professor of Penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 643350@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES IN EXTREME CONDITIONS IN FRANCE AND SPAIN**Recommended citation**

Skiba, A. P. & Siryakov, A. N. 2018, 'Some aspects of the execution of criminal Penalties in extreme conditions in France and Spain', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 430–436.

Abstract. In accordance with article number 85 of the Criminal Executive code of the Russian Federation, a the mode of special conditions may be introduced in a correctional institution in cases of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law in the area of the correctional institution, in case of mass riots, as well as group disobedience of

convicts. However, the provisions of this rule of the Russian law are vague, insufficiently taking into account the peculiarities of the various bases for the introduction of the regime of special conditions and require further legislative specification of the legal status of both convicts and employees of the Penal system. The legislation of France and Spain in the field of regulation of criminal executive relations during the period of special regimes has a number of features. In these states there is no single act regulating the actions of the prison administration and the restrictions imposed on persons held in them. There are additional powers of the prison administration (immediate transfer of convicts to other institutions, the use of special technical control measures, etc.). The interesting thing is the establishment of control over the vacant convicted of a separate offence and suspension issues for early parole. This experience may be taken into account in the improvement of the domestic criminal enforcement legislation.

Keywords: execution of criminal Penalties, Penal institutions, extreme conditions, state of emergency, state of siege, restrictions of rights of the person, France, Spain.

References

Dergachev, A. V. & Skiba, A. P. 2017, 'State of emergency as a basis for the introduction of special conditions in correctional institutions: problems of regulation', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 3, pp. 244–248.

Siryakov, A. N. 2018, 'Regime of special conditions in correctional institutions of the Commonwealth of Independent States', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, no. 1(41), pp. 56–61.

Skiba, A. P. & Kijko, N. V. 2018, 'Penal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the event of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law. Special part of the Penal code', in *Topical issues of Penal law and execution of punishments*, pp. 74–78, Minsk.

Surzhenko, Yu. A. 2017, *Legal and organizational and tactical support of execution and serving of punishment in correctional institutions in case of special conditions: PhD thesis (Law)*, Minsk.

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. 2017, *Penal law in the conditions of natural disaster and the introduction of a state of emergency or martial law*, Ryazan.

Marius Iokubovich Murkshtis, PhD (Law), lawyer, Moscow regional college of advocates, Moscow, Russian Federation, e-mail: 7607428@mail.ru

ANALYSIS OF FOREIGN LEGISLATION ON LIABILITY FOR ILLEGAL ARMS TRAFFIC (ON THE EXAMPLE OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES)

Recommended citation

Murkshtis, M. I. 2018, 'Analysis of foreign legislation on liability for illegal arms traffic (on the example of the Commonwealth of Independent States)', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 437–440.

Abstract. The article is devoted to the analysis of foreign legislation on liability for illegal arms traffic (on the example of the countries of the Commonwealth of Independent States).

The criminal laws of Armenia, Kazakhstan and Belarus are considered as typical examples of the state of criminal legislation in this area. Legislative approaches that can be used as a positive experience in the process of legislative activity are highlighted. In general, the legislation of most countries of the Commonwealth of Independent States is dominated by a unified approach to the description of crimes in the field of illegal arms traffic, which is manifested in the perception of these crimes as crimes against public security and responsibility for a relatively small number of the same acts. This is explained due to the General historical and legal nature and similar traditions of criminal law arising from the criminal legislation of the USSR. Among the interesting features of the legislation of the neighboring countries of the Commonwealth of Independent States, which can be taken into account in the process of legislative activity, it should be noted: the establishment of criminal liability for forgery or intentional destruction of the marking of firearms; the use of the institution of administrative prejudice for a number of acts in the field of illegal arms traffic with a lesser degree of public danger.

Keywords: weapons, illegal arm traffic, Armenia, Kazakhstan, Belarus, criminal liability, prejudice.

MANAGEMENT VECTOR

Sergej Mihajlovich Vorob'ev, DSc (Law), Associate Professor, professor of theory of state and law, international and european law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru;

Andrej Vladimirovich Ilyuhin, PhD (Law), associate professor of theory of state and law, international and european law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: andrew062@mail.ru

THE EXPERIENCE OF INTERACTION OF TERRITORIAL BODIES AND INSTITUTIONS OF THE FEDERAL SERVICE FOR EXECUTION OF PUNISHMENTS WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS: ON THE EXAMPLE OF THE UDMURT REPUBLIC

Recommended citation

Vorob'ev, S. M. & Ilyuhin, A. V. 2018, 'The experience of interaction of territorial bodies and institutions of the Federal service for execution of punishments with religious organizations: on the example of the Udmurt Republic', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 441–445.

Abstract. The article analyzes the legal regulation of the interaction of institutions and bodies of the Federal service for execution of punishments with religious organizations, the characteristics of the main activities, the purpose of which is to create conditions for the implementation of religious rites in correctional institutions, taking into account the provisions of international standards. The problems associated with the peculiarities of the implementation of cooperation in the framework of the activities of management of Federal service for execution of punishments on the Udmurt Republic with local religious organizations of Izhevsk and Udmurt eparchy of Russian Orthodox Church are also discussed, as well as with the regional Spiritual administration of Muslims of Udmurtia. As a result of the analysis the following conclusions are made. The Udmurt metropolis of the Russian Orthodox Church is divided into three dioceses (Glazov, Izhevsk, Sarapul), and there are correctional facilities

in each of them. This created some difficulties in working with the nursing clergy from different dioceses. The solution was found through the creation of a joint Commission on prison service of the Udmurt metropolis, chaired by the assistant Head of the Federal penitentiary service of the Udmurt Republic for the organization of work with believers. Persons who profess both Orthodoxy and Islam serve their sentences in institutions that carry out criminal Penalties in the form of deprivation of liberty in the territory of the Udmurt Republic. Interaction of the assistant on the organization of work with believers and with representatives of the Islamic High Council is carried out according to the following scheme: the assistant of the head of Department of Federal penitentiary service of the Udmurt Republic on the organization of work with believers directly cooperates with the head of Department of regional Spiritual Department of Muslims of Udmurtia on interaction with Management of Federal penitentiary service, and he, for his part, as a fixed person from the regional Spiritual Department of Muslims of Udmurtia carries out a direct contact with convicts, professing Islam. The accumulated experience of interaction of the assistant to the head of Department of Federal penitentiary service for the Udmurt Republic on the organization of work with believers with the religious denominations located in the territory of the republics can quite be used in other territorial authorities of Federal penitentiary service.

Keywords: religious denominations, religious organizations, the Penal system, institutions and bodies executing criminal Penalties, convicts, interaction.

References

Rudakov, A. M. 2014, 'The informative aspect of realization of freedom of conscience and freedom of religion: detected violations against teenagers', *Man: crime and punishment*, no. 3(86), pp. 152–156.

Yunusov, A. A. & Abdurazakov, A. A. 2016, 'The influence of religious organizations on the prevention of recidivism', *Man: crime and punishment*, no. 1(92), pp. 70–73.

Vladimir Anatol'evich Ponikarov, DSc (Law), Associate Professor, professor of administrative and financial law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Sergej Vladimirovich Ponikarov, operative of assault branch of special purpose (basic), Federal Penal service of Russia across the Ryazan region, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Sergej Mihajlovich Smolev, chief of fire training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru;

Sergej Valer'evich Stroilov, deputy chief of fire training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru

THE CONTENT OF EVIDENCE IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN LAW ENFORCEMENT OF OFFICERS OF SPECIAL PURPOSE DIVISIONS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE

Recommended citation

Ponikarov, V. A., Ponikarov, S. V., Smolev, S. M. & Stroilov, S. V. 2018, 'The content of evidence in cases of administrative offenses in law enforcement of officers of special purpose divisions of the Federal Penal service', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 446–454.

Abstract. The article is devoted to theoretical and practical aspects of the Institute of evidence in cases of administrative offenses in law enforcement activities of employees of special purpose divisions of the Federal penitentiary service. Many aspects of improving the process of evidence are scientifically formulated. The research allowed to solve such a scientific problem as the definition of specific components of the content of evidence in cases of administrative offenses in law enforcement directly by the employees of the special purpose divisions of the Federal penitentiary service. The components of evidence in the activity in question include: the collection of evidence; the concept of the purpose of evidence; the problem of evidence; the subject and limits of evidence; forms of evidence. The specific methods of collecting evidence in cases of administrative offenses directly in the field of activity are determined as follows: 1) methods of collecting evidence, which are fixed by material norms (inspection, search, verification of documents); 2) methods of collecting evidence, which are fixed by procedural rules (Protocol, explanations of individuals, expert opinion). The contents of evidence in cases of administrative offences in the law enforcement activities of employees of special divisions of the Federal service of execution of punishments has its own substantive and procedural form, which is a collection of established normative elements that form the process of establishing objective truth on Affairs about administrative offences in the institutions and bodies of the law enforcement activities of the Federal service for execution of punishments.

Keywords: evidence, law enforcement, cases of administrative offences, special purpose divisions of the Federal penitentiary service, collection of evidence, the subject and limits of evidence, forms of evidence.

References

Ponikarov, V. A., Pavlova, L. V. & Senatova, E. V. *Institute of proof in cases of administrative offenses in law enforcement of correctional institutions and detention centers of the Federal Penal service of Russia*, Moscow.

Maksim Yur'evich Konarev, PhD (Law), head of organizational and analytical department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, mxkv@ya.ru

FEATURES OF CIVIL LIABILITY OF PRISON OFFICERS FOR THE UNLAWFUL USE OF PHYSICAL FORCE, SPECIAL MEANS AND WEAPONS FROM THE POINT OF VIEW OF INTERNATIONAL LAW

Recommended citation

Konarev, M. Yu. 2018, 'Features of civil liability of prison officers for the unlawful use of physical force, special means and weapons from the point of view of international law', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 455–459.

Abstract. The article deals with the problematic aspects and features of the institution of civil liability of prison officers from the point of view of international law in the use of physical force, special means and weapons. The mechanism of legal regulation of this institution is analyzed taking into account three legal levels: international, state and departmental. The relationships and interdependencies of these levels, including in the aspect of tort obligations, are deter-

mined. Focusing on the problems of civil liability, the author notes the inter-sectoral nature of the named institution, including the Russian legislation. The article emphasizes the absence in the Civil code of the Russian Federation of special rules governing the relations that may arise between employees of the Penal correction system as special subjects, and persons held in institutions of the Federal penitentiary service, as well as other persons in the performance of employees of the penitentiary system of official duties, taking into account the specifics of the functioning of correctional institutions.

Keywords: civil liability, international law, Penal system, use of physical force, special means and weapons.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Nikolaj Viktorovich Rumyansev, DSc (Law), deputy head of the Institute, Scientific research Institute of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: rumyantsev.n.v@yandex.ru;

Sergej Mihajlovich Kolotushkin, DSc (Law), Professor, chief researcher, Scientific research Institute of the Federal Penal service of Russia, Moscow, Russian Federation

FEATURES OF DETECTION, FIXING AND WITHDRAWAL OF TRACES ON THE UNMANNED AIRCRAFT BROUGHT DOWN OVER TERRITORIES OF ORGANIZATIONS OF PENAL SYSTEM

Recommended citation

Rumyansev, N. V. & Kolotushkin, S. M. 2018, 'Features of detection, fixing and withdrawal of traces on the unmanned aircraft brought down over territories of organizations of Penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 460–464.

Abstract. The article gives recommendations on technical and criminalistic support of inspections of downed unmanned aircrafts over the territories of institutions of the Penal system. The use of unmanned aircrafts for the delivery of prohibited items on the territory of institutions of the Penal system forced to take measures for their detection and radio suppression. After a fall or an emergency landing, unmanned aerial vehicles become the objects of criminalistic research. The specificity of these objects makes us look for new methods and means of fixing and removing traces that can be considered as evidence of illegal actions.

Keywords: unmanned aircrafts, establishments of Penal system, prohibited items, technical and criminalistic support, trace, detection, fixing, withdrawal.

Dmitrij Alekseevich Grishin, PhD (Law), senior lecturer of criminal procedure and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: gda187@rambler.ru

INFORMATION BASES OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Recommended citation

Grishin, D. A. 2018, 'Information bases of evidence in a criminal case', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 465–469.

Abstract. The article deals with the concept of the process of evidence in criminal proceedings, the requirements for it, the role of various participants in criminal proceedings in this activity. The study of this problem is carried out taking into account the peculiarities of criminal proceedings in a correctional institution. In particular, the order of use of the results of regime measures and operational-investigative activities in correctional institutions in the process of evidence are analyzed. It is suggested to exclude the need for paper logging of investigative actions, justified the need to change the current procedural order. Improvement of the criminal procedure legislation is possible due to more intensive use of information technologies in the process of evidence.

Attention is drawn to the fact that the capabilities of participants in criminal proceedings in the framework of the proof process will be different, depending on which they take a direct, full part in the evidence process (active procedural position) or their activity in the activity under consideration is limited. However, the leading role in the process of evidence with an active procedural position and the possibility of using all means of evidence belongs to the authorities of criminal procedure—the investigator, the investigative body, the court. In view of this, it is proposed to amend part 1 of article 86 of the Criminal procedure code of the Russian Federation and to exclude the defender from the subjects of the process of proving. The subject is the study of the possibility of using as evidence the results of operational-search activities, regime measures and the functioning of the system of video control of correctional institutions in proving criminal cases of crimes committed in their territory. It is concluded that the direct handling of such information in a criminal case is impossible and its lawful use requires certain procedural actions. It is proposed to provide in the legislation an alternative way to record the procedural consolidation of the results of investigative actions through the use of video recording.

Keywords: the process of proving, information, procedural information, the results of regime measures, the results of operational-investigative activities, video recording of the course of investigative actions.

References

Grishin, D. A. 2015, 'Information space of criminal procedure', *Bulletin of Orel state University, Series of New Humanitarian researches*, no. 2(43), pp. 51–53.

Fedotov, I. 2014, 'Evaluation of expert and specialist opinion and testimony as evidence in a criminal case', *Criminal law*, no. 3, pp. 107–114.

Nuzhdin, A. A. 2017, 'Specifics of the situation of committing crimes by convicts in the institutions of the Penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 1, pp. 87–91.

Lyudmila Evgen'evna Grishko, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of criminal procedure and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 9105001000@mail.ru;

Irina Evgen'evna Prys', PhD (Law), associate professor of the Institute in civil law and procedure department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 89263922888@mail.ru

THE PERSONALITY OF A CONVICTED PERSON FOR ECONOMIC CRIMES: ON THE EXAMPLE OF THE PERSONALITY OF THOSE CONVICTED OF TAX CRIMES

Recommended citation

Grishko, L. E. 2018, 'The personality of a convicted person for economic crimes: on the example of the personality of those convicted of tax crimes, *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 470–475.

Abstract. The article presents the criminological characteristics of the person convicted of crimes in the sphere of economic activity on the example of the person convicted of tax crimes included in the legislation of the Russian Federation in the crimes in the sphere of economic activity and make up a significant proportion among them. In General, the characteristics of the persons convicted of crimes in these categories coincide. Leading criminologists in the Penal branch propose to differentiate this category of convicts and to keep them separate from other convicts because of their criminological and socio-demographic characteristics. Such detention may have a positive impact on the General rule of law in correctional institutions. Those convicted of economic crimes are characterized by more developed intellectual abilities, they differ in creative thinking, are more organized, often have a high social status. The study identified the following features: 1) socio-demographic characteristics-male sex, average age of about 40 years, high level of education, as a rule, secondary vocational and higher education; work in state and municipal entities, commercial organizations or engaged in private business; with strong family ties; 2) criminal-legal data – committing a crime under article 199 of the Criminal code of Russian Federation «Evasion from payment of taxes and (or) duties with the organization», in most cases, in especially large size, as the perpetrator, without the complicity of; among other crimes committed simultaneously with the tax crime, the most common fraud; the highest proportion of persons condemned to a fine; among other measures of criminally-legal character applied conditional condemnation to imprisonment; a term of imprisonment up to three years; convicted for the first time; 3) criminal-Executive and psychological indicators – positive behavior and observance of the order and conditions of serving the sentence, the absence of disciplinary sanctions; the prevalence of deep socio-political and scientific beliefs, the prevalence of professional, artistic and practical skills and intellectual skills; alternative behavior stereotype, mainly choleric and sanguine type of temperament. Indicators characterizing the personality of a convicted person for tax crimes show that he is different from other convicts and represents a rather paradoxical figure from the point of view of criminology, when educated and engaged in socially useful work, in the family plan, well-off persons fall into the category of asocial types. The unifying feature of the identity of the tax offender is entrepreneurial activity, which they carry out or which is involved in varying degrees.

Keywords: economic crimes, the personality of the convict, criminological characteristics, socio-demographic characteristics.

References

- Dolgovoj, A. I. (ed.) 2017, *Problems of determination and crime prevention*, Moscow.
- Seliverstov, V. 2017, 'Serving prison sentences for economic and official crimes, taking into account the use of their intellectual and creative potential: a new scientific project', *Penal law*, vol. 12, iss. 1, pp. 34–38.
- Dolgovoj, A. I. 2018, *The identity of the offender and its criminological study*, Moscow.

Andrej Vasil'evich Shcherbakov, PhD (Law), associate professor of civil law disciplines department, Academy of the FPS of Russia (Pskov branch), Pskov, Russian Federation, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

ENGINEERING AND TECHNICAL MEANS OF ENSURING SECURITY REGIME REQUIREMENTS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Recommended citation

Shcherbakov, A. V. 2018, 'Engineering and technical means of ensuring security regime requirements of the penitentiary system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 476–481.

Abstract. The article notes the important role of engineering and technical means of ensuring the security of the Penal system, including in the framework of integrated systems, formulates and justifies proposals to change certain legal norms in the Penal code of the Russian Federation, as well as in the Law of the Russian Federation «on institutions and bodies executing criminal Penalties in the form of imprisonment». In connection with the improvement of the legislative framework, it is proposed to develop a Manual on the application of engineering and technical means of protection and supervision, where to detail the rights and duties of correctional officers, the algorithm for the application of engineering and technical means to ensure regime requirements in normal and non-standard conditions of activity. The state of these problems in the context of the ongoing reform of the Penal system has predetermined the introduction of proposals, the adoption of which will be essential to ensure the security of the Penal system.

Keywords: security, security of the penitentiary system, engineering and technical means, integrated security systems.

References

Pertli, L. F. 2016, 'Internal equipment of correctional institutions: legal framework, experience and impact on the security of the Penal correction system', in *Equipment and safety of objects of the Penal system: collection of materials of the International scientific and practical interdepartmental conference*, pp. 31–36, Voronezh.

Vinokurov, V. V. 2016, 'Features of the use of integrated security systems in institutions of the Penal correction system', in *Equipment and security facilities: collection of materials of the International scientific and practical interdepartmental conference*, pp. 8–10, Voronezh.

Berdnikov, N. G. 2016, 'Features of application of engineering and technical means of protection and supervision in the Penal system at the present stage', in *Technique and safety of objects of Penal system: collection of materials of the International scientific and practical interdepartmental conference*, pp. 6–7, Voronezh.

Bochkarev, V. V. 2016, 'Improvement of use in correctional institutions of engineering and technical means', *Actual problems of the Russian law*, no. 4, pp. 174–175.

Kazak, B. B. & Borisenko, I. V. 2012, 'The use of electronic monitoring in the control of convicts without isolation from society', *Russian investigator*, no. 9, pp. 32–33.

Aleksej Viktorovich Bogdanov, adjunct of the 3rd faculty, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: alexey-b1980@mail.ru

FEATURES OF THE SUBJECT OF CRIMES CONTAINING ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE CURRENT CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Recommended citation

Bogdanov, A. V. 2018, 'Features of the subject of crimes containing administrative prejudice in the current criminal law of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 482–486.

Abstract. The article deals with the theoretical aspects of the legal regulation of a special subject of crimes containing administrative prejudice in the current criminal law, analyzes the existing scientific approaches to the problem under consideration, proposes: the concept of the subject of crimes containing administrative prejudice; addition to the existing in the science of criminal law classification of special subjects of criminal acts; interpretation of the mechanism of re-criminalization of acts with signs of administrative misconduct, which is based on the appearance of the re act, the legal characteristics of malice; the justification of changes to the current wording of article 264.1 of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, crime, offense, special subject, social danger, administrative preclusion, legislative techniques, administrative offense.

References

- Bahrah, D. N. 1989, *Administrative responsibility of citizens in the USSR*, Sverdlovsk.
- Borzenkov, G. N. 1999, 'Special subject of crime', in N. F. Kuznecova, I. M. Tyazhkova (eds) *Criminal law course*, 5th edn, Moscow.
- Galahov, A. V. 2008, 'Questions of qualification of crimes and its interpretation in judicial practice', *Russian justice*, no. 2, p. 38–42.
- Lejkina, N. S. & Grabovskaya, N. P. 1968, 'The subject of crime', in *Course of Soviet criminal law, General part*, Moscow.
- Orymbaev, R. O. 1977, *Special subject of the crime*, Alma-Ata.
- Rumyancev, O. N. 2007, 'Concepts and qualifying features of the subject of the crime under article 315 of the Criminal code of the Russian Federation', *Humanitarian and socio-economic sciences*, no. 1, pp. 139–141.
- Semenov, S. A. 1999, *Special subject of crime in criminal law: abstract of PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Sergeev, V. I. 2001, 'The subject and the subjective side of the tax crime', *Law and economics*, no. 2, pp. 68–72.
- Tarasova, Yu. V. 2001, *Special subject of crime and its significance in criminal law: abstract of PhD thesis (Law)*, Moscow.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Il'ya Nikolaevich Chernyshov, PhD (Economics), senior lecturer, economics and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ilya_4@mail.ru

THE COSTS AND BENEFITS OF THE LABOUR OF CONVICTS: PROBLEMS OF STATISTICAL ANALYSIS

Recommended citation

Chernyshov, I. N. 2018, 'The costs and benefits of the labour of convicts: problems of statistical analysis', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 487–494.

Abstract. The article presents the results of a comprehensive economic analysis of the costs and results of labor activity of convicts engaged in paid work. On the basis of generalization of the analytical material contained in the statistical forms of reporting of the Federal penitentiary service for 2008–2017, a comparative analysis of indicators of output of commodity products, employment of convicts in paid jobs, the total use of working time, the wage Fund, productivity and wages, as well as deductions from accrued wages was carried out. The main results obtained on the basis of the interpretation of the processed data indicate a complex impact of internal and external factors hindering the development of the production sector of the penitentiary system. An important feature of the analysis is the adjustment of the key volume indicators of production and economic activity, taking into account the influence of price factors, as well as the expansion of the system of indicators characterizing the costs and results of convicts' work. Particular attention is paid to the existing methodological and methodical problems of statistical analysis, subsequent processing and interpretation of the results. Proposals were made to improve approaches to the collection of analytical material, review approaches to the calculation of key socio-economic indicators (in particular, indicators of labor productivity and the use of working time), deepening the analysis in the context of the main types of production and economic activities of correctional institutions.

Keywords: the Penal correction system, production, convict labor, labor productivity, wages, labor statistics.

References

Rodionov, A. V. 2017, 'Strategy of development of criminal-executive politics in the field of organization of work of convicts', *Penal law*, no. 1, pp. 31–33.

Bol'shakova, E. V., Terekhin, V. I. & Chernyshov V. V. 2017, 'Problems of development of the production sector of the Penal correction system and ways to solve them', *Penal law*, no. 1, pp. 9–12.

Belova, T. N. 2016, 'The economy of the Penal system as an object of forecasting using mathematical models', *Man: crime and punishment*, no. 2, pp. 96–101.

Chernyshov, I. N. 2016, 'Goals of work in the system of correction of convicts', *Man: crime and punishment*, no. 1, pp. 120–126.

Kustov, M. N. 2017, 'Actual problems of violation of the requirements of the laws regulating the work of convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 4, pp. 657–661.

Pogudin, O. A. 2010, 'Optimization of the system of remuneration of convicts: concept, contradictions and problems of achievement', *Penal law*, no. 2, pp. 38–44.

Kalashnikov, G. M. 2016, 'The question of equitable payment of prisoners', *Scientific review*, no. 18, pp. 120–122.

Pogudin, O. & Chernyshov, I. 2014, 'The production potential of the penitentiary system: is it on the way to revival or stagnation?', *Problems of management theory and practice*, no. 2, pp. 132–139.

Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization n.d., viewed 27 May 2018, http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/stat/documents/normativeinstrument/wcms_230304.pdf.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Larisa Vadimovna Shatohina, PhD (Pedagogy), associate professor of general psychology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: shatohina.larisa@rambler.ru;

Mariya Mihajlovna Kalashnikova, PhD (Psychology), senior lecturer of general psychology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: maria-ka@yandex.ru;

Dmitrij Vladislavovich Sochivko, PhD (Psychology), professor general psychology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sochivo@mail.ru

THE PROBLEM OF PROGNOSTIC DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL CULTURE OF TEACHERS IN THE SYSTEM OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Recommended citation

Shatohina, L. V., Kalashnikova, M. M. & Sochivko, D. V. 2018, 'The problem of prognostic development of pedagogical culture of teachers in the system of educational organizations', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 495–499.

Abstract. The article deals with the problem of prognostic development of pedagogical culture of teachers, substantiates the relevance of its study at the present stage of development of educational institutions of higher education of the Federal penitentiary service, which is due to the presence of a number of contradictions. The system of contradictions revealed by us formed the basis of the formulation of the scientific problem of research, goal setting, hypothesis, object and subject of research. Based on the hypothesis of the study, a set of theoretical, conceptual and methodologically sound theses on the stated topic is presented. In accordance with the problem, purpose, object, subject and hypothesis of the study raises a number of problems requiring urgent resolution in the field of increase of level of pedagogical culture and competence of the persons carrying out the training, education and development of students in educational institutions of Federal service of execution of punishments, and persons serving sentences in places of deprivation of liberty.

Keywords: educational organization, teacher, pedagogical culture, prognostic development, professional activity, pedagogical model, higher education, psychological support.

References

Shatohina, L. V. 2017, 'To the question of formation of communicative culture of cadets of the Academy of law management of the federal Penal service of Russia', in *D. V. Sochivko (ed.) Scientific support of psychological, pedagogical and social work in the penitentiary system: collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the psychological service of the penitentiary system (Ryazan, March 31, 2017)*, pp. 381–388, Ryazan.

Shatohina, L. V. & Shatohin, D. D. 2016, 'Psycho-educational evaluation of interpersonal relations in the educational staff of educational institutions of the FPS of Russia with use of methods of integrated diagnosis', *Global scientific potential*, no. 11(68), pp. 12–14.

Shatohina, L. V. 2017, 'Psychological and pedagogical technologies as means of optimization of educational work with cadets of educational organizations of the Federal Penal service of Russia', *Sheets of Penal system*, no. 10(185), pp. 35–39.

Romanov, A. A., Sbitneva, N. N. & Shatohina, L. V. 2017, 'The idea of integrality in the history of pedagogical thought', in *Pedagogical ascetics in the critical era of the twentieth century: selected scientific articles and essays*, pp. 476–492, Ryazan.

Shatohina, L. V. & Kalashnikova, M. M. 2017, 'Interpersonal relations of cadets of educational organizations of the Federal Penal service of Russia in psychological dimension', *Applied legal psychology*, no. 2, pp. 80–85.

Kalashnikova, M. M. & Kalashnikova, T. V. 2016, 'Theoretical approaches to the organization of psychological support of juvenile convicts', in *Penal policy and issues of execution of sentences: proceedings of the International scientific and practical conference (Ryazan, November 24–25, 2016)*, in 2 vols, pp. 810–813, Ryazan.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов.

Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество (для статей на русском языке обязательна транслитерация ФИО авторов) приводятся полностью, без сокращений. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО во всех статьях автора. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

ORCID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ORCID.

ResearcherID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ResearcherID.

Контактная информация (обеспечивает связь любого желающего с автором): e-mail – публикуется в журнале; мобильный телефон – для связи редакции с автором, не публикуется, третьим лицам не передается.

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов (2000–4000 печатных знаков с пробелами), определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускаются нерасшифрованные аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний (не более чем из 3 слов). Перечень основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы. Должен отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами.

Структура. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction) – актуальность

темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановка проблемы, формулирование цели и задач исследования; методы (Materials and Methods) – детальное описание методов и материалов исследования, схем экспериментов, а также информационной и теоретической базы исследования; результаты (Results) – фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, фотографии, рисунки); обсуждение (Discussion) – интерпретация полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; обобщение результатов исследования; предложения по практическому применению результатов исследования и т. д. Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Интервал – 1,5 (полуторный). Выравнивание текста – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру. Выделения в тексте – курсив.

Рисунки, графики, схемы, диаграммы, фотографии располагаются по тексту, нумеруются и подписываются (Рис. 1. Название), на них обязательно делаются ссылки в тексте (рис. 1). Исполняются в черно-белом цвете, должны быть контрастными и четкими (разрешение изображений не менее 300 dpi). Если иллюстрации не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Таблицы создаются в текстовом редакторе MS Word. Должны быть озаглавлены и пронумерованы. В тексте обязательны ссылки на таблицы (табл. 1). Если таблицы не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Формулы выполняются при помощи редактора формул MS Equation. Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках. Единственная в статье формула не нумеруется.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Не допускается избыточное и необоснованное цитирование. Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление:

для статей на английском языке – Гарвардский стиль цитирования (Harvard Referencing Style);

для статей на русском языке – по ГОСТ Р 7.05-2008.

Образец для статей на русском языке:

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2017. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2017).

Источники приводятся в порядке их цитирования в тексте (не по алфавиту) и не повторяются. У научных статей и частей из книг обязательно указывается интервал страниц (С. 54–59), а у монографий, учебников и пр. – общее количество страниц в издании (542 с.).

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*
Корректор *О. А. Кейзина*
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,25. Усл. печ. л. 8,60. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1